

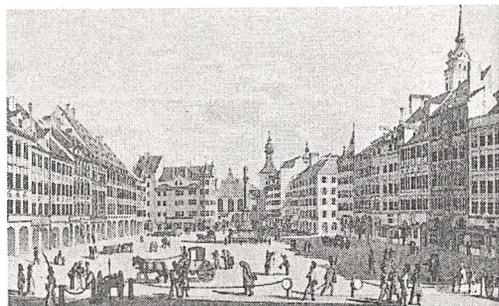
Аркадий ПОЛОНСКИЙ

Arkadij POLONSKIJ

Федор ТЮТЧЕВ
Мюнхенские годы

Fjodor Tjutsew
Die Münchner Jahre

MIR Zentrum russischer
Kultur in München 1999

Аркадий ПОЛОНСКИЙ

Arkadij Polon'skij

Светлой памяти моих родителей

Dem Andenten

meiner Eltern gewidmet

ФЁДОР ТЮТЧЕВ
МЮНХЕНХЕНСКИЕ ГОДЫ

Fjodor Tjutschew

Die Münchner Jahre

MIR

MIR e. V., Zentrum russischer Kultur in München

1999

Книга подготовлена к публикации
литературно-просветительским Обществом им. Ф. И. Тютчева
при Центре русской культуры «MIR» в Мюнхене (Германия).

Die Herausgabe des Buches wurde
von der literarischen Gesellschaft „Fjodor Tjutschew“, angeschlossen
an das Kulturzentrum „MIR“ in München ermöglicht

Фёдор Иванович Тютчев 18-летним юношей приехал в Мюнхен на службу в российскую дипломатическую миссию при баварском королевстве. Более 20 лет прожил Тютчев в Баварии. Книга рассказывает о мюнхенском периоде жизни поэта.

Fjodor Iwanowitsch Tjutschew kam als 18-jähriger nach München an die Russische diplomatische Mission am Bayerischen Hofe. Das Buch erzählt von den über zwanzig Jahren, die der Dichter in Bayern verbracht hat.

Редактор Ксения Михайловна АНТИЧ-МИЛЛЕР

IMPRESSUM

Herausgegeben von MIR e. V., Zentrum russischer Kultur in München
Schellingstr. 117, D-80798 München, Tel. 089-529673, Fax 089-5236340

Verantwortliche: Tatjana LUKINA

Redakteur: Oxana ANTIC-MILLER

MIR

© Arkadiy POLONSKIY

© Fjodor Tjutschew. Die Münchner Jahre

© 1999 MIR e. V., Zentrum russischer Kultur in München

Druck: **druckwerk**, München

Alle Rechte vorbehalten

ISBN 3-9805300-4-3

На обложке:

- Ф. И. Тютчев, фотография С. Левицкого, Петербург, 1856;
- Ботмерштрассе, мюнхенская улица, названная в честь брата и племянника графини Элеоноры Ботмер (во втором браке Тютчевой, первой жены Фёдора Ивановича);
- Мариенплац - главная площадь Мюнхена, 20-е гг. XIX столетия, литография Г. Крауса;
- Фрауенкирхе (1468-88 гг., архитектор Й. Гангхофер), самый большой католический собор Мюнхена; богослужения в соборе часто посещала баронесса Эрнестина Пффефель (во втором браке Тютчева, вторая жена поэта). На стилизованных изображениях собор символизирует город Мюнхен.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
1. „Как сердцу высказать себя...“. Тютчев живой	7
— „ <i>Душа моя! о не вини меня!</i> ...“. Введение	7
— „ <i>Я помню время золотое...</i> “. Амалия	11
— „ <i>Еще томлюсь тоской желаний...</i> “. Nelly	18
— „ <i>В белый сад выходишь утром...</i> “. Клотильда	41
— „ <i>Ты, ты, мое земное провиденье!</i> ...“. Nesti	46
— „ <i>На древе человеческом высоком...</i> “. Эпилог	68
2. „Здесь Тютчев жил...“. Прогулки с Тютчевым по Мюнхену	72
— Герцогшпитальштрассе	73
— Каролиненплац	76
— Театинерштрассе	83
— Polizeikartenregister Nr. 38461	84
— Оттоштрассе	86
— Карлштрассе	88
— Людвигштрассе	89
— Хундсугель	93
— «Чёрный орёл» и другие гостиные дома	96
— „ <i>Пар - великий чародей...</i> “	99
— Ботмеры, Пфэффели и другие	102
3. „Я привёл тебе с Севера певца...“. Генрих Ноé	108
4. Тютчев и персонажи картины Филиппа Фольца	116
5. Fjodor Tjutschew. Die Münchner Jahre	128
— „ <i>Der goldenen Zeit noch gedenk ich...</i> ...“. Amalie	129
— „ <i>Noch drängt's mich zu dir mit Verlangen...</i> ...“. Nelly	131
— „ <i>Das Glück, das längst mir hingeschwunden...</i> ...“. Klothilde	142
— „ <i>Du, du bist meine Vorsehung auf Erden!</i> ...“. Nesti	144
6. MIR e. V. Zentrum russischer Kultur in München	154
7. «MIR» - Центр русской культуры в Мюнхене	155

ОТ АВТОРА

Самое активное время жизни, с 18 лет до 41 года, Фёдор Иванович Тютчев провёл за рубежом, из них 20 лет - в Мюнхене. Это была вторая четверть XIX столетия. В Мюнхене Тютчевым были написаны почти 100 стихотворений. Поэтические шедевры мюнхенского периода: любовная лирика, стихи о философии бытия, о баварской природе (в том числе, хрестоматийно-известные „Люблю грозу в начале мая...“, „Зима не даром злится...“), вошли в золотой фонд русской литературы. Многое о жизни за рубежом русского поэта ещё будет проясняться. Сведения, сообщенные в настоящей книге заимствованы из двух групп источников.

Во-первых, сведения, добытые в результате кропотливых поисков (иногда с детективной интригой) в немецких архивах, музеях, библиотеках. Именно они послужили главным побудительным стимулом для создания книги. Во-вторых, использовались издания (переиздания) публикаций последних 10-15 лет авторитетных российских и зарубежных филологов, исследователей жизни и творчества Тютчева: К. Азадовского, Н. Берковского, В. Гамолина, В. Деханова, Т. Динесман, С. Долгополовой, Ю. Лотмана, Л. Мюллера, А. Николаева, А. Осповата, К. Пигарева, В. Сажина, Г. Чагина, Г. Чулкова и др., опубликованные в двух книгах тома № 97 «Литературного наследства» (посвященного Ф. И. Тютчеву), двухтомнике «Ф. И. Тютчев. Сочинения» 1884 года, одномомном «Полном собрании стихотворений» 1987 года, «Тютчевском сборнике» под общ. ред. Ю. М. Лотмана 1990 года, «Тютчевском альбоме» 1994 года, составленным С. А. Долгополовой и А. Е. Тарховым, и др. публикации. Эти работы осмыслены и обобщены с позиции ранее неизвестных данных, что давало повод к высказыванию неординарных точек зрения о жизни Тютчева в Мюнхене. Настоящая работа состоит из семи частей-глав, различных по стилю, жанру и объёму.

В первой главе «„Как сердцу высказать себя...“». Тютчев живой», посвящённой личной жизни русского поэта в Мюнхене, рассказывается о баварских женщинах, судьбы которых были связаны с Тютчевым и Россией, о поэзии, рожденной за рубежом. Данный раздел состоит из введения, четырех повествований (с подзаголовками: Амалия, Nelly, Клотильда, Nesti), эпилога.

– Второе исследование, «Прогулки с Тютчевым по Мюнхену», - путеводитель по столице Баварии в тютчевские времена, восприятие Мюнхена через тютчевскую биографию и переписку.

– Главный герой статьи „Я привёл тебе с Севера певца...“ - первый переводчик книжки стихов Тютчева на немецкий язык, Генрих Ноё, современник Тютчева. Молодой Ноё владел 18 языками, жил и путешествовал среди наро-

дов, населяющих Альпы, стал классиком литературы по альпийскому краеведению.

– К картине художника Ф. Фольца «Прощание короля Отто...», экспонируемой в мюнхенском музее «Новая Пинакотека» Фёдор Иванович отношения не имел (хотя у некоторых исследователей такие предположения были). Но дипломат Тютчев был причастен к событиям и персонажам, изображенным на картине. Рассказ «Тютчев и персонажи картины Филиппа Фольца» повествует об этом. Описываемые события более полно изложены в ранее изданной статье автора «Тютчев, король Отто и персонажи картины Филиппа Фольца»*.

Для немецкого читателя в издание добавлено сокращенное изложение на немецком языке первой главы, озаглавленной «Fjodor Tjutschew. Die Münchner Jahre», которая дала двуязычное название всей публикации. Переводчик, известный писатель и поэт Фридрих Хитцер, дополнил текст собственными переводами стихотворений Тютчева.

Книгу завершает информация на немецком и русском языках о Центре русской культуры «MIR» в Мюнхене. Благодаря поддержке Центра оказалось возможным настоящее издание. Автор особо сердечно признателен президенту Центра Татьяне Евгеньевне Лукиной, активно способствующей подготовке книги к печати.

Автор искренне признателен редактору Ксении Михайловне Антич-Миллер, скрупулёзным трудом которой устранены многие лексические погрешности текста.

Неоценимое значение для работы над книгой имели советы искусствоведа мюнхенского музея «Новая Пинакотека» Лады Ростиславны Николенко (урожд. фон Воинофф, потомка семьи писателя Гончарова) и немецкого дипломата доктора Эриха-Франца Зоммера, способствующего популяризации поэзии Тютчева на немецком языке. Автор чтит память этих замечательных людей, скончавшихся в 1996 году.

Автор признательно благодарен руководителям и сотрудникам государственных, научных, учебных, общественных и религиозных учреждений Англии, Германии, России, Швейцарии, без активной и результативной помощи которых труд автора был бы невозможен: с. н. с. Российской национальной библиотеки канд. филол. наук г-же Лауре Виролайнен (Санкт-Петербург); с. н. с. института русской литературы РАН канд. филол. наук Марии Виролайнен (Санкт-Петербург); д-ру г-ну Хайнриху Габелю, главному хранителю памятников Управлению охраны памятников Баварии; д-ру г-же Йоганне Габерманн, научному сотруднику отдела восточно-европейской литературы государственной библиотеки Баварии; д-ру г-же Верене Карнапп, директору архитектурного

---

* См. кн.: *Аркадий Полонский. Прогулки с Тютчевым по Мюнхену* / Киев, «Поэзия». 1998. С. 147-188, ISBN 966-7116-32-8.

архива мюнхенского технического университета; д-ру г-ну Рональду Лэйну, профессору славистики дурхамского университета (Англия); д-ру г-ну Яну Муркену, директору мюнхенского музея «Отто Греческий»; профессору славистики Тюбингского университета д-ру г-ну Людольфу Мюллеру, который любезно предоставил свои великолепные переводы тютчевской поэзии для настоящего издания; литературоведу канд. филол. наук г-ну Александру Николаеву (Москва); д-ру г-ну Клаусу Раку, директору дармштадского городского архива; д-ру г-ну Ахиму Фуксу, директору военного архива Баварии; д-ру филол. наук г-ну Геннадию Чагину, исследователю жизни и творчества Ф. И. Тютчева (Москва); г-ну Георгу Гаклю, научному сотруднику архивного отдела мюнхенского городского музея; г-ну Джону Дьюи, филологу (Уэрхэм, Англия); г-же Татьяне Ершовой, директору Толстовской библиотеки (Мюнхен); г-же Ольге Иващенко Хенги, руководителю фирмы «Russian Tourism in Switzerland» (Берн, Швейцария); г-же Сабине Кнюттель, руководителю отдела мюнхенского городского архива; г-ну Константину Котсовилису, журналисту, старосте греко-православной церкви св. Сальватора (Мюнхен); г-ну Андреасу Лейпницу, инспектору-архивариусу главного государственного архива Баварии; г-же Надии Холявка, научному сотруднику государственной библиотеки Баварии; г-же Надежде Шпеккер-Крыловой, старосте русской православной церкви московского патриархата в Цюрихе (Швейцария); г-же Ирмтрауд Штокингер, директору литературного архива «Monacensia» (Мюнхен).

Переписка с почитателями тютчевской поэзии многих стран оказала большую духовную поддержку, столь необходимую автору.

Настоящее издание является уточнённым и переработанным вариантом упомянутой выше книги автора.

АВТОР

ПОЛОНСКИЙ Аркадий Эмильевич, кандидат технических наук, кибернетик, родился в Киеве в 1930 году, живет в Мюнхене с 1993 года, публикуется в Германии, России, Украине.

На фото: выступление Аркадия Полонского в Сальваторкирхе 22 июля 1998 года при открытии мемориальной доски по случаю 125-летия со дня кончины Ф. И. Тютчева.

Фото Веры Беккер.

1. „КАК СЕРДЦУ ВЫСКАЗАТЬ СЕБЯ...“ ТЮТЧЕВ ЖИВОЙ

— „ДУША МОЯ! О, НЕ ВИНИ МЕНЯ!..“

Введение

*В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья,*

чувства, речи

*Твоей не смеют радоваться встрече -
Душа моя! о, не вини меня!..*

*Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяца*

светозарный...

*Наступит ночь - и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!*

Ф. И. Тютчев

Ф. И. Тютчев. 1825 год.

Портрет неизвестного художника.

Фёдор Иванович Тютчев (□ 23 ноября/5 декабря 1803 года, село Овстуг, Орловская губерния Брянского уезда - † 15/27 июля 1873 года, Петербург), великий русский поэт, окончил в 1821 году Московский университет со степенью кандидата словесных наук. С 1822 года по 1837 год служил в российской дипломатической миссии при Баварском королевстве в Мюнхене, позже - два года при Сардинском королевстве в Турине. С 1839 года жил в Мюнхене в качестве частного лица. В 1844 году вернулся в Россию. Состоял на государственной службе, в основном, при Министерстве иностранных дел. Сохранилось около четырехсот стихотворений, несколько публицистических статей и тысячу триста писем. За исключением писем, всё известное творчество издано полностью. В брак вступал дважды: в 1826 году и 1839.

„Странная вещь - судьба человеческая! Надобно же было моей судьбе вооружиться уцелевшей Остермановской рукой, чтобы закинуть меня так

далеко от вас!"- восклицал Тютчев в письме к родителям. Генерал-лейтенант граф Александр Иванович Остерман-Толстой (1770-1857) был командиром 4-го пехотного корпуса. 30 августа 1813 года граф был тяжело ранен под Кульм-Ноллендорфом (недалеко от Дрездена) в сражении против наполеоновских войск. Все участники битвы получили награды прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Юный Фёдор был любимым племянником графа Александра (родственника его матери, Екатерины Львовны, урожд. Толстой). Фёдор недавно закончил с отличием Московский университет по отделению словесности. Он расстался с кругом друзей, начинающих литераторов. Граф Александр Остерман-Толстой, протезировал Фёдора Ивановича в 1822 году на дипломатическую службу в российскую миссию при дворе баварского короля в Мюнхене.

Родоначальником фамилии Остерман считается пастор Johann-Konrad Ostermann из города Бохума в Вестфалии, сыновья которого, Иоганн и Генрих, в начале XVIII века прибыли в Россию. Генрих (в России - Андрей Иванович) и его потомки „прославили имя свое службой и трудами, поднятыми на пользу Российского Престола“ («Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи» С.-Петербург, 1890. С. 462), были возведены в графское достоинство, стали известными российскими дипломатами. Этим давним семейным связям Тютчев обязан своей жизненной карьерой.

Граф Андрей Иванович (Генрих Иоганн) Остерман, умер в 1747 году

Первый биограф Тютчева, Иван Аксаков (Иван Сергеевич был женат на старшей дочери Тютчева, Анне), сообщает, что семейное предание выводит родоначальника фамилии Тютчевых по отцовской линии из Флоренции. В российском «Родословном сборнике» впервые упоминается Захарий Тютчев в 1380 году в качестве посланца князя Дмитрия к хану Мамаю. Всего в родословной более 250 мужчин-Тютчевых, Фёдор Иванович - 152-й представитель своей фамилии. Тютчевы жили в европейской России и на Украине. Были среди них военные, стряпчие, помещики и просто *жильцы в начальных людях*. (Более подробно см. исследование: Г. В. Чагин. Родовое гнездо Тютчевых в русской культуре и литературе XIX века // М. 1998. ISBN 5-212-00843-3)

Иван Аксаков (1823-1886), известный литератор и издатель, пытался понять жизнь молодого Фёдора Ивановича на чужбине: „Представим себе его одного, брошенного чуть не мальчиком в водоворот высшего иностранного общества, окруженного всеми соблазнами большого света, искушаемого собственными дарованиями, .., - наконец, любимого женщинами, с сердцем падким на увлечения... Как, казалось бы, этой 18-летней юности не поддастся обольщениям тщеславия, даже гордости?“. Эти строки были написаны в 1886 году, через 13 лет после смерти Тютчева. Аксаков последовательно формирует образ ушедшего поэта и для современников, почти не знавших Тютчева при жизни, а, главное, для потомков.

Свое понимание личности Фёдора Ивановича Аксаков тщательно и долго шлифовал. Биограф хорошо понимал величие таланта Тютчева, оценивал по достоинству его место в русской культуре, но в жизненном пути поэта были зигзаги и проселки, тропы и тропинки, то исчезающие вовсе, то возникавшие вновь в неожиданном месте. Из окружения Тютчева только Аксаков мог взять на себя нелегкий труд создания биографии поэта. Уже через два месяца после смерти Тютчева Иван Сергеевич писал одной из дочерей Федора Ивановича: „...Теперь требуется более подробная оценка его поэзии и его философско-политических убеждений, - нужен биографический очерк, но его биография - трудное дело; она богата не столько внешним, сколько внутренним содержанием, а в этом содержании главное место принадлежит той стороне его жизни, которая менее всего может быть раскрываема публике. „L'abus des affections humaines“ („Чрезмерная склонность к сердечным привязанностям“ фр.) - выражение или, вернее, определение самого себя, так часто им повторяемое в письмах, - это характеристическая черта его жизни и нравственной физиономии, объясняющая столь многое в его стихах, в его бытии,- обо всем этом должно быть умолчано“. С этой позицией через 25 лет выразил несогласие большой почитатель тютчевского творчества поэт Валерий Брюсов: „Мы привыкли к созданному Аксаковым образу; он сроднился с именем Тютчева; мы просто не можем себе представить его иным. Между тем «Биография» Аксакова - не более как „легенда о Тютчеве“, красивая, увлекательная, но недостоверная“.

Современник Брюсова, писатель Фёдор Фёдорович Тютчев (1860-1916), сын Фёдора Ивановича и Елены Александровны Денисьевой, высказал аналогичную точку зрения на работу Аксакова: „Вскоре после смерти Ф. И. Тютчева известный славянофил Иван Сергеевич Аксаков написал замечательную книгу под названием «Биография Ф. И. Тютчева» ...книга эта, как биография, страдает одним существенным недостатком: она далеко не выясняет нам характера Ф. И. Тютчева во всей его полноте<...> Причина, о которой я заговорил и которая, как тормоз, задержала Фёдора Ивановича на его блестящем поприще, было его какое-то особенное, даже редко встречающееся в такой степени, обожание женщин и преклонение перед

ними...". Однако, эти мнения остались в истории. Кроме многочисленных литературоведческих исследований и отдельных воспоминаний, основными жизнеописаниями Тютчева являются две книги: И. С. Аксаков «Биография Ф. И. Тютчева» и К. В. Пигарев (1911-1984), правнука Федора Ивановича, «Жизнь и творчество Тютчева». Главные акценты в этих работах сделаны на российский период жизни поэта. Аксаков прямо указывает, что особенно мало сведений „о первых десяти годах его заграничного существования“. Правда, биографом сделана оговорка, „что вообще его частная жизнь была не бедна личными романтическими драмами, не представляющими, впрочем, никакого интереса для наших читателей“. Биограф не пишет, что рождению многих шедевров любовной лирики потомки обязаны именно личным романтическим драмам поэта.

Понять молодого Тютчева через призму его семейных отношений, через образы его самоотверженных спутниц: первой жены, Элеоноры, по домашнему Nelly, второй жены, Эрнестины, Nesti, красавицы Амалии, свояченицы Клотильды - могут помочь те немногие письменные свидетельства, которые пока увидели свет.

Кёнигсплац. На фото: арка-форт, Пропилеи (архитектор Лео фон Кленце, 1854-62 гг.), справа Глиптотека, музей античных скульптур (архитектор Лео фон Кленце, 1816-1830). Завершённые Пропелии Фёдор Иванович не застал, но был нередким посетителем Глиптотеки. Место проживания Тютчева находилось вблизи от Кёнигсплац.

— „Я ПОМНЮ ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ...“

Амалия

„После России это моя самая давняя любовь...“

Ф. И. Тютчев родителям 2/14 июля
1840 года

Амалия (1808-1888), внебрачная дочь графа Максимилиана Лерхенфельда (1772-1809) и княгини Терезы Турн-унд-Таксис. В 1825 году Амалия вышла в Мюнхене замуж за российского дипломата барона Александра Крюденера (1786-1852). От брака с бароном родила двоих детей. В 1855 году вступила в Петербурге во второй брак, с графом Николаем Адлербергом, генерал-губернатором Великого княжества Финляндского (1819-1892). От этого брака был рождён сын. После отставки графа на российской службе (в 1881 году) окончательно вернулась в Мюнхен. Похоронена в Тегернзее.

В галерее красавиц Нимфенбургского дворца в Мюнхене посетители обращают внимание на портрет молодой женщины с меховой накидкой на правом плече. В рекламном буклете сообщается, что это 20-летняя баронесса Амалия фон Крюденер, что её портрет создан в 1828 году знаменитым живописцем короля Людвига I, Йозефом Штилером.

Происхождение Амалии загадочно и драматично.

Её матерью была княгиня Тереза Турн-унд-Таксис (1773-1839), урожденная принцесса Мекленбург-Штрелиц. Тереза приходилась кузиной российской императрице Александре, жене Николая I. Муж Терезы, князь Карл Александр Турн-унд-Таксис (1770-1827), наследовал сложное ведомство европейской почты, основателями которой были его предки еще в XV веке. Каждое поколение князей Турн-унд-Таксис расширяло свое влияние. Князя Карла пригласил Наполеон для осуществления новых проектов и князь годами жил в Париже. В отсутствие князя у княгини Терезы был бурный роман с баварским

дипломатом графом Максимилианом Лерхенфельдом (1772-1809). Результатом этой связи было нежеланное дитя, Амалия, рождённая в 1808 году.

Княгиня Тереза Турн-унд-Таксис (1773-1839), урожденная принцесса Мекленбург-Штрелиц, мать Амалии.

К несчастью, Амалия не могла оставаться ни в доме матери, ни в доме отца. 19 октября 1809 года граф Максимилиан неожиданно скончался. Семья графа отвергла Амалию. Непосредственно после рождения она носила фамилию дармштадтских родственников, Штернфельд, позже - Штаргард, проживавших в городе Регенсбурге. И только с 1 августа 1823 года 15-летней Амалии разрешили именоваться графиней Лерхенфельд, но без права на герб и генеалогию. Такова была цена

увлечения графа Максимилиана княгиней Терезой. Амалию приняла, наконец, семья Лерхенфельдов. Плод греховной любви, Амалия, была красавицей. С 14-летней Амалией в 1822 году познакомился молодой сверхштатный атташе российской миссии, Федор Тютчев, который в том году прибыл на дипломатическую службу из Петербурга. Федор сблизился с братом Амалии, молодым баварским дипломатом, Максимилианом Лерхенфельдом-младшим. 19-летний Федор влюбился в Амалию. Это были нежные романтические отношения юноши и девушки-подростка. Влюблённые часто встречались. Они обменялись шейными цепочками. У Амалии не было дорогих украшений. Её цепочка была простым шёлковым шнурком. Старый слуга Николай Хлопов, вырастивший Тютчева, сердился и докладывал родителям в Петербург, что Федор получил шёлк в обмен на золото... Амалия подрастала и на неё обратил внимание первый секретарь российского представительства, барон Александр фон Крюденер, который был недавно переведён в Мюнхен из Цюриха. Барон, маститый орденосный дипломат, был старше Амалии на 22 года(!).

Крюденер происходил из старинного рода балтийских немцев, многие из которых были издавна российскими подданными. Как записано в генеалогических книгах, в родстве с Крюденерами состояли Врангели, Струве, Бюловы и знаменитая Варвара-Юлиана Крюденер, урожд. Витингхофф. Юная графиня без родословной нуждалась в таковой и практично предпочла солидного барона нетитулованному юноше. У сверхштатного атташе российского представительства осложнились отношения с первым секретарем. Позже *дядька* Тютчева Николай Хлопов засвидетельствовал на обратной стороне иконы Божьей Матери, что 19 февраля 1825 года Фёдору Ивановичу грозила опасность *от его нескромности*. Можно полагать, что барон стал мишенью едкого острословия молодого коллеги. Впрочем, Тютчев смирился. Об этом свиде-

тельствует Хлопов записью в нижнем левом углу обратной стороны иконы: „20 Генваря, то есть на другой же день кончилось благополучно“. Распознать в Тютчеве будущую гордость России Амалия не могла. Посланник Воронцов-Дашков разрешил Фёдору полугодовой отпуск и он уехал гостить к родителям. В его отсутствие 17-летняя Амалия стала баронессой Крюденер. В середине февраля 1826 года Тютчев возвращается.

Красота Амалии не прошла незамеченной Генрихом Гейне, который бывал в гостях у Тютчева (в 1828 году) и позже через него передавал баронессе приветы: „Кланяйтесь <...> 2-же *déchargeuse d'affaires* (игра слов - „поверенная в делах“ фр.) *Амалии фон Крюденер*“.

Постоянное общество Тютчевых - семьи дипломатов иностранных представительств и российской миссии, в частности, первого поверенного секретаря посольства барона Крюденера. Федор встречается с Амалией, но теперь уже семьями. К этому времени Фёдор Иванович соединяет свою жизнь с вдовой Элеonorой Петерсон, урожд. графиней Ботмер Тютчевы и Крюденеры почти соседи: Тютчевы жили тогда на Каролиненплац 1, а Крюденеры - в пяти минутах ходьбы, на Бриеннерштрассе 15.

Принц Карл, брат короля Людвига, и сам король, по поручению которого Й. Штилер написал упомянутый выше портрет, были очарованы красавицей Амалией.

Частая близость Амалии продолжала волновать Тютчева. По мнению многих литературоведов, в мюнхенский период поэт посвятил замужней Амалии стих-воспоминание, лирический гимн быстротечности счастья и бытия, который, по словам Некрасова, „*принадлежит к лучшим произведениям г. Т-ва* (криптоним Тютчева в публикациях журнала «Современник»), *да и вообще всей русской поэзии*“:

*Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На миштый опершись гранит,
Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.*

*И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свивал.
Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.
И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.*

Утверждением в музыке поэзии жизни и любви звучит известный романс М. С. Вайнберга „Я помню время золотое...“.

Роль Амалии в дальнейшей судьбе Тютчева чрезвычайно велика. В апреле 1836 года барон Крюденер получил повышение и отправился в Россию. Амалия привезла в Петербург пакет от Тютчева. В пакете было около ста стихотворений. Кому писал Тютчев стихи о баварской природе, о смысле жизни, о бесконечности мироздания, о космосе души?

Тютчев не стремился к известности, не подписывал свои стихи, не заботился об их сохранности. Писал он легко и небрежно, на каких-то лоскутках, даже салфетках. Некоторые стихи иногда попадали в небольшие российские журналы и публиковались под криптонимами: *Ф. Т.* или *Т-в.* Десятки разрозненных страниц были переданы князю Ивану Гагарину. Князь, бывший сослуживец Тютчева, один из немногих, кто знал и ценил тютчевское творчество и даже хотел издать его. Часть стихотворений он переписал и передал Пушкину, который издавал журнал «Современник», главный литературный журнал интеллигентной России. Восхищенный Пушкин их немедленно опубликовал под названием «Стихотворения, присланные из Германии». Так благодаря Амалии Тютчев стал широко известен на родине.

Между тем Амалия неотразимо блистала в высшем петербургском обществе. Рассказывают, что Пушкин увлекся Амалией и на одном из балов пытался ухаживать. Жена Пушкина, Наталья, бесспорная первая красавица России, вынуждена была в семейном кругу объясниться с мужем, после чего Пушкин оправдывался, что у *Мадонны тяжёленькая рука...*

Князь Гагарин в письмах Тютчеву сплетничал по поводу успехов Амалии в высшем свете и непростым положением барона Крюденера. Тютчев отвечал в июле 1836 года: *„Подробности, сообщенные вами о нашей прекрасной Эсфири и её Мардохее, доставили мне большое удовольствие...“*. Фёдор Иванович не злорадовался, давняя страсть уже прошла. Он жалел Амалию, понимая, что брак Амалии с бароном Крюденером не был союзом по любви: *„У меня есть некоторые основания полагать, что она не так счастлива в своем блестящем положении, как я того желал бы. Какая милая, превосходная женщина, как жаль её. Столь счастлива, сколь она того заслуживает, она никогда не будет“*. Изредка Амалия появлялась в Мюнхене. Тютчев всегда был ей рад: *„Вы знаете мою привязанность к госпоже Крюденер - писал он родителям,- и можете легко себе представить какую радость мне доставило свидание с ней. После России это моя самая давняя любовь. Ей было четырнадцать лет, когда я увидел её впервые. А сегодня, 2/14 июля (1840 года), четырнадцать лет исполнилось её старшему сыну. Она всё ещё очень хороша собой, и наша дружба, к счастью, изменилась не более, чем её внешность“*.

...После 22-летнего пребывания за границей Тютчев возвращается в Россию. Он уже во втором браке, с Эрнестиной, урожд. баронессой Пфёффель (в 1838 году Тютчев овдовел), у него пятеро детей. За должностной проступок у Фёдора Ивановича крупные неприятности с высшим начальством. По ини-

циативе министра Карла Нессельроде он лишен званий и уволен с работы. Но добрая фея, прекрасная Амалия, связи которой при петербургском дворе безграничны, выручает поэта. Благоклонный к Амалии шеф корпуса жандармов, граф Александр Бенкендорф, принимает Федора Ивановича. Граф доброжелательно отнесся к идеям Тютчева об отношениях России и Запада, к разработанному им проекту о воздействии на общественное мнение Европы через прессу. Проект был доведен до сведения царя (который также благоволил к Амалии!) и одобрен. Возможно, что в беседе Бенкендорфа с Тютчевым затрагивались более глубокие и глобальные вопросы внешней политики, хотя (или потому что!..) министр Нессельроде на этой беседе не присутствовал. Федор Иванович сообщал жене, что Бенкендорф *„был необыкновенно любезен со мной, главным образом из-за госпожи Крюденер...“*. Николай I также принял отставленного дипломата. Фёдор Иванович был не только восстановлен в должности, но даже повышен. Тютчев открыто выражал свое недовольство проавстрийской политикой министра, на которого позже написал эпиграмму *„Нет, карлик мой! трус беспримерный!..“* Для таких эпиграмм надо было иметь надежную защиту от гнева адресата. Нессельроде через третьих лиц выразил недовольство своим подчиненным, но санкций не последовало...

Трогательные, бескорыстные заботы Амалии о Федоре Ивановиче длились всю жизнь. Она всегда помнила его искренний порыв обмена золотой цепочки на её шёлковую. Невысокий, взлохмаченный, часто беспомощный, всегда болезненный Тютчев постоянно нуждался в опеке. Заботы Амалии нёсколько смущали Тютчева. Он даже как-то писал Гагарину: *„Ах, что за напасть! И в какой надо было быть мне нужде, чтобы так испортить дружеские отношения! Все равно, как если бы кто-нибудь, желая прикрыть свою наготу, не нашел бы для этого иного способа, как выкроить панталоны из холста, расписанного Рафаэлем... И, однако из всех известных мне в мире людей она, бесспорно, единственная, по отношению к которой я с наименьшим отвращением чувствовал бы себя обязанным“*.

Все равно, как если бы кто-нибудь, желая прикрыть свою наготу, не нашел бы для этого иного способа, как выкроить панталоны из холста, расписанного Рафаэлем... И, однако из всех известных мне в мире людей она, бесспорно, единственная, по отношению к которой я с наименьшим отвращением чувствовал бы себя обязанным“.

Вилла в Тегернзее, Haus Adlerberg am See, в которой Амалия проживала в последний год своей жизни.

В 1852 году в Стокгольме скончался муж Амалии, российский посланник барон Крюденер. Баронесса Амалия Крюденер после 3-летнего вдовства становится графиней Адлерберг. Её муж граф Николай Адлерберг, генерал-губернатор Финляндии, фаворит императора Александра II, был младше Ама-

лии на 11 лет... Спустя десятилетия, 31 марта 1873 года, с умирающим Федором Ивановичем за три с половиной месяца до его кончины прощалась Амалия. Вот трогательные строки письма Тютчева к дочери: „Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В её лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй”.

...В 1881 году погибает император-освободитель, Александр II, и граф Адлерберг выходит в отставку. Семья Адлербергов: граф Николай, Амалия и их сын Николо, родившийся в Петербурге 17 марта 1848 года(!), приезжают в Мюнхен. Они останавливаются на Амалиенштрассе 93 у племянника Амалии, Максимилиана Лерхенфельда, сына Максимилиана (брата Амалии), внука Максимилиана (отца Амалии). Недалеко от Мюнхена, в курортном городке Тегернзее, Адлерберги покупают на берегу озера участок земли и строят дом (на Швайгхофштрассе 2) .

Надгробие на могиле графа Николая Адлерберга и его жены графини Амалии. (Фото автора.)

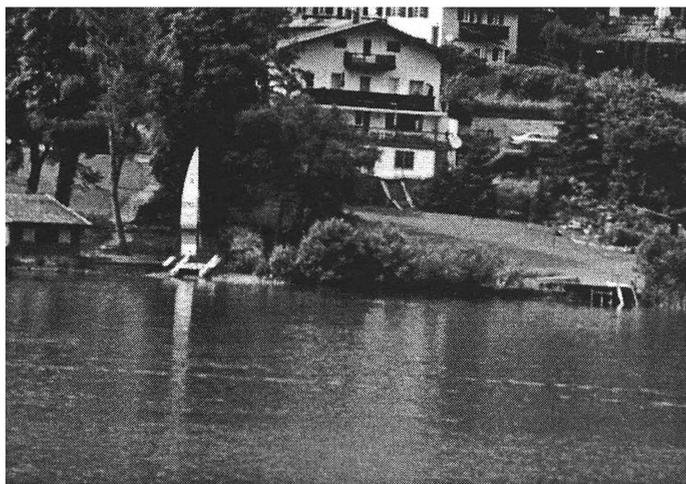
Амалия, романтическая любовь поэта Фёдора Тютчева на протяжении 50 лет(!), скончалась в Тегернзее 21 июня 1888 года. Она похоронена на кладбище кирхи Св. Лаврентия (St. Laurentius в Rottach-Egern am Tegernsee). На могильной плите гравёр ошибочно продлил жизнь Амалии на 10 дней.

Опечатка не обращала бы на себя внимание, если бы в июне было 31 число. Ошибка закреплена в путеводителе по кладбищу. Кирха расположена на берегу озера напротив её виллы, известной под названием «Haus Adlerberg am See». С террасы виллы и окна спальни скорбящий граф Адлерберг хорошо видел кирху и кладбище. В купчих документах на виллу граф записал, что будут прокляты во веки веков те, кто посмеет какими-либо строениями закрыть вид кирхи с окон виллы. Годы шли и вилла меняла владельцев, но никто не осмеливался нарушить завещание графа. Граф Николай Адлерберг-старший похоронен рядом с Амалией (в 1892 году). Сын Амалии, граф Николай Николаевич, был российским подданным, рос в чинах статских и императорского двора, получал российские награды, состоял на российской дипломатической службе. В начале XX века и до 1914 года граф Николай Адлерберг-младший был атташе в Мюнхене, в последней российской миссии А. Вестманна. В июле 1910 года

граф продал виллу своему коллеге, российскому дипломату в Мюнхене, князю Константину Мурузи (Mourousi). Князь скончался в 1913 году и его могила соседствует с захоронением Адлербергов. Жизнь графа Николая Николаевича Адлерберга, сына Амалии, камергера российского императорского двора, завершилась в Монтре (Швейцария) 8 сентября 1920 года.

На вилле незадолго до Первой мировой войны, предположительно в 1910-11 гг., состоялось совещание, в котором принимали участие некоторые государственные деятели и дипломаты будущих воюющих держав. Среди присутствующих находились президент Франции Раймонд Пуанкаре и Чрезвычайный и Полномочный посол России во Франции член Госсовета Александр Петрович Извольский (1856-1919), с 1897 по 1899 гг. посланник в Мюнхене. Совещание, к сожалению, оказалось нерезультативным. Бывшая вилла Амалии не пострадала во время Второй мировой войны. После войны вилла на Швайгхофштрассе 2 была популярным салоном прогрессивной интеллигенции. Хозяйка салона, владелица виллы госпожа Маршка, литературно образованная женщина, приглашала писателей, художников. В холодное время года каждый посетитель приносил кусок угля или несколько щепок. Салон госпожи Маршка описан в книге Марии Пустевьски (Pustejowsky) «Три полена дров» («Drei Scheiteln Holz»). Нынешний владелец виллы, доктор Ганс-Петер Люкс, сообщивший вышеизложенные сведения, чтит память семьи Адлербергов. (*Lux, H.-P. Das Tegernseer Tal. Haus Adlerberg / Russische Spuren in Bayern // München, 1997, S. 33.*

Сегодня Тегернзее славится художественными галереями, международными фестивалями классической музыки.

Вид на виллу с противоположного берега озера, со стороны кладбища, где похоронена Амалия. (Фото автора.)

— „ЕЩЕ ТОМЛЮСЬ ТОСКОЙ ЖЕЛАНИЙ...“

Nelly

„...эта слабая женщина обладает силой духа, соизмеримой разве только с нежностью, заключённой в её сердце...“.

„Я считал её настолько необходимой для моего существования, что жить без нее мне казалось невозможным, все равно как жить без головы на плечах...“.

Ф. И. Тютчев

Элеонора Петерсон (1800-1838), урожденная графиня фон Ботмер, во втором браке Тютчева. Миниатюра Г. Рейхмана (Мюнхен, 1825).

Графиня Элеонора-София-Луиза-Христина фон Ботмер (□ 7/19 октября 1800, Кассель - † 28 августа/9 сентября 1838, Турин) выросла в семье влиятельного аристократа. Отец Элеоноры, граф Карл фон Ботмер (1770-1845), в 1804-1808 гг. вюрттенбергский посланник в Мюнхене. Мать, Антуанетте (1777-1826), - из рода баронов Ганштейнов. Элеонора была самой старшей. Всего в семье Ботмеров было 12 детей. 15 декабря 1817 года Элеонора сочеталась браком с российским дипломатом Александром Петерсоном. Родила троих сыновей: Карла (1818-1875), Оттона (1820-1883), Альфреда (1825-1860). Овдовела 6 октября 1825 года. Соединила с Тютчевым свою судьбу предположительно в 1826 году, от брака с которым рождены: Анна (1829-1889), Дарья (1834-1903) и Екатерина (1835-1882).

...17 февраля 1826 года после полугодового отпуска Тютчев возвращается в Мюнхен из России. Ему едва минуло 22 года. За время отсутствия Фёдора Ивановича его романтическая любовь, красавица-графиня Амалия Лерхенфельд, стала баронессой Крюденер. Тютчев - светский остро слов и любимец салонов, ощутил пустоту одиночества и безалаберность холостяцкой

жизни. История возникновения близости между Фёдором Тютчевым и его будущей женой, Элеонорой, вдовой российского дипломата Петерсона (урожд. графиней Ботмер), старшей его на три года, матерью троих детей, полна неясностей и домыслов. Наиболее распространена версия биографа Ивана Аксакова. В вольном пересказе суть её состоит в следующем.

При обстоятельствах, которые нам неизвестны, молодой дипломат Тютчев сближается с *милой, грациозной и умной* Элеонорой. Их знакомство едва восходит на уровень салонного флирта. Неожиданно для самих себя и загадочно быстро для окружающих, через две недели(!) после приезда Тютчева, в объятия друг к другу устремились две неустроенные судьбы. И вот 5 марта 1826 года старый слуга Тютчева, *дядька* Хлопов, передал *дитятю*-хозяина с рук на руки Элеоноре и уехал на родину. Это событие датируется по последней записи, сделанной Николаем Хлоповым на обратной стороне иконы Божьей Матери перед отъездом в Россию. Николай Афанасьевич, как пишет Аксаков, вёл в Мюнхене свой памятный реестр значительных событий в жизни Тютчева на упомянутой иконе. Трогательна последняя, завещательная надпись: *„В память моей искренней любви и усердия к моему другу Фёдору Ивановичу Тютчеву. Сей образ по смерти моей принадлежит Ему. Подписано 1826 марта 5-го. Николай Хлопов“*. В том же году, 16 мая, Николай Афанасьевич Хлопов скончался и был похоронен на Калитническом кладбище в Москве. (И. С. Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева / Комментарии Г. В. Чагина // М. 1997. С.58.)

Много неясностей, но версия Аксакова несомненно правдоподобна в одном существенном нюансе: решения, принимаемые внезапно, под эмоциональным впечатлением момента, - тютчевская черта, доставляющая ему подчас немало хлопот.

О роли Николая Афанасьевича в жизни юного Тютчева часто вспоминал сам Фёдор Иванович и члены его семьи. Биограф сравнивал *дядьку* Николая Хлопова с пушкинской няней: *„Этим няням и дядькам должно быть отведено почетное место в истории русской словесности. В их нравственном воздействии на своих питомцев следует, по крайней мере отчасти, искать объяснение: каким образом в конце прошлого и в первой половине нынешнего (т. е. XIX) столетия в наше оторванное от народа общество - в эту среду, хвастливо отрекающуюся от русских исторических и духовных преданий, пробирались иногда, неслышно и незаметно, струи чистейшего и народного духа!“*. По Аксакову, с отъездом *дядьки* 5 марта Тютчев остался в Мюнхене без своего первого воспитателя, с которым был неразлучен все предшествующие годы.

Сомнения в изложенную выше версию отношений Тютчева и Элеоноры внёс исследователь Г. В. Чагин. Геннадий Васильевич выяснил, что Хлопов был в это время серьёзно болен (Николай Афанасьевич скончался через 2,5 месяца) и по состоянию здоровья не мог сопровождать Фёдора Ивановича из

Петербурга в Мюнхен с тем, чтобы самому в ближайшие две недели отправиться в нелёгкую обратную дорогу. Если данное соображение Чагина справедливо, то дарственная надпись, вероятно, сделана Хлоповым в России уже в отсутствие там Тютчева и день *5-го марта* не является датой их расставания в Мюнхене и, соответственно, датой соединения Фёдора Ивановича и Элеоноры. Данное предположение логично, но необходимо объяснение полного совпадения почерка, чернил и пера на **всех** иконных надписях, часть из которых, согласно Аксакову, была выполнена Хлоповым заведомо в Мюнхене.

Английский славист Джон Дьюи считает, что икона **никогда** не находилась в Мюнхене, что **все** надписи сделаны Хлоповым в Петербурге в один день: **5 марта 1826 года**. В пользу догадки Дьюи свидетельствует уникальность записей Николая Хлопова одним пером и чернилами, их единообразное оформление на одинаковых листках бумаги, закреплённых на обратной стороне иконы. Они явно написаны „в один присест“. Это не дневниковые тексты, описывающие событие *в день* его совершения, а краткие тексты-воспоминания *в прошедшем* времени. Читаем: например, надпись в верхнем левом углу о ссоре предположительно из-за Амалии: „*Генваря 19, 1825 г. Федор Иванович должен помнить, что случилось в Мюнхене от его нескромности и какая грозила опасность*“. В нижнем левом углу: „*20 Генваря, то есть на другой же день кончилось благополучно*“. Но ведь совершенно очевидно, что эти тексты не написаны 19-го и 20-го января 1825 года. Любящий *дядька* оставил своему питомцу назидание-напоминание на иконе, которую завещал и которая несомненно должна была оставаться в семье. На пяти листках шесть надписей. На всех памятные даты, но только одна надпись безусловно соответствует дате её составления: это завещательная надпись „*...подписано 1826 Марта 5-го*“. Остальные надписи составлены **одновременно** с завещательной одним пером, одними чернилами, в одном положении руки. С этой точки зрения особо чувствуется неправдоподобность версии Аксакова о соединении Тютчева и Элеоноры на 16 день после приезда Тютчева в Мюнхен из отпуска.

Существует одно достаточно достоверное свидетельство о более позднем начале союза Фёдора и Элеоноры. В «Предисловии переводчика» Генриха Ноё к книжке стихов Тютчева на немецком языке, которая была издана в Мюнхене в конце 1861 года есть следующая фраза: „*В Мюнхене в 1827 году он (Тютчев) сочетался браком с вдовствующей госпожой фон Петерсон*“. (Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaassen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich Noe / München, 1861. Stadtbibliothek München, S. 2.) Автором «Предисловия», судя по стилю текста, надо полагать являлся не 24-летний Ноё, а барон Карл Пфэффель, брат второй жены Тютчева, Эрнестины. Он многие годы был близок с Фёдором Ивановичем, знаком с 1830 года и биографию Тютчева хорошо знал не понаслышке. К указанной в «Предисловии» дате можно отнестись с полным доверием, она совершенно правдоподобна.

Известно, что 1 апреля 1828 года Генрих Гейне, гостивший у Тютчева, писал их общему знакомому Варнгагену фон Энзе: „Знаете ли Вы дочерей графа Ботмера? Одна уже не очень молодая, но бесконечно очаровательная, состоящая в тайном браке с молодым русским дипломатом и моим лучшим другом Тютчевым, и её очень юная красавица-сестра, вот две дамы, с которыми я нахожусь в самых лучших и приятных отношениях". Юная красавица-сестра - это 19-летняя Клотильда, лучшие отношения с которой завершились для Гейне и немецкой поэзии стихотворениями, включенными в цикл «Новая весна». Клотильда, восьмой ребёнок в семье графа Ботмера, была на 9 лет младше Элеоноры. Судьбы двух сестёр будут тесно переплетены и связаны с Россией.

Разумеется, союз Фёдора Ивановича и Элеоноры был общеизвестным. Длительную неоглашаемость совместного проживания в условиях мюнхенского высшего света, где все знали всё, представить невозможно. Одним домом вместе с Фёдором Ивановичем и Элеонорой жили также трое детей Элеоноры от первого брака и двое слуг. Маловероятно предположение об отсутствии согласия семьи Элеоноры на её брак с Тютчевым. Родители Элеоноры были обременены большой семьёй. Мать тяжело болела и скончалась 13 октября 1826 года, вероятнее всего, до переезда её старшей дочери на квартиру к Фёдору. Младшему брату Элеоноры было всего 7 лет. Отец вынужден был срочно вступить во второй брак (с Терезой Коппенфельс). Уход из семьи Ботмеров Элеоноры с детьми, был только облегчением для её отца, графа Карла.

Между тем тайна всё-таки была: Фёдор Иванович и Элеонора не афишировали, что они уже длительное время живут вместе венчанными. У Тютчева было своеобразное отношение к Богу и с церковным обрядом он не торопился. Да и православной церкви в Мюнхене ещё не было.

Старинная католическая церковь святого Сальватора, построенная в 1494 году, перешла на православное богослужение лишь с 30 сентября 1828 года. Это был подарок короля Людвиг I Баварского греко-православной общине в знак уважения борьбы греков с турками за свою независимость. Бавария себя считала правопреемницей Священной Римской империи, наследницей античной культуры и во внешней политике на Балканах солидаризовалась с Россией. 20 октября 1827 года союзные корабли, в числе которых была российская эскадра, в битве при Наварино разгромили флот Оттоманской империи. Король в стихах выразил свою благодарность России. (Известен тютчевский перевод этого стихотворения.)

И вот 27 января/8 февраля 1829 года, после длительной совместной жизни (при весьма заметной беременности Элеоноры), в церковных актах Сальваторкирхи появилась, наконец, запись о венчании Тютчевых. На обряде венчания, по-видимому, присутствовал министр двора и уделов князь П. В. Волконский, который в это время находился в Мюнхене в связи с передачей по

поручению Николая I в дар Сальваторкирхе церковной утвари. Венчал Тютчевых священник Григориос Калаганнис, прибывший в Мюнхен из Лесбоса. В православной Сальваторкирхе будут крещены все дети Тютчева, рожденные в Мюнхене. Элеонора была лютеранкой и первый её брак (с Александром Петерсоном) был освящен по лютеранскому обряду. Баварские лютеране выдерживали, как правило, трёхлетний срок вдовства. Этот обычай Элеонора соблюла, но о её лютеранском венчании с Тютчевым сведений нет. Возможно оно так и не состоялось. (Руководитель мюнхенского управления церковной общиной евангелических лютеранских церквей д-р Рювандль в письме от 13 марта 1997 года подтвердил венчание графини Элеоноры Ботмер и Александра Петерсона 15 декабря 1817 года и сообщил, что документы о венчании Элеоноры Петерсон и Федора Тютчева не обнаружены.)

В 1994 году по инициативе церковного старосты Сальваторкирхи, историографа греческой общины в Мюнхене, Константина Котсовилиса, была установлена в притворе церкви мемориальная доска с фамилиями почётных посетителей. Через четыре года, 15 июля 1998 года, к 125-й годовщине кончины Федора Ивановича, ниже имён баварских королей, российских императоров, посланников, греческой знати появилась ещё одна надпись: «Tjutschew Fjodor, russ. Diplomat u. Dichter». Это первая и пока единственная на Западе мемориальная запись имени великого русского поэта.

...1 октября упомянутого 1828 года Гейне из Флоренции прислал новые заверения Тютчеву своего расположения: *„Мои лучшие пожелания мадам Тютчевой. Она превосходная женщина. Я очень люблю её...“*. В другом письме Гейне назвал дом Тютчевых *прекрасным оазисом*.

Нередкостью были гости из России: братья Киреевские, историк Александр Тургенев, родственники Тютчева. Штабс-капитан Гвардейского Генерального штаба Г. Н. Оленин нашёл жену Тютчева *весьма приятной*.

Коллега Тютчева, князь Иван Гагарин, был в восторге от Элеоноры: *„...я чудесно провел утро за восхитительным разговором у г-жи Тютчевой>. Она так хорошо понимает человеческое сердце; какой бы его струны вы не касались, она всегда найдет в ней отклик“*.

Элеонора оказалась хорошей хозяйкой. Жизнь упорядочилась. Об уютной и душевной атмосфере в семье Тютчева сообщает и Вяземский (октябрь 1834 года): *„Вечером бываю у Тютчева, который женат на здешней вдовушке. У них собираются члены дипломатического корпуса и кое-кто из местных жителей. Чайник и две восковые свечи на столе и приятный разговор: вот стихи их маленького салона“*.

Мюнхен первой половины XIX века был одним из духовных центров Германии и Европы. Богатство художественной и интеллектуальной жизни отличало баварскую столицу того времени. В академическом Мюнхене главенствовала натурфилософская школа Шеллинга. Тютчев проявил большой интерес к учению Шеллинга и к другим философским направлениям. Интерес к

Шеллингу соединялся у Тютчева с любовью к поэзии и философии Гёте. Через призму творчества Гёте Тютчев воспринимал немецкую духовность. Гёте акцентировал для Тютчева сильные стороны культуры Германии. Фёдор Иванович переводил отрывки из «Фауста», «Эгмонта», «Вильгельма Мейстера» и других малых и больших произведений Гёте. Фёдора Ивановича увлекали и баллады Шиллера, и романтические стихи Гердера, Уланда, Ленау. Оказавшись в центре Европы и отдавая должное немецкой культуре, Тютчев обращается к поэзии английской (Байрону, Шекспиру), французской (Расину, Гюго).

В январе 1828 года Фёдор Иванович с Элеонорой, Клотильдой и братом Николаем совершили путешествие в Тироль. Недалеко от Зальцбурга группа побывала в районе одноименных озера и горы Унтерсберг. Грандиозное величие Альп покорило Тютчева. Появился альпийский цикл стихотворений «Утро в горах», «Снежные горы» и другие. В 1861 году немецкий поэтопереводчик Генрих Ноэ издал в Мюнхене книгу переводов тютчевских 74 стихотворений, среди которых были также упомянутые стихи. Через 39 лет после Тютчева Ноэ также посетил эти места. Стихотворные вставки живописного рассказа Ноэ близки к тютчевским мотивам.

Любовь к путешествиям, к новым впечатлениям и ощущениям была одной из главных черт характера Тютчева. Она обогащала и питала его фантазию, возбуждала поэтическое вдохновение.

Вероятно, осенью 1828 года, во время возвращения из Парижа в Мюнхен, Тютчев ехал по земле короля Вильгельма I Вюртенбергского. Недалеко от Штутгарта возле посёлка Унтертюркхайм Тютчев отклонился от дороги, чтобы посетить часовню-мавзолей, в котором была похоронена молодая королева Екатерина Вюртенбергская, российская великая княгиня, внучка императрицы Екатерины II. Лютеранскую часовню (по проекту архитектора Салуччи) на развалинах старой крепости Виртенберг неутешный король соорудил в 1820 году, на другой год после смерти 31-летней королевы. Мавзолей, небольшой круглый храм на живописном холме, Ротенберге, находился вдали от селений и возвышался над виноградными полями, через которые протекает река Некар. Одинокая часовня-ротонда с могилой молодой российской княгини на немецкой земле и золотая осень не могли оставить равнодушным сердце поэта:

*Над виноградными холмами
Плывут золотые облака,
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъёмлясь всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.*

*Там в горном неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.*

В центральном литературном архиве (ЦГАЛИ) хранится автограф цитированного стихотворения, на котором рукой Эрнестины, второй жены Тютчева, сделана помета *Ротенбург*. Начиная с издания 1854 года, помета повторена во всех последующих с дополнением, что имеется ввиду баварский город Ротенбург. Но в баварском Ротенбурге (на реке Таубер) нет виноградных холмов, нет пейзажа, соответствующего тютчевскому сюжету! Традиционно основная сельскохозяйственная культура Баварии - не виноград, а пивной хмель. В помете явная ошибка или опечатка. Сходство названий *Ротенбург - Ротенберг* ввело в заблуждение Федора Ивановича или Эрнестину. В середине прошлого века населённого пункта «Ротенберг» на картах не было. Несколько семей немногочисленного селения-прихода Ротенберг занимались исключительно виноградарством. Ныне Ротенберг поглощен Штутгартом и находится в городской черте его окраины в конце автобусного маршрута № 61. Холм Ротенберг с часовней-мавзолеем (высота холма 411 м) и прилегающие поля оберегаются от городских застроек. В каталоге о достопримечательностях Ротенберга «Rußland in Württemberg» опубликовано на немецком языке стихотворение Тютчева „*Над виноградными холмами...*“ в переводе замечательного поэта-переводчика и исследователя творчества Тютчева доктора Людольфа Мюллера, профессора славистики Тюбингского университета. Вюртенбергское королевство тяготело к России, и следующие два поколения вюртенбергских королей были также российские великие княгини: Ольга, дочь Николая I, и Вера Константиновна, внучка Николая I.

Часовня-мавзолей в Ротенберге, недалеко от Штутгарта (Баден-Вюртенберг).

21 апреля/3 мая 1829 года родилась первая дочь Тютчева, Анна (будущая жена писателя Ивана Аксакова). Тютчев стал

респектабельным семьянином. Правда, острота материальных проблем не исчезла. Жалование оставалось невысоким. Посланники, Иван Потемкин и Григорий Гагарин, безрезультатно ходатайствовали перед министром Нессельроде об увеличении оклада, считая его явно недостаточным. Тютчевых выручала помощь родителей. Лишь после повышения в коллежские асессоры летом 1833 года оклад был увеличен на 200 рублей.

В бытовых вопросах Фёдор Иванович был совершенно беспомощным человеком. Элеонора опекала его, как маленького ребёнка. Планируя поездку в Россию, Элеонора в феврале 1837 года пишет матери Фёдора Ивановича: „Признаюсь однако, что его присутствие ничуть не облегчает трудности путешествия. Я предпочитаю путешествовать с тремя грудными младенцами, нежели с одним Теодором“.

Жизнь Фёдора Ивановича приобретала форму ленивого покоя. Практичная Элеонора часто сетует на эту сторону характера Тютчева. Как-то в ноябре 1832 года она даже написала брату Тютчева Николаю: „Пишу Вам два слова, мой друг, за отсутствием лучшего, т. е. за отсутствием Теодора, который всё ещё одержим одним из своих приступов лени. Вот уж сколько времени он собирается писать Вам, однако каждый раз день оказывался слишком коротким для этого; так подождите, пока в нём станет более 24 часов“. Но в действительности тютчевская лень была только внешним проявлением его натуры. Лень тела не означает ещё лени мысли. Гейне даже уверял, что лень поэта - нормальное состояние души. В одном из его писем к Тютчеву лень воспета гимном. Глубины души Тютчева были скрыты от окружающих. Поэта волновала красота природы, радость её созерцания, раздумья о месте человека в мироздании. Ночь была временем наиболее полного слияния поэта со Вселенной:

*Есть некий час, в ночи,
всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится
в святилище небес.*

*Тогда густеет ночь,
как хаос на водах,
Беспамяństwo,
как Атлас, давит сушу;
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат
боги снах!*

Нестрогая, волнообразная с провалами архитектура стихотворения, как хаос на водах, - вечное движение мироздания. «Видение» написано в 1829 году. Тогда же 26-летний Тютчев достиг новой поэтической вершины в стихотворении «Бессонница»: краткость жизни и бесконечность мира, Человек и Время, противостояние Року. Композиторы Н. К. Метнер и В. Н. Салманов не прошли мимо этой извечной философской темы:

*Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!
Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?<...>*

*И новое младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!
Лишь изредка обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!*

Немецкая культура, воспринимаемая через русское самосознание, давала обильные всходы на почве уникального интеллекта и всесторонней одаренности Тютчева. Глубокомыслие тютчевского стиха произвело на Ивана Тургенева и Льва Толстого огромное впечатление. Лев Николаевич пометил на полях книги рядом со стихотворением «Silentium!»: „*Что за удивительная вещь! Я не знаю лучшего стихотворения*”. В марте 1870 года Тургенев писал из Веймара родственнику Фета: „...и глубже, и глубже проникаюсь я истиной тютчевского стиха: *Мысль изреченная есть ложь, - во всяком случае - такая мысль, к которой собеседник не хочет идти благодушно навстречу, не хочет помочь Вам самим понять её*”. Композитор Николай Метнер эту же фразу Тютчева воспринял строго логически: „...я положительно пришёл к тому заключению, что тютчевская мысль „мысль изреченная есть ложь“ - *есть ложь! (Хотя бы потому уже, что она уже изречённая)*”. Композитор не понял поэта. Узрев исключительно формальную противоречивость, Метнер не ощутил психологического драматизма тютчевской идеи и оставил «Silentium!» вне своего внимания:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои -
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,
Любуясь ими - и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?*

*Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими - и молчи.
Лишь жить в себе самом умей -
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, -
Внимай их пенью - и молчи!..*

Так кому же предназначены эти стихотворные перлы русского Поэта на нерусской стороне? К редким гостям из России? Трагедийность Тютчева в потребности самовыражения состояния души только самому себе! Он не искал слушателя вне себя. Одиночество личности поэта от душевного разлада его творческого гения: „*Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?*”

Сложность внутреннего мира Фёдора Ивановича была вне досягаемости восприятия его Элеонорой. Помочь мужу она не могла. Стихи Тютчева ей были недоступны. Гениальность его мышления оставалась за пределами сознания Элеоноры. Биограф Кирилл Пигарев характеризует Элеонору: „*Серьёзные умственные запросы ей были чужды*”. Элеонора занималась исключительно деловой хозяйственной стороной семейной жизни. На её плечах лежали хозяйственные заботы, в семье прибавилось ещё двое дочерей: 24 апреля 1834 года родилась Дарья, 27 октября 1835 - Екатерина. Преданность Элеоноры мужу была безграничной. Тютчев утверждал родителям в апреле 1837 года: „...не было ни одного дня в её жизни, когда ради моего благополучия она не согласилась бы, ни колеблясь ни на мгновенья, умереть за меня. Это

способность очень редкая и очень возвышенная, когда это не фраза. То, что я говорю, должно быть, покажется вам странным. Но, повторяю, я имею на то свои причины. И эта дань, воздаваемая ей мною, является лишь весьма слабым искуплением". Ради брака с Тютчевым Элеонора фактически отказалась от своих маленьких детей-Петерсонов, которые воспитывались в Петербурге. Она с ними переписывалась, посылала свои портреты, дважды ездила на встречу: в 1830 и в зимнее полугодие 1837-38 гг. Элеонора, видимо, понимала дистанцию в интеллектах её и Тютчева и старалась компенсировать эту разницу еще бóльшой заботой о Фёдоре Ивановиче, но их брак изначально был обречен на семейные драмы. Вряд ли прав писатель Фёдор Фёдорович Тютчев (сын поэта и Елены Денисьевой), который уверял, что Тютчев женился *по страстной любви*. При жизни Элеоноры Фёдор Иванович не посвятил ей ни одного стихотворения. Постоянно окружая жизнь Тютчева своими заботами, Элеонора не являлась для него источником поэтического вдохновения. Великолепные поэтические знаки внимания он оказал, к сожалению, только её памяти. Потребовалось время, много времени, чтобы образ первой жены освободился от бытовой мелочности и засверкал чистотой яркой, но, увы, уже недоступной звезды. В 1858 году, через двадцать лет после смерти Элеоноры, Тютчев обращается к её образу:

*В часы, когда бывает
Так тяжко на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди; <...>*

*Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была.*

В письмах к дочерям, Анне, Дарье и Екатерине, Тютчев часто трогательно и нежно вспоминал об Элеоноре, о её заботах: *„Она была для меня жизнью... Я считал её настолько необходимой для моего существования, что жить без нее мне казалось невозможным, все равно как жить без головы на плечах... Она вся передо мною, бедная твоя мать!“*. Эти слова обращены к Анне в 1846 году. Но все это будет сказано и написано потом, когда Элеоноры уже не будет. В 1837 году перед поездкой Тютчевых в Петербург, Фёдор Иванович писал родителям: *„Я хочу, чтобы Вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил так, как она меня“*. Это было правдой. Но правдой было и существование в это же время в жизни Тютчева другой женщины... Сначала Элеонора предполагала очередную легкомысленную интрижку, которым, она знала, Фёдор Иванович не был чужд. Кому-то же Тютчев писал в 1829 году:

*Ты любишь, ты притворствовать умеешь,-
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей -
Ты мне ответ даешь - и не краснеешь! <...>*

Существует еще несколько стихотворений любовной лирики мюнхенского периода, посвящённых разным адресатам.

Материальные трудности Тютчевых вынуждали Элеонору обращаться непосредственно к посланнику Гагарину с настойчивыми просьбами об увеличении жалования Фёдору Ивановичу. В одном из писем брату поэта, Николаю Ивановичу Тютчеву, Элеонора признавала: *„Моя беседа с Гагариным так повлияла на него, что теперь ничего не стоит заставить его поверить чему угодно и заставить его видеть, желать и делать, что угодно“*. Можно себе представить эту беседу...

...В июле 1833 года Элеонора нервно жалуется Николаю Тютчеву, который, она знала, имел большое влияние на мужа: *„Он (Фёдор Иванович), как мне кажется, делает глупости или что-то близкое к ним... Теодор легкомысленно позволяет себе маленькие светские интрижки, которые, как бы незначительны они ни были, могут неприятно осложниться. Я не ревнива, и у меня для этого как будто нет оснований, но я беспокоюсь, видя, как он уподобляется сумасбродам...“*. Подозрения Элеоноры ближе к действительности, чем она предполагает...

Беспокойство Элеоноры возрастает и по поводу здоровья мужа. Зная, что мать Тютчева, Екатерина Львовна, подвержена приступам тяжелой депрессии, Элеонора предполагает у Фёдора Ивановича наследственное патологическое расстройство психики. Её письмо Николаю Тютчеву полно новой тревогой: *„...Мне надо рассказать вам о вещах, которые не пишутся, но которые важны для вас не менее, чем для меня. Мне необходим ваш совет - быть может, существует всё-таки какое-то средство против этого? То, о чем я говорю, не имеет отношения к нашим делам... Не знаю, как лучше написать об этом, говорю с вами и чувствую, что не умею выразить мою мысль. Вы, конечно, догадываетесь, что подобную тревогу мог вызвать у меня только Теодор. Я имею в виду его здоровье, не то чтобы он был болен - чувствует он себя как обычно, - но есть в нём какой-то нравственный недуг, который, как мне кажется, развивается быстро и страшно. ...Надо знать его так, как знаю его я, и притом необходимо, чтобы он сам высказался до конца, только тогда можно представить себе его состояние. Вы должны понимать, что я имею в виду: ваша мать, кажется, передала ему в наследство эту боль? Посоветуйте, что мне делать. Когда я об этом думаю, когда это вижу, меня охватывает смертельный ужас и горе“*. Вот такая душевная боль о Тютчеве.

Женская интуиция подсказывала Элеоноре возможность неприятных осложнений, хотя прямой угрозы она еще не чувствовала. Действительно, Тютчев был в сумасбродном состоянии от встреч с 23-летней красавицей-баронессой, Эрнестиной Дёрнберг, которую Элеонора также немного знала. Тютчев жил двойной жизнью. Дома его всё раздражало, угнетала внешне беспричинная хандра. Это настроение Тютчева беспокоило преданную Элеонору. Какое поразительное чутье у любящей женщины! Она готова ему помочь, но

еще не знает как: „*Отвращение ко всему, невероятная разочарованность в мире и, главное, в самом себе, это - что пугает меня больше всего, - то, что он сам называет навязчивой идеей. Самая безумная, самая абсурдная идея, которую можно себе представить, мучает его до лихорадки, до слез*”.

...Муж Эрнестины, дипломат барон Фридрих фон Дёрнберг, заболел тифом и в феврале 1833 года скончался. Эрнестина длительное время избегала встреч с Фёдором Ивановичем. Отношения Тютчева с Эрнестиной развивались неровно, но развивались... То, что по логике этого развития должно было произойти в их отношениях, произошло...

Элеонора понимала причины резкого изменения поведения Тютчева. Его участвовавшие отсутствия, приводили Элеонору в ярость. Она была потрясена неверностью мужа. Последовали скандалы с иллюзорными трудными примирениями. Частная жизнь выплеснулась из стен квартиры в мюнхенские салоны. Высший свет всегда знал всё и даже больше, чем было на самом деле. В этом семейном конфликте мюнхенское общество почему-то сочувствовало Тютчеву.

Князь Григорий Гагарин, российский посланник в Мюнхене, 21 апреля/3 мая 1836 года слёзно просил министра Карла Нессельроде (письмо передано через барона Крюденера, переведенного на повышение в Петербург): „...*умоляю Вас, граф, уделите самое благосклонное внимание всему, что он (барон Крюденер) будет говорить Вам о г-не Тютчеве, о его злополучии, о его отчаянном положении и о самой настоятельной необходимости его из этого положения вывести. При способностях весьма замечательных, при уме выдающемся и в высшей степени просвещенном, г-н Тютчев не в состоянии ныне исполнять обязанности секретаря миссии по причине того пагубно-ложного положения, в которое он поставлен своим роковым браком. Во имя христианского милосердия умоляю Ваше превосходительство извлечь его отсюда...*”.

Князь расставил все акценты по местам. Следует отдать должное его определенному мужеству: он, больной человек (через год Г. Гагарин скончается), оставался в миссии только вдвоем с Тютчевым и во имя решения судьбы своего единственного помощника готов был на дальнейшие трудности в ущерб своему здоровью и работе миссии.

Апрель был особенно трудным в семье Тютчевых. Для Элеоноры была совершенно очевидна серьёзность связи Фёдора с Эрнестиной. Накал ссор становился невыносимым. Однажды (в конце апреля 1836 года), предполагая, что муж на свидании, Элеонора в порыве аффекта нанесла себе несколько ударов небольшим маскарадным кинжалом и в нервном возбуждении выбежала из дома. (Тютчевы жили тогда на Каролиненплац 1.) Это был крик отчаяния, страстный бунт любящей женщины, ослеплённой несчастьем неверности. Тютчев был поражён столь колоссальной силой характера жены. Свою вину перед Элеонорой он будет чувствовать всю жизнь. Полное горечи и укоров совести безадресное стихотворение „*Она сидела на полу...*“, по мнению анг-

лийского слависта Джона Дьюи, посвящено памяти Элеоноры в апреле 1858 года, в двадцать вторую годовщину злополучного инцидента:

*Она сидела на полу
И грудь писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотря с высоты
На ими брошенное тело...*

*О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..
Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, -
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.*

Семейные проблемы стали достоянием улицы, темой мюнхенских и петербургских сплетен. Это беспокоило Фёдора Ивановича. К своей собственной репутации он был равнодушен, но его жена была родовитая графиня. Не хотел Тютчев, чтобы обсуждалось и имя женщины, с которой, по мнению Элеоноры, он был близок. 2 и 3 мая всё того же 1836 года Тютчев пишет длинное письмо в Россию бывшему сослуживцу, Ивану Гагарину, племяннику князя Григория. Князь Иван знал о личной жизни Тютчева очень многое...

Роль Ивана Гагарина в судьбе Тютчева - предмет дискуссий. Гагарин был одним из первых, кто высоко оценил феномен тютчевской поэзии. Тютчева, как поэта, в России фактически не знали. Фёдор Иванович не был честолюбив, не стремился к известности, часто не подписывал случайно публикуемые стихотворения. Вернувшись из Мюнхена в Петербург, Гагарин рассказал Пушкину, который тогда уже издавал «Современник», о стихах российского дипломата, аккредитованного в Баварии. Рассказ произвёл впечатление и Гагарин обратился с просьбой к Тютчеву, чтобы тот прислал свои стихи. Фёдор Иванович не торопился выполнять просьбу Гагарина. Но появилась оказия: баронесса Амалия Крюденер и её муж, 1-й секретарь российской миссии Александр Крюденер, отправлялись в Петербург. Ворох лоскутов со стихами, всего около 100(!) стихотворений, Тютчев передавал Гагарину.

Вместе с пакетом следовало упомянутое письмо. Фёдор Иванович придавал ему большое значение и продумал до мелочей. Тон письма благожелательный, декларация спокойствия, невозмутимости и лени. Ленью Тютчев оправдывает и длительное молчание и даже своё благорасположение к адресату. Тютчев, великолепный мастер фразы, возводит бездеятельность в культ. Самоирония и как бы самобичевание: *„Я живой пример того рокового, но в то же время нравственного и логического явления, по которому всякий порок несет в себе подобающее ему наказание. Я аполог, притча, предназначенная к тому, чтобы доказать отвратительные последствия лени. От нее возросло мое молчание, пока наконец я не почувствовал себя подавленным им, словно лавиной. Она - причина того, что я должен представляться вам до грубости безучастным, до тупости бесчувственным. И однако, мой друг, видит Бог,*

это отнюдь не так". Далее следуют милые сплетни. Впрочем: „Что касается настоящего момента, то Крюденеры, покидающие нас завтра, скажут вам, есть ли у меня основание быть особенно радостным. Эта зима, проведенная в постоянных тревогах, причины коих известны лишь мне одному, завершилась непредвиденным событием, которое могло иметь ужасные последствия и перевернуть все мое существование. У меня не хватает духу вам его рассказать".

Тютчев был совершенно уверен в Амалии Крюденер, она его искренний друг, но на её мужа Фёдор Иванович повлиять не мог: барон мог представить всё в нежелательном для Тютчева свете. Письмо не развивает далее тему *непредвиденного события*, а отвлекается на серьёзные проблемы общественного сознания, по сравнению с которыми собственные постоянные тревоги совсем незначительны: *„Если уместно говорить о вещах совершенно неведомых, я бы сказал вам в общих чертах, что умственное движение, происходящее сейчас в России, напоминает в некоторых отношениях, и принимая в расчет огромное различие времени и положения, попытку в пользу католичества, предпринятую иезуитами...".* Тютчев знал, что затронутый вопрос близок Гагарину.

Письмо продолжено на следующий день, 3 мая: *„Вчера вечером, когда я писал вам, я не мог решиться рассказать вам о постигшем меня грустном событии. Однако, тщательно взвесив все обстоятельства, я предпочитаю изложить вам все как было, чтобы вы не придавали значение ложным и преувеличенным слухам. Вот что случилось".* Только во второй половине письма Тютчев как бы решился рассказать о некоем *грустном событии*.

Описание в письме И. Гагарину тютчевской версии события немногословно, в отличие от пустяков, заполняющих несколько страниц текста. Как бы между прочим, Тютчев объясняет происшедшее физиологическими процессами в организме кормящей женщины. (6-месячная Екатерина нуждалась в молоке матери.) Всё случилось очень просто: Элеонора кормила ребёнка, но вдруг случился прилив крови к голове, начался болезненный приступ и она случайно увидела маленький кинжал *„и в припадке полного иступления нанесла себе несколько ударов в грудь“*. Вот и всё. Завершается эта часть письма словами: *„Такова истинная правда об этом происшествии: причина его чисто физическая. Это прилив к голове".* И далее самое главное, ради чего письмо собственно писалось: *„...я жду от вас, любезный Гагарин, что если кто-нибудь в вашем присутствии вздумает представлять дело в более романтическом освещении, вы во всеуслышание опровергните нелепые толки".* Затем следует сердечный привет Гагарину от Элеоноры и просьба передать её старшему сыну (дети Элеоноры от первого брака воспитывались в Петербурге) её портрет с коротким, но важным дополнением: *„...осторожно сообщите о случае, происшедшем с его матерью".* Просьба высказана и последующие сөветования на петербургское начальство опять уводят от значительности изло-

женного события. Тютчев многое готов дать, чтобы предотвратить пересуды, но дать ему нечего. Кроме своих стихов! В заключение письма следует текст, подтекст которого очевиден: „*Вы просили меня прислать вам мой бумажный хлам. Ловлю вас на слове. Пользуюсь этим случаем, чтобы от него избавиться. Делайте с ним что вам заблагорассудится. Я питаю отвращение к старой испитанной бумаге, особливо написанных мной. От нее до тошноты пахнет затхлостью...*“. Тютчев пытался благорасположить бывшего сослуживца...

12 июня И. Гагарин отвечал Тютчеву: „...*намедни я передаю Вяземскому некоторые стихотворения, старательно разобранные и переписанные мною...*“. Полученные стихи произвели большое впечатление на Вяземского, Жуковского, Пушкина и вскоре увидели свет в пушкинском «Современнике» под названием «Стихотворения, присланные из Германии».

Отношения между Пушкиным и Тютчевым, ранее довольно прохладные, теперь несколько потеплели. Ещё в 1830 году в февральском номере «Литературной газеты» Пушкин опубликовал критическую статью на «Обозрение словесности», напечатанную в альманахе «Денница». Автором «Обозрения» был 23-летний И. В. Киреевский. Статья написана Иваном Васильевичем с юношеским задором. Среди прочих талантливых поэтов в «Обозрении» назван Тютчев, выражено неприятие пушкинской «Полтавы», хотя признана зрелость таланта автора. Сдержанно полемизируя с юным Киреевским, Пушкин не посчитал бесспорной оценку таланта Тютчева, „*поэта немецкой школы*“, т.е. тяготеющего к немецкой духовности. (Эта же немецкая школа русского поэта подчёркивалась и через 6 лет названием вышеупомянутой публикации в «Современнике»), т.е. признавая талант Тютчева, Пушкин своего мнения о нём не изменил.) В июле 1830 года «Литературная газета» напечатала пушкинскую эпиграмму «Собрание насекомых» (подражание басне Крылова). В довольно желчных стихах имена пяти литераторов были заменены звёздочками. По мнению Михаила Погодина, подразумевался и Тютчев. Что не принял Пушкин в ранней тютчевской поэзии? К этому времени были опубликованы в разных российских журналах всего 18 мюнхенских стихотворений Тютчева, в числе которых 6 переводов из немецкой поэзии, 3 - о баварской природе (такие шедевры, как «Весенняя гроза», «Видение», «Летний вечер»), славянофильское «Олегов щит», 4 стихотворения любовной лирики и другие.

Две яркие личности очевидно неизбежно обладали уникальной индивидуальностью поэтического дарования, собственным восприятием окружающей действительности, оригинальным философским осмыслением мироздания, пониманием значения роли поэта в обществе. Для русской культуре бесценны и необычайный размах души Пушкина, и органично дополняющая феноменальная глубина интеллекта Тютчева.

...И. Гагарин передал в «Современник» только небольшую часть присланных Тютчевым стихов. Князь Иван после получения пакета со стихотворениями решил сам их издать. Но издательские намерения Гагарин не осуществил.

ствил. Значительное количество стихотворений пролежали в зарубежных архивах Ивана Гагарина почти сорок лет. „Знаете ли, мой милый друг Дарья,- писал И. С. Аксаков 24 ноября 1874 года Дарье Фёдоровне, второй дочери уже покойного Тютчева,- что нашлось 60 стихотворений Фёдора Ивановича, никогда не напечатанных? 60 пьес, о которых он не только никогда не упоминал, но, по всей вероятности, даже забыл... Эти стихотворения хранятся у Ивана Сергеевича Гагарина... В 1836 году он уехал в Петербург, говорил много о Фёдоре Ивановиче Пушкину и Жуковскому и по их желанию писал ему в Мюнхен о присылке всех его стихов. Ф. Ив. исполнил его просьбу, и Гагарин получил от него целый пакет с лоскутками, исписанными собственной рукой Ф. Ив.. Из этих лоскутков Гагарин выбрал стихотворений 40 или около этого и передал их Пушкину, который и стал помещать их в своем журнале, а остальные так и остались у Гагарина и пролежали у него почти 40 лет!“. Гагарин передал Аксакову тютчевскую часть своего архива, но не полностью, при этом многие стихотворения в копиях. Высочайшую цену Фёдор Иванович не задумываясь заплатил князю Ивану Гагарину за его предполагаемую помощь в сохранении от высшего света семейной тайны. Князь был не тем человеком, на которого мог положиться Тютчев. Письмо Фёдора Ивановича имело прямо противоположный эффект. Вопреки просьбе Тютчева Гагарин поддерживал нелепые толки. Герцен характеризовал Гагарина, как *аристократа, вероятно, не получившего серьезного образования, ни сильного таланта*. Опрометчивость Фёдора Ивановича могла дорого обойтись русской поэзии. Позже Тютчев перестал поддерживать отношения с князем И. Гагариным. „*Моих убеждений, кажется, Тютчев никогда не разделял*“, - признавал Гагарин Аксакову в 1874 году.

...Безвольный Тютчев был неспособен к свершению каких-либо радикальных действий для разрешения семейного конфликта. „*Ум сильный и твердый - при слабодушии, при бессилии воли, доходившем до немощи*“, - мнение Аксакова. Фёдор Иванович находился между двух любящих его женщин и по своему дорожил обеими. Его встречи с Эрнестиной еще какое-то время продолжались. Но растерявшийся Тютчев уже был склонен к бегству. Нессельроде не внял тогда просьбе Григория Гагарина об *извлечении* Тютчева из Мюнхена.

4 февраля 1837 года всепрошающая Элеонора деликатно указывает полуправду матери поэта, не называя истинного повода для переезда в Россию: „*Если бы Вы могли его видеть таким, каким он уже год, удрученным, безнадежным, больным, затрудненным тысячью тягостных и неприятных отношений и какой-то нравственной подавленностью, ...вывезти его отсюда волею или неволею(!) - это спасти его жизнь. ...я, связанная с этой страной столькими узами дружбы, я принуждена сказать, что пребывание здесь для меня невыносимо; судите, что же это для него, не имеющего здесь почвы в настоящем и ничего в будущем*“. Судьба не сопутствовала немедленному отпуску Тютчева: Григорий Гагарин серьезно заболел. Тютчев с 28 июля по 22

августа 1836 года исполнял обязанности поверенного в делах. Поездка была отложена до весны следующего года.

Как всегда, всё или почти всё разрешила смерть. Пока на этот раз - смерть посланника Гагарина, последовавшая 24 февраля 1837 года.

В мюнхенской миссии были произведены новые назначения: Тютчев получил должность с повышением в Турин (с правом трехмесячного отпуска), его место в Мюнхене занял барон Аполлониус фон Мальтиц. Вопрос о ностальгии пока больше не обсуждался, он перешел в несколько другую форму: в желание просто покинуть Мюнхен. Только 9 мая Тютчев, наконец, сообщает родителям о поездке всей семьёй в Россию.

Петербург не доставил радости Тютчеву: „Я испытываю не *Heimweh* („тоска по родине" нем.), а *Herausweh* („тоска по отъезду" нем.)". Историк Александр Тургенев, часто гостивший в петербургском доме Тютчевых, отмечал, что и Элеонора *жалеет по мюнхенской жизни*. Темы вечерних бесед: *о Шеллинге, Чаадаеве, о его наказании и пр. О Пушкине*.

Неясно, от кого Тютчев узнал о гибели Пушкина, возможно, из газет. С ссылкой на письма из Берлина и на французскую прессу аугсбургская „Allgemeine Zeitung“ уже 5-го марта 1837 года поместила краткую статью о смерти поэта. Заметка называла Пушкина известным русским поэтом и писателем и, за исключением некоторых неточностей, в основном верно сообщала историю дуэли. Вероятно, под впечатлением рассказов Тургенева о кончине Пушкина (двое последних предсмертных суток Пушкина Тургенев был рядом с умирающим поэтом) в эти дни была написана Тютчевым знаменитая ода «29-ое января 1837»:

*Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
<...>*

*Вражду твою
пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Сила гневной страсти запугала цензоров, стихотворение было опубликовано только в 1875 году!

По истечении отпуска и утверждения в должности, Фёдор Иванович заторопился к новому месту назначения, в Турин. С Элеонорой у Тютчева была договоренность, что она осенью выедет вслед за ним. Элеонора пока с детьми оставалась в Петербурге. Здесь же были и её сыновья-Петерсоны. Элеонора не доверяла бесхарактерности Тютчева и знала, что должна находиться рядом с ним. В Турин Тютчев ехал через Мюнхен, где оставался весь август 1837 года. Из Мюнхена Элеонора получила длинное письмо с доводами в пользу её зимования в Петербурге. Тут и трудности переезда с детьми, и возможность заболевания холерой, и материальные проблемы. Доводы Тютчева и

добрый тон письма („Мой друг!" - обращался Фёдор Иванович к жене) убедили Элеонору остаться.

В сентябре Тютчев уехал на место нового назначения. Из Турина он шлёт в Петербург родителям и Элеоноре подробные отчеты. Уделено место и туринским знакомствам: „Среди тех, которые я завел за последнее время, есть бесспорно несколько любезных женщин, чьё общество во всякой стране было бы большим подспорьем". Новые лирические стихи не появились...

Тютчевские письма Элеоноре полны жалоб на одиночество и скуку: „В моём следующем письме я буду говорить тебе подробно о моём состоянии, как внешнем, так и внутреннем. Тебе достаточно будет знать, что нет ни одной минуты, когда б я не ощущал бы твоего отсутствия. Я никому не желаю испытать на собственном опыте всего, что заключают в себе эти слова". В письме от 13 декабря 1837 года Тютчев тепло поздравлял с наступающим Новым 1838 годом. Ничто его серьезно не тревожит. Никаких дурных предчувствий...

Но чуткую Элеонору изводит душевная тревога. Она торопится в Турин. Нет денег на поездку. Вечные денежные проблемы! Лишь 14 мая 1838 года Элеонора с дочерьми отправилась из Петербурга к мужу.

Часть путешествия, Петербург-Любек, было морским. При подходе к Любеку (в ночь на 19 мая) на российском пароходе «Николай» внезапно начался сильный пожар. На пароходе путешествовал цвет петербургской аристократии: Толстые, Голицыны, Вяземские. Находился здесь также 20-летний Иван Сергеевич Тургенев, который направлялся на учебу в Берлин. (Однако в том же 1838 году имя Ивана Тургенева обнаруживается в регистрационных записях Гейдельбергского университета. См. *Birkenmaier, Willy. Biographisches Lexikon des Russischen Heidelberg / Heidelberg, 1998. S. 137.*) Абитуриента сопровождал слуга-дядька Порфирий Тимофеевич Кудряшев (по молве его сводный брат, фактическим отчеством которого должно быть *Сергеевич*). Через 45 лет, 17 июня 1883 года, во французском городе Буживаль Тургенев по памяти продиктует Полине Виардо рассказ об этом происшествии: „...два широких столба дыма пополам с огнем поднимались по обеим сторонам трубы и вдоль мачт; началась ужаснейшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Беспорядок был неообразимый. ...В числе дам, спасшихся от крушения, была одна г-жа Тютчева, очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя(!) дочками и их нянюшками; поэтому она и оставалась покинутой на берегу, босая, с едва прикрытыми плечами. Я почел нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего сюртука, который я до тех пор сохранил, галстука и даже сапог; кроме того, крестьянин с тележкой, запряженной парой лошадей, за которыми я сбежал на верх утесов и которого послал вперед, не нашел нужным дожждаться меня и уехал в Любек со всеми моими спутницами, так что я остался один, полураздетый, промокший до костей, в виду моря, где наш пароход медленно догорал...". Юному Тургеневу

героических подвигов во время пожара проявить не удалось. Сплетничали, что он порядком струхнул. Иван Сергеевич оправдывался: „Близость смерти могла смутить девятнадцатилетнего мальчика - и я не намерен уверять читателя, что я глядел на нее равнодушно...". Во время пожара погиб партнер Тургенева по шахматам, о яростной игре которого язвительный Петр Андреевич Вяземский пророчески злословил: „Можно подумать, что дело у вас идет о жизни и смерти". (См. Богословский Н.В. Тургенев // ЖЗЛ, М., 1964. С. 45.)

Багаж Тютчевых пропал. Потрясение Элеоноры было на грани её физических сил. „Никогда Вы не сможете представить себе эту ночь, полную ужаса и борьбы со смертью!" - рассказывала Элеонора сестре Тютчева, Дарье Ивановне. Хотя Элеонору и её дочерей хорошо знал князь Вяземский, возможно, принявший участие в их судьбе, но иных письменных воспоминаний, кроме тургеневских, об обстоятельствах спасения семьи Тютчева, к сожалению, нет.

Тютчеву о пожаре стало известно из газет: „Я спокойно сидел в своей комнате в Турине - это было 11-го сего месяца (н. ст.) - когда мне пришли просто-напросто сообщить, что «Николай», вышедший 14/26 мая из С.-Петербурга, сгорел в море". Фёдор Иванович тотчас выехал в Мюнхен. Туда уже добиралась Элеонора с детьми. Они остановились в пансионе тетушки Элеоноры, баронессы Ганштейн. Элеонора сообщала из Мюнхена отцу Тютчева, что уже поправляется после „нескольких дней довольно сильного нездоровья, последствия пережитого ужаса и тревог, а также тысяч забот, последовавших за этим, которые привели к чему-то похожему на нервную горячку". Тютчев также подтверждал, что здоровье Элеоноры удовлетворительно: „Помимо Бога, сохранением жизни Нелли и детей я обязан её присутствию духа и её мужеству. ...Только прибыв в Мюнхен, я узнал, как всё было, и неделю спустя смог успокоиться, убедившись, что Нелли не столь измучена и разбита, как я опасался". Итак, слава Богу, Элеонора как будто восстановилась и она опять вся в заботах о Тютчеве и семье. Прочитируем ещё одно, последнее письмо Элеоноры матери Фёдора Ивановича, от 4 августа 1838 года, уже из Турина: „Я не решаюсь говорить о моих (материальных) заботах Теодору, я нахожу его таким убитым, не знаю, что тому причиной: климат или одинокий образ жизни, который он должен вести здесь, но я думаю, что и то, и другое вместе вызывают в нем раздражительное и меланхолическое настроение, которое Вам известно. ...Я нахожу, что здоровье Теодора скорее лучше, чем хуже, а с тех пор, как он проходит курс лечения гидротатией, наступило заметное улучшение".

У неё мысли только о муже. Никаких серьезных жалоб на свое здоровье. Но пережитый ужас в море на ночном пожаре не прошёл бесследно, его последствия оказались роковыми: 28 августа/9 сентября Элеоноры не стало...

Элеонора загадочно соединила свою судьбу с Фёдором Ивановичем и вот неожиданно ушла из жизни.

Элеонору похоронили на кладбище Village de la Tour (в предместье Турина). На могильной мраморной плите слова: „Здесь покоится Элеонора Тютчева, урожд. Ботмер, скончавшаяся в сентябре 1838 года". И ниже: „Она не придет более ко мне, но я иду к ней".

Смерть поселилась в доме Тютчева. Кончина Элеоноры к великой горести Тютчева будет не единственной потерей в его семье: из девяти детей, которым Фёдор Иванович даст жизнь, он переживёт только пятерых...

Фёдор Иванович был раздавлен. Рассказывают, что, „проведя ночь подле гроба жены, он посидел от горя в несколько часов". Первым поспешил на помощь к Тютчеву его брат Николай. Он был в Варшаве и узнал о случившемся горе 15 сентября из письма Клотильды. На следующий день он извещал родителей: „Это неожиданное известие сильно меня поразило, тем более, что я совершенно ничего не знал о болезни бедной нашей Nelly".

Очень медленно у Тютчева восстанавливалась способность к осмыслению жизни.

В один день, 6 октября 1838 года, Тютчевым написаны два письма о кончине Элеоноры, одно В. А. Жуковскому, другое К. В. Нессельроде. Вот строки из его письма Василию Андреевичу: „Есть ужасные години в существовании человеческом... Пережить все, чем мы жили - жили в продолжении целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы - и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить...". Далее следует мысль, которая постоянно присутствует в сознании, подсознании, поэзии и переписке Тютчева, мысль о трудности самовыражения: „Есть слова, которые мы всю нашу жизнь употребляем, не понимая... и вдруг поймем... и в одном слове, как в провале, как в пропасти, все обрушится". Через несколько строк следует программное заявление о главной сути тютчевской жизни: „Вы принесли с собой то, что после неё (Элеоноры) я более всего любил в мире: отечество и поэзию...". В конце этого необыкновенного письма душевно-травмированный Тютчев пишет о важности счастья для человеческой судьбы: „Не Вы ли сказали где-то: в жизни много прекрасного и кроме счастья. В этом слове есть целая религия, целое откровение... Но ужасно, несказанно ужасно для бедного человеческого сердца отречься навсегда от счастья. Простите". Закрывающее Простите звучит давним несогласием с этой мыслью Жуковского. Через 28 лет, 25 ноября 1866 года, в письме дочери Екатерине, личная жизнь которой не сложилась, Тютчев повторил неприятие того же тезиса: „Всё, что ты мне говоришь в последнем письме о оживительной силе, которую черпает душа в смирении, идущим от разума, конечно, весьма справедливо, но что до меня, то признаюсь тебе, я не в силах смириться с твоим смирением и, вполне восхищаясь прекрасной мыслью Жуковского, который где-то сказал: „Есть в жизни много прекрасного и кроме счастья", - я не перестаю желать для тебя счастья, которое требовало бы от тебя меньших усилий...". Необходимость ощущения счастья было внутренней потребностью души поэта, главным рефреном всей

жизни. В феврале 1823 года юный Фёдор переводит «Песню радости» Шиллера, которая начинается четверостишием:

*Радость первенец творенья,
Дщерь великого Отца,*

*Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!*

Через 47 лет, в феврале 1870 года, тот же душевный настрой, но уже тяжело больного Тютчева в переводе песни Клары из гётевского «Эгмонта»:

*Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волненье,
В небе ликуя, томясь на земли,*

*Страстно ликующей,
Страстно тоскующей
Жизни блаженство*

в одной лишь любви...

...Василий Андреевич содействовал публикации тютчевских стихов в пушкинском «Современнике». Он знал Тютчева еще подростком, но душевной близости между ними не было. Ослабевший духом Фёдор Иванович писал Жуковскому 6/18 октября 1838 года: „...я вам чужой, почти вовсе незнакомый, жду и надеюсь утешения“.

Василий Андреевич встретился с Фёдором Ивановичем, через полтора месяца после смерти Элеоноры. Сухие и лаконичные записи в дневнике Жуковского о Тютчеве: „Горе и воображение“. Состояние Фёдора Ивановича не принято им близко к сердцу. Сентиментальный романтик Жуковский, безнадежно влюблённый всю жизнь в племянницу Машу Протасову, смирившись с судьбой писал её матери, сводной сестре Александре: „Я убеждён, совершенно убеждён, что главное сокровище души заключается в страдании“. Покорный жизни без счастья Жуковский обрёл, наконец, семью в возрасте 56 лет, венчавшись 21 мая 1841 года в Штутгарте с молоденькой Елизаветой Рейтерн. И хотя от брака рождены были двое детей, но наступило уже неотвратное время заката, когда, по Тютчеву, „Живая жизнь уж позади“.

Василий Андреевич прожил в дружном браке 11 лет и скончался 12 апреля 1852 года (вскоре после смерти друга Гоголя).

При жизни Жуковского Фёдор Иванович стихотворений ему не адресовал. В трёх стихотворных посвящениях памяти Василия Андреевича Тютчев не касался темы оценки его поэтического дара. В стихотворении «Памяти В. А. Жуковского» есть строка: „В нём не было ни лжи, ни раздвоенья...“, характеризующая цельность личности Василия Андреевича, но не Жуковского-стихотворца. В устах Тютчева цельность души поэта - нонсенс. Душа - *житица двух миров*. Раздвоенность внутреннего мира - повод для душевного конфликта и глубоких раздумий. Состояние души поэта - тревога *двойного бытия*...

Начало письма к Нессельроде от того же 6 октября 1838 года продолжает тютчевскую тему сложности самовыражения: „Ваше сиятельство, я все потерял... Слова, я это чувствую, не выражают ничего... Но ведь у человека

нет ничего, кроме слов, чтобы выразить, сколь изранено его сердце". Далее Тютчев напоминает события последних месяцев.

После пожара на пароходе пострадавшие пассажиры были доставлены в Гамбург. Элеонора в Гамбурге виделась с Нессельроде. По его совету она послала прошение о возмещении убытков Николаю I, который находился тогда в Берлине. Нессельроде также рекомендовал Элеоноре, чтобы Тютчев обратился с аналогичным ходатайством и на его, Нессельроде, имя. В результате Тютчев получил от казначейства 800 червонцев. Тютчев благодарит Нессельроде и далее пишет: „*Не известие ли об этом благодеянии принесло ей последнее утешение, последнюю радость, которую ей было дано изведать на земле?... Два дня спустя обнаружилась та болезнь, которая среди жесточайших страданий разбила одно из самых благородных сердец, когда-либо созданных Богом*". Конец письма для Фёдора Ивановича особенно труден: „...*Граф, как ни горестно, как ни постыдно такое признание... я ни на что не способен, я сам ничто. Испытание не было соизмерено с моими силами... Я чувствую себя раздавленным... Я могу проливать слезы над этими несчастными детьми, но я не могу их оберегать*".

Дочери Тютчева находились в Мюнхене под надежной опекой любящих людей, близких родственников, друзей тютчевской семьи: баронессы Ганштейн и свояченицы Клотильды. Траурную дату, день смерти Элеоноры, в семье Тютчевых помнили всегда. „*Ты хорошо сделала, что думала обо мне в день 9 сентября*“, - писал Тютчев дочери Анне в 1846 году.

В 1848 году, через десять лет после кончины Элеоноры, Тютчев (на девятом году нового супружества) обратил к её памяти следующий шедевр:

*Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой -
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...*

*Твой милый образ незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...*

Простота ритма, эмоциональная боль незаживающей душевной травмы воодушевили восьмерых(!) российских композиторов: Зыбину, Казбирюка, Шереметьева, Зике, Галкина, Шеболина и других. Как-то Элеонора написала брату Фёдора Ивановича, Николаю, пророческие слова о своем муже: „*Провидение позаботилось о нашем дитяти, и везде он находил, где преклонить голову*“. Nelly чувствовала благорасположение провидения к её мужу...

Рядом с Тютчевым с декабря 1838 года уже была Эрнестина. Летом следующего года, Фёдор Иванович и Эрнестина обвенчались.

Элеонора передала Эрнестине эстафету забот, тревог, любви...

— „В БЕЛЫЙ САД ВЫХОДИШЬ УТРОМ...“

Клотильда

Графиня Клотильда фон Ботмер (☾ 22 апреля 1809 года, Мюнхен - † 5 сентября 1882 года, Георгенталь), родная сестра Элеоноры, родилась восьмым ребёнком в семье графа Ботмера. 6 апреля 1839 года вышла в Мюнхене замуж за секретаря российской миссии барона Фридриха Аполлониуса фон Мальтица (1795-1870), овдовела 2 марта 1870 года.

Баронесса Клотильда фон Мальтиц, урожденная графиня фон Ботмер (1809-1882). Дагерротип 1840-е гг.

В конце 1827 года в Мюнхен приехал Генрих Гейне. Известны дружеские отношения, которые возникли между ним и Фёдором Ивановичем весной 1828 года. Гейне был частым гостем в доме Тютчевых. Влюбчивый 30-летний Генрих был покорен свояченицей Тютчева, юной Клотильдой. Этому чувству немецкая поэзия обязана рождением стихотворного цикла «Новая весна». Одно из лирических стихотворений увлеченного немецкого поэта (в переводе В. Левика):

*В белый сад выходишь утром,
Свищет ветер над землею,
Смотришь, как несутся тучи,
Облекая небо мглою.
И луга, и рощи голы,
И кругом - зима седая,
И в тебе зима и сердце
Цепенеет замерзая.
Вдруг, ты весь обвеян белым,
Точно хлопьями метели.*

*Озираешься сердито:
На деревьях снег в апреле!
Но не снег ты белый видишь,
О, как сладко сердцу стало!
То тебя весенним цветом
Забросало, закидало.
И повсюду - что за чудо! -
Снег цветет весенней новью,
Юный май сменяет зиму,
А душа горит любовью!*

...Клотильда всю жизнь преданно любила Фёдора Ивановича, его детей, его жён. Почти все 12 лет замужества Элеоноры Клотильда жила с Тютчевыми или под одной крышей (на Оттоштрассе 248), или недалеко от них. Она была крестной матерью дочерей Элеоноры и детей Эрнестины. Уход из жизни Элеоноры поразил Клотильду. Дочери Элеоноры после смерти матери подолгу жили у тётки. Портрет Клотильды кисти неизвестного мастера украсил Баварскую национальную галерею.

Ещё при жизни Элеоноры к Клотильде сватался коллега Тютчева, барон фон Мальтиц. И только с появлением в жизни Фёдора Ивановича Эрнестины исчезла у Клотильды надежда на создание семьи с Тютчевым. Мальтиц был на 14 лет старше Клотильды. Прежним местом его службы, до 1837 года, была российская миссия в Рио-де Жанейро. 6 апреля 1839 года 30-летняя Клотильда вышла замуж, как указано в генеалогическом матрикуле Ботмеров, за „Фридриха Аполлониуса барона фон Мальтица (с конской головой на гербе)“, российского дипломата и немецкого литератора. Барон Мальтиц был плодовитым поэтом и драматургом. Его перу принадлежат 23(!) книги. К концу своей творческой жизни издавал по 2-3 книжки в год. Но имя Мальтица сохранилось только в старых литературных справочниках. В западно-европейской поэзии того времени была популярна лебединая тема. Не отставал и Мальтиц, сочинивший 5 посвящений любимой птице («Schwan und Falk», «Der Schwan» и др.). По мотивам стихов Мальтица Тютчевым было написано стихотворение «Лебедь» („Пускай орёл за облаками...“), в котором проводились параллели между Лебедем, поэтом-лириком, и Орлом, поэтом-бойцом. В первом образе угадывался сам Тютчев, во втором - Байрон. Мальтиц знал русскую литературу и историю, посвящал стихи Николаю I и прочим царствующим и именитым особам. Возможно, что под влиянием пушкинских стихотворений Мальтиц написал в стиле баллад «Olegs Roß» («Конь Олега»), «Swjatoslaws Schädel» («Череп Святослава»), «Isiaslaws Tod» («Смерть Изяслава») и др. Мальтиц переводил на немецкий язык поэзию Пушкина («Ангел и черт»), Тютчева („Люблю грозу в начале мая...“ и „Недаром милосердным Богом...“), Лермонтова («Казачья колыбельная»). В конце 20-х годов Клотильда вместе с Тютчевыми жила на Оттоштрассе 4 (№г. 248 - по старой сквозной нумерации домов), а в начале 40-х Фёдор Иванович и Эрнестина были соседями Клотильды, они жили через дом, на Оттоштрассе 6 (№г. 250; улицы ещё не имели чётной и нечётной стороны). Мальтиц окружил Клотильду вниманием и любовью, посвящал ей сонеты: «An die Vermählten» («Жене») в 1838 году и ещё через 20 лет «Rückblick von fernen Hügeln. An Clothilde» («Взгляд назад с далёких холмов. Клотильде»). „Взгляд назад...“ - стихотворение минорное, прощальное. Мальтиц готовился к расставанию с бытием, не ведая, что ему отпущено ещё 12 лет. Сонет наполнен смирением, удовлетворением от прожитой жизни и собственным душевным покоем (столь противоестественным для Тютчева). В последних строках не забыта и Клотильда (подстрочник автора):

*Моя золотая нить обрывается,
Мой мир готовится к последнему сну,
Моя нога растает с этой прихожей,
Но не рвутся цепи воспоминаний.
В них восторги свиданий молодости,
Сердце наслаждается благочестием и благодарностью.
Но приходит время и каждый для себя решает,*

*Когда отзывал зов его лебединой юности.
Вечерняя заря обращает к покою.
Я не изнемогаю уже от грусти по сладкой робости
И все прошедшее считаю завершенным.
Моя утренняя заря ещё тоскует, но она уже затихает...
В будущем - светлые звезды твоих последних проводов.
Твоя милая верность остается со мной.*

Обожание Мальтицем своей жены раздражало Тютчева и вызывало даже чувство досады: „Я себе не очень нравлюсь в их обществе“, - недовольно писал он как-то Эрнестине. Потом Мальтицы переехали в Веймар, куда с мая 1841 года Аполлониус был назначен поверенным в делах России. (Когда-то эту же должность в Веймаре занимал Александр Петерсон, первый муж Элеоноры.) Тютчев переписывался с ними и первое время довольно часто навещал, а потом всё реже и реже. После встречи Тютчева с Клотильдой в Веймаре 7 июля 1847 года они разлучились надолго. Детей Мальтицы не вырастили. 2 марта 1870 года Клотильда овдовела и переехала из Веймара в город Кезен, под Наумбургом (в 120 километрах от Карлсбада). В августе того же 1870 года Клотильда, сообщая Екатерине, дочери Фёдора Ивановича, о смерти мужа, многозначительно писала: „...я слишком была приучена быть любимой“.

С пометой „Карлсбад, 26 июля 1870 года“ датирован один из последних шедевров любовной лирики, озаглавленный загадочным криптонимом «К. Б.». Стихотворение было опубликовано в том же 1970 году в двенадцатом номере известного литературного ежемесячника «Заря». В журнале публиковались ведущие литераторы России (И. Тургенев, Я. Полонский и др.).

Отсутствие письменных свидетельств о действительном адресате упомянутого стихотворения породило различные предположения среди исследователей тютчевского творчества. Иван Аксаков, современник Фёдора Ивановича, единственный человек, которому было точно известно, кому посвящены стихи, в подробном биографическом и литературоведческом исследовании «Биография Фёдора Ивановича Тютчева» (Москва, 1886) о стихотворении «К. Б.» не обмолвился ни словом, вроде бы этого заметного шедевра и не существовало... Понимая, что историю создания стихотворения замалчивать невозможно, свою версию предложил петербургский поэт Пётр Быков, когда-то знавший Тютчева. Быков в начале XX века издал все известные к тому времени стихи Фёдора Ивановича. В примечании он указал, что коллега и давний друг Тютчева, поэт Я. П. Полонский, незадолго до своей смерти (в 1898 году) будто сообщил ему, Быкову, о необходимости инверсирования «К. Б.» в «Б. К.» и прочтения криптонима фразой «Баронессе Крюденер». (Баронесса Амалия Крюденер, урожд. графиня Лерхенфельд, во втором браке графиня Адлерберг, - юношеское увлечение Тютчева.)

Издание Быкова подверг резкой критике князь Георгий Гагарин («Литературное наследство», т. 97, кн. 2, с. 534-541), которое назвал

„возмутительной расправой с текстом стихотворений Тютчева“. Другой почитатель таланта Тютчева, известный русский поэт Валерий Брюсов, не столь строго воспринял быковское издание, но усомнился в достоверности сообщения Быкова с ссылкой на усопшего Полонского. По мнению Брюсова, у Федора Ивановича с Амалией не было *вековых разлук*, любовь-дружба с Амалией была общеизвестна и не нуждалась в замысловатых криптонимах, несвойственных Тютчеву. Брюсову оппонировал филолог Роман Брандт, друг второго поколения семьи Тютчевых. Брандт, настаивая на версии Быкова, мотивировал свой довод совпадением эпитета *время золотое* в стихотворениях «К. Б.» и „Я помню время золотое...“, которое многие исследователи полагают посвященным Амалии (хотя документальных подтверждений этому также нет). Но аргументы Брандта уязвимы. Сравнимые стихотворения написаны с интервалом в 40 лет! У Фёдора Ивановича есть похожие строки, адресованные заведомо разным лицам. Английский славист Джон Дьюи приводит (в письме от 12.10. 1998 года) следующий пример: „*внутренние связи между стихотворениями „Вновь твои я вижу очи...“ и „Я очи зал...“ не дают нам права утверждать, что оба они адресованы одной и той же женщине*“. Стихотворения Тютчева рождались вдохновенно-спонтанно и выражали душевное состояние поэта в момент творческого акта их созидания. В тютчевском творчестве осязаемы его собственные поэтические клише, которые, как и новые образы, возникали у поэта интуитивно-подсознательно, в виде озарений, свойственных его индивидуальному феномену. Исследуя названные стихи Тютчева, наиболее достоверно устанавливается главное: их писал великий поэт. Довод Брандта скорее свидетельствует, что стихотворения «К. Б.» и „Я помню время золотое...“ написаны одним поэтом и не более. Во всех последующих изданиях стихотворений Ф. И. Тютчева примечание Быкова к стихотворению «К. Б.», как факт неоспоримый, оставлено уже без ссылки на друзей семьи Тютчева.

Создавалось впечатление, что близкие Тютчева, выполняя поручение И. Аксакова об умолчании чрезмерной склонности Фёдора Ивановича к сердечным привязанностям, „*L'abus des affections humaines*“ (фр.), стремились отвести внимание от действительного адресата...

Московский литературовед А. Николаев и английский филолог Р. Лэйн полагают возможность посвящения стихотворения «К. Б.» Клотильде Ботмер, при этом Р. Лэйн не исключает вероятности того, что Клотильда могла быть адресатом и стихотворения „Я помню время золотое...“, усматривая сходство образов в данном тютчевском стихотворении и в вышецитированном стихотворении Гейне, посвящение которого Клотильде неоспоримо. Дискуссия об адресате стихотворения «К. Б.» длится уже 100 лет. Косвенным доказательством диспутантов противопоставляемы только письменные свидетельства, которые могут содержаться в частных архивах, ожидающих своей публикации.

Публикация стихотворения «К. Б.» в декабрьской книжке журнала «Заря», в отличие от И. Аксакова, была замечена многими композиторами и

уже в следующем 1871 году появились первые переложения на музыку. Новую жизнь стихотворение «К. Б.» получило в романсе „Я встретил вас...“. В прежних нотных изданиях сообщалось, что автор музыки неизвестен. Одним из исполнителей романса был известный драматический артист Иван Москвин. Его исполнение произвело однажды большое впечатление на профессионального певца Ивана Козловского, который на слух восстановил нотную запись мелодии. Исследователями после десятилетий(!) поисков, дискуссий, находок новых композиторских имён (С. Донауров, А. Спиро), музыкальных жанров и вариантов выяснено, что автором музыки, ставшей народной, является композитор Л. И. Малашкин, сочинивший романс в 1880 году. (См. Николаев А. А. Загадка «К. Б.» // «Нева», № 2, 1988.) Композитор, очарованный тютчевским стихом, очень точно ощутил музыкальность текста, тонкую возвышенность и интеллигентную чувственность нижеследующих строк:

*Я встретил вас - и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое -
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осенью порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, -
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты.*

*С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...
Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне, -
И вот слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...
Тут не одно воспоминание,
Тут жизнь заговорила вновь, -
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..*

Любимая женщина трех поэтов, баронесса Клотильда Мальтиц, урожд. графиня Ботмер, скончалась в Георгентале (Тюрингия) 5 сентября 1882 года.

Герб графов Ботмер. Элемент герба, лодка, указывает на происхождение фамилии Ботмер: „Bothmer“ от слова „Boot“, лодка (нем.)

— „ТЫ, ТЫ, МОЕ ЗЕМНОЕ ПРОВИДЕНЬЕ!..“

Nesti

„...я убежден, что ты до конца меня знаешь, и воспринимаю твою любовь как Божий дар. ...Пусть я делал глупости, поступки мои были проти-

воречивы, непоследовательны. Истинным во мне является только моё чувство к тебе”, - Тютчев Эрнестине, 17 декабря 1852 года.

„...О, что за мерзкая вещь - разлука, и сколько зла причинили мне разлуки с тобой!.. ...ничто не в силах успокоить и разогнать внутренний мрак, тогда как и четверти часа твоего присутствия было бы вполне для этого достаточно... О милая моя киска, то что я тебе здесь говорю - не выдумки. И если мне суждено когда-нибудь снова обрести хоть немного спокойствия и душевной ясности, то этим благом я буду обязан одной тебе, ибо ты одна имеешь на это власть и волю”, - Тютчев Эрнестине, 23 июля 1854 года.

Баронесса Эрнестина Дёрнберг, урожд. баронесса Пффефель, во втором браке Тютчева. Литография Г. Бодмера с портрета И. Штилера (апрель 1833 года).

Баронесса Эрнестина Генриэтта Каролина Максимилиана Вильгельмина фон Пффефель (□ 20 апреля 1810, Дрезден - † 17 апреля 1894, Петербург) родилась в баварско-французской семье. Её отец, барон Христиан Гюбер фон Пффефель (1765-1734), уроженец Эльзаса, - баварский дипломат в Голландии, Дрездене, Лондоне, Париже. Мать, Каролина (1789-1811), - баварская баронесса фон Теттельборн. Христиан Пффефель - племянник двух знаменитых братьев: известного немецкого баснописца Готлиба Конрада Пффефеля (1736-1809) и Кристиана Фридриха Пффефеля (1726-1807), дипломата и историка Бава-

рии. Эрнестина воспитывалась в пансионах Парижа и Страссбурга. 28 сентября 1830 года в Париже она вышла замуж за баварского дипломата Фридриха Карла барона фон Дёрнберга (1796-1833). 21 февраля 1833 года овдовела. С Тютчевым обвенчалась летом 1839 года. От брака с Фёдором Ивановичем были рождены трое детей: Мария (1840-1872), Дмитрий (1841-1870) и Иван (1846-1909). Брат Эрнестины, Карл (1811-1890), известный журналист и публицист, был дружен с Тютчевым.

С языческих времён народы Европы весело празднуют расставание с холодной и голодной зимой. В южной Баварии в дни первых весенних оттепелей начала февраля Fasching начинаются карнавальные хороводы. Традиционно соблюдение древних сценариев. В танцах крестьяне изображают начало полевых работ, во время которых внезапно появляется недобрый персонаж, ведьма-зима. Она всем мешает, хочет вернуть мороз и снегопады. Но это злодейство ей, конечно, не удаётся: ничто не может отвлечь наступления весны. Молодой русский дипломат Фёдор Тютчев под впечатлением баварского Fasching'a написал стихи, которые сейчас знают все школьники России:

*Зима не даром злится,
Прошла ее пора -
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И все засушилось,
Все нудит зиму вон -
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.
Зима еще хлопочет
И на весну ворчит.*

*Та ей в глаза хохочет,
И пуще лишь шумит...
Взбесилась ведьма злая,
И, снегу захватя,
Пустыла, убегая,
В прекрасное дитя...
Весне и горя мало:
Умылась в снегу
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.*

Fasching отмечался и в высшем свете. Для дипломатического корпуса организовывались балы. Нередки были приёмы у короля. Остроумного Фёдора всегда охотно принимали в баварских салонах. Он приходил один, без Nelly...

В водовороте повседневности от нашего внимания часто ускользает значительность некоторых как бы маловажных слов, случайных встреч. Их судьбоносность осознаётся позже. Требуется время для понимания того, что наши звёздные мгновения уже в прошлом.

...В январе 1833 года супруги Дёрнберг, барон Фридрих и Эрнестина, приехали из Регенсбурга в Мюнхен на Fasching, традиционный зимний карнавал. (В семье Тютчевых старинный баварский город Регенсбург называли древним кельтско-римским именем Ratisbona, Ратисбон.) Через 24 года Дарья, дочь Фёдора Ивановича и Элеоноры, расскажет семейное предание о первой встрече её отца с её мачехой: „*Это произошло в феврале на балу. Маменька (дочери Фёдора и Nelly так будут называть мачеху) танцевала, а муж её,*

чувствуя себя нездоровым, решил уехать с бала, он не хотел мешать жене веселиться. Когда он подошел к ней, она разговаривала с каким-то молодым русским. Сказав жене, чтобы она оставалась и что он уедет один, он повернулся к молодому человеку и сказал ему: „Поручаю Вам мою жену“. Этот молодой русский был папа”.

Барон Фридрих был бледен. Фразу произнёс он тихо, с некоторым усилием и как бы с болью. Он что-то ещё хотел добавить, но мешала весёлая музыка. Возбуждённая атмосферой бала Эрнестина увлечёно слушала остроумного русского дипломата. Грусть мужа не была замечена баронессой. Барон это понял и сделал только прощальный жест. Фёдор с улыбкой рассеянно кивнул. В звуках тикающих часов Истории последовала короткая пауза, но этот намёк Судьбы не был услышан...

„Приехав домой, г-н Дёрнберг слег; он заболел тифом и более не встал на ноги. Маменька рассказывала, что по возвращении домой она застала мужа совсем больным... Когда он умер, она долго не могла прийти в себя от ужаса и недоумения. Вместе с братом она уехала из Мюнхена в Ратисбон. Там брат её заболел той же болезнью”,- запись Дарьи, дочери Фёдора Ивановича и Элеоноры, в июне 1857 года.

Склонный к мистицизму Тютчев был потрясён внезапной кончиной барона, поручившего ему перед смертью свою жену. Барон полагал, что приезжает в Мюнхен на развлечение, но над своей жизнью он был уже не властен... Тютчев как завещание покойного принял последние слова Фридриха Дёрнберга. В контексте описываемого трагического события роковым совпадением выглядит другой эпизод этого же времени: отклонение ходатайства министром Нессельроде о переводе Тютчева из Мюнхена на службу в Гаагу (совместно с посланником Иваном Потёмкиным). Удовлетворение ходатайства означало бы, что Эрнестина в судьбе поэта не появилась бы... Фатальная предназначенность друг другу Фёдора Ивановича и Эрнестины будет особенно остро ощущаться в трудные времена их бытия. Провидение или необыкновенное стечение обстоятельств неуклонно, иногда жестоко, способствовали соединению двух судеб и также настойчиво препятствовали их разлуке. Рок покровительствовал их союзу. Истории был угоден именно тот сценарий жизни и творчества Тютчева, который засвидетельствован потомками. Поэт созрел к Совершенству Гармонии Слова, именуемой Поэзией. Отныне его предназначенье: возвышать души, *лить примирительный елей на бунтующее море стихийного пламенного человеческого раздора* («Поэзия» 1850).

...В марте 1833 года еще не совсем выздоровевший брат Эрнестины, Карл, был уже в Мюнхене и сообщал в Регенсбург сестре: *„Тютчев, которого я повстречал на улице, чрезвычайно интересовался вами”.* (Карл Пфэффель и Фёдор Иванович были знакомы с 1830 года.) Через шесть дней: *„Тютчевы звали меня обедать”.*

Насколько глубоким оказался след в сердце Эрнестины от встречи на зимнем карнавале? Вероятно, летом 1833 года она приезжала в Мюнхен и увлекшийся поэт вполне мог с ней встречаться. Во всяком случае, у Элеоноры, жены Фёдора Ивановича, появился повод к беспокойству: *„Я не прочь отправить его немного прогуляться. Безделье - вещь коварная“*. Такая прогулка состоялась. С августа по ноябрь Тютчев с деликатным дипломатическим заданием был командирован в Грецию. Элеонора сопровождала мужа до Триеста.

Первые месяцы 1834 года и Фёдор Иванович, и Эрнестины были в Мюнхене. Об их сближении в это время можно говорить с определенной уверенностью.

С 26 марта до 1 мая 1834 года в Мюнхене гостил известный историк Александр Тургенев. Он знал Тютчева и многих других дипломатов, дружен с философом Шеллингом, был принят при дворе, часто посещал светские рауты. Молодящийся 50-летний холостяк с привычками опытного салонного кавалера обратил внимание на 24-летнюю баронессу-вдову Эрнестины Дёрнберг. Краткие выдержки из его дневника - история несостоявшегося романа. (См.: Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832-1844) / Публикация К. М. Азадовского и А. Л. Осповата // Литературное наследство... Кн. 2, с. 63-98.) Любопытно, что имена Фёдора Ивановича и Эрнестины часто встречаются рядом в дневниковых записях Тургенева.

30 марта (н. ст.), первая встреча на королевском приеме: *„...Я стоял возле вдовушки-красавицы: она внучка славного Пфеефеля: отец её министром в Париже. Слушал, но более смотрел на нее...“*

3 апреля: *„Тютчев был у меня, приглашал к сардинскому посланнику ...Вечер у сардинского посланника, разговор с графом Гихом, с принцем (принцем Карлом (1895-1875), братом короля Людвига I) и с М-те Круденер (баронессой Амалией Круденер) о минхенских красавицах. Не спускал глаз с милой вдовушки Дёрнберг-Фефель“*.

4 апреля: *„...Любезничал с вдовочкой Дёрнберг: насили Тютчев увёл меня“*. В последующие дни описание многочисленных встреч с баварскими знаменитостями, салонное времяпровождение, увлечение Эрнестиной. Записи типа: *„Вальсировал с Круденер, болтал с графиней Гих и с милой вдовочкой“, „...до 11 часов пролюбезничал умом и сердцем с прелестной вдовушкой“, „...вальсировал с вдовушкой; была любезна во весь вечер“*.

Появляются жалобы на отсутствие взаимности: *„К вдовушке подходил; но приняла сухо и убежала сближения...“*. Прочитируем выдержки от 20 апреля. В этот день Тургенев прогуливаясь по Кауфингерштрассе, подошёл к собору и случайно увидел Эрнестины, входящую в храм. Она его не заметила. Тургенев фиксирует: *„Едва остановился близ входа вовнутрь храма, как и вдовушка явилась! Она католичка! Это новость для меня! Я остановился у памятника, спрятался за бронзового рыцаря ...Я простоял почти до конца 3-й обедни. Сделал визит ей - нездорова!“*.

Бронзовый рыцарь в католическом соборе, Фрауенкирхе. За этой фигурой прятался А. Тургенев 20-го апреля 1834 года. Он наблюдал за Эрнестиной и простоял почти до конца 3-й обеды.

В 24-й день своего рождения Эрнестина была на воскресной мессе в Фрауенкирхе, самом большом католическом соборе Мюнхена. Внутри собора находится мавзолей-памятник императору Людвигу Баварскому (1282-1347). По углам памятника установлены 4 бронзовые фигуры, изображающие коленопреклонённых наследников императора. Тургенев наблюдал за Эрнестиной, спрятавшись за фигуру герцога Вильгельма V (1493-

1550).

О чём просила Эрнестина у Всевышнего? Может быть, молилась за больного отца или просила освободить душу от грешного чувства к женатому русскому дипломату? Господь не услышал её молитвы...

21 апреля: „...Гулял с Шеллингом. Вечер в концерте: слышал Ромберга (Бернхард Ромберг (1767-1841), известный музыкант, композитор), но только 1-ю половину концерта; от второй уехал и норвежским напевам перед королевой и блестящей публикой предпочел собственные - вдовушке, царице мыслей моих". Русская историческая наука не обогатилась в этот день новыми изысками Тютчева. Тютчев остался в театре.

Скандинавская тема уже однажды прозвучала в творчестве Фёдора Ивановича при переводе стихотворения немецкого поэта Иоганна Гердера «Песнь скандинавских воинов». Молодого Тютчева тогда, ещё в 1825 году, очевидно привлекла возбуждающая героика текста песни:

*Вихрем помчимся,
Сквозь тучи и гром,*

*К солнцу победы
Вслед за орлом!..*

Теперь 30-летнего Тютчева тронула проникновенная лиричность композиторского исполнения норвежских напевов.

Душа поэта резонансно откликнулась на мелодию звуков музыкой слов:

*О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны,
очаровавшей мглу,
Лазурный свет
блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон
затрепетал в струне,
Как бред души,
встревоженный во сне.*

*Какой он жизнью
на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомнил -
Как по ночам
здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих
и поднесь садах
Их легких ног скользил
незримый шаг?*

О страстном увлечении Тютчева театром упоминают многие близкие к Фёдору Ивановичу люди. Эрнестина позже удивлялась, что Тютчев прервал их совместное путешествие и уехал из Остенде в Брюссель только „для того, чтобы увидеть на сцене знаменитую французскую трагическую актрису мадемуазель Рашель“. Иван Гагарин, сослуживец Тютчева, вспоминал, что Фёдор Иванович относился к той категории людей, „которые так страстно любят театр, что готовы подвергать себя лишениям, обходиться даже без обеда, лишь бы только бывать в театре“.

Вернёмся к Тургеневу и Эрнестине. Её неприязнь всё более очевидна: „Сперва была вдовушка любезна; при других стала отворачиваться“. Тургеневу явно изменяет чутьё кавалера... 23 апреля: „...Идучи по своей улице (по Театинерштрассе, гостиница «Золотой олень», в которой проживал Тургенев находилась в доме № 18) встретил её с братом. Остановились; она держала букет цветов. ...Я стал её упрашивать приехать к Сетто (барон Антон фон Сетто (1756-1847), баварский дипломат.); сказала, что объявила уже, что не будет, что должна писать письма; я умолял её - не соглашалась; я пенял, что она не приняла меня, а других. Она и не знала, что я был. „Завтра?“ - „Я в 12 часов выеду, - отвечала, - но придите в три““. Появилась надежда...

На следующий день, 24 апреля, Тургенев опять у Эрнестины. Его назойливая влюбленность откровенно Эрнестине неприятна: „...в три часа был уже у нее, до 4 часов ровно. ...говорил о моих чувствах ...начала отворачиваться, сказала, что не любит этого; я замолчал, заговорил о другом ...Не знаю, не более ли досады оставил в её сердце, чем... В 4 часа ушел, весь взволнованный и смущенный“. Тургенев был уверен, что Эрнестина осталась дома писать письма и в гости к семье баронов Сетто не поедет (объявила уже, что не будет), и направился к князю Ивану Гагарину ухаживать за Амалией Крюденер. Эрнестина же после ухода Тургенева сразу поехала к баронессе Сетто. Там был Тютчев. Запись в дневнике Дарьи Фёдоровны Тютчевой через 23 года, в июне 1857, описывает этот день: „Маменька (Эрнестина) была знакома с нашей матерью (Элеонорой), а меня она знает со дня моего рождения. Когда я появилась на свет, маменька была с визитом у 2-жи Сетто, это было после обеда. У моей матери благополучно окончились роды, и папá сказал об

этом г-же Сетто, когда та поинтересовалась здоровьем моей матери. Маменька была тут же и таким образом узнала обо мне в тот самый день, когда я родилась". Дарья родилась 12/24 апреля 1834 года. В 1868 году ко дню рождения 34-летней Дарьи получит от отца поздравительное письмо. Лирическая утонченность души поэта в изяществе его слога: „Мне думается, милая дочь, что мне пора напомнить о себе, и для этого пользуюсь случаем, вполне естественно представляющимся при приближении годовщины дня, с которого между нами возникли отношения некоторой близости". Но этим событиям ещё предстоит произойти.

Между тем навязчивые домогания путешествующего учёного Эрнестина отвергает всё более решительно.

26 апреля: „...Была у ней; сперва был живописец; потом одевалась, не приняла и времени не назначила".

По заказу отца Эрнестины придворный художник Й. Штилер писал её портрет. Йозеф Карл Штилер (1781-1858), автор портретов крупнейших деятелей немецкой культуры (Гёте, Бетховена, Гумбольта, Шеллинга), коронованных и знатных особ России (императриц Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, и Марии Фёдоровны, жены Павла I), 36 портретов самых красивых женщин Баварии, в том числе Амалии Крюденер. Художник-литограф Готлиб Бодмер (1804-1837) литографировал большинство работ Штилера. Портрет Эрнестины, к сожалению, считается утраченным. Возможно, что Эрнестина отвезла его к отцу в Париж. Однако сохранились две копии литографии Бодмера. Одна копия находится в музее-усадьбе «Мураново» им. Ф. И. Тютчева, вторая - в мюнхенском городском музее.

28 апреля в гостях у графа Гиха непонятливый, но настойчивый Тургенев „решился подойти к ней ...и просить о свидании завтра: „je ne serai pas a la maison“ („меня не будет дома“ фр.). Наконец: „cela t'ennuie“ („это меня раздражает“ фр.)".

29 апреля: „...он (Карл Пфэффель) показывал мне литографированный Бодмером портрет сестры, писанный Штилером. Сходства много".

С опозданием догадался Тургенев о существовании близости между Тютчевым и Эрнестиной: „...Тютчев и у меня перед обедом, и у нунция советовал быть смелее, шутить и пр. Я отвечал, что не хочу: он имеет о ней понятие, кажется, справедливое, но сам - любит её!"

Для этого откровения автору дневника понадобился целый месяц. А ведь такие были надежды, романтические отношения длились так долго и вот незадача... 1 мая: „Еще темно ...в 51/2 увидел карету: это она, одна ...я оставил карету, подал руку ...Отвечала то же сухо, не дала руки ...она сказала, что велит ехать, - я ушёл... вот и всё! *Finita la comedia!* („Конец комедии!“ итал.)".

Упоминания об Эрнестине в записях отвергнутого Тургенева и в переписке с ним Ивана Гагарина будут еще неоднократно.

Описываемый салонный роман в жизни Эрнестины продолжения не имел и остался только эпизодом. Выбор Эрнестины и провидения был иным...

В мае 1844 года супруги Тютчевы, Фёдор Иванович и Эрнестина, приедут в Париж и уведомят запиской Александра Тургенева о своем желании с ним увидеться. Краткое письмо завершится галантной фразой с многоточием в конце: *„Жена моя поручает мне передать вам привет и льстит себя надеждой, что вы также доставите ей удовольствие видеть вас...“*.

3 декабря 1845 года Александр Тургенев скончался. Тютчев написал своей тетушке Шереметьевой: *„Вы, конечно, пожалели о Тургеневе. При всем его легкомыслии и пустословии, в нём было много доброго, много души“*.

Правнук Эрнестины и Фёдора Ивановича, К. В. Пигарев, так писал о периоде 1833-38 гг. их жизни: *„Многое осталось от нас скрытым в истории отношений Тютчева и Э. Дёрнберг. Она уничтожила переписку поэта с нею за эти годы, а также свои письма брату - ближайшему другу, от которого у нее никогда не было никаких тайн. Но и то, что уцелело в виде загадочных дат под сухими цветами альбома-гербария, постоянного спутника жизни Э. Пфеффель-Дёрнберг, в виде случайно невычеркнутых её старательной рукой намеков в позднейших письмах к ней Тютчева, в виде глухих отголосков в переписке и дневниках немногих свидетелей интимной жизни поэта, наконец - и в особенности, - в некоторых стихах его, которые в свете этих данных приобретают глубокое автобиографическое значение, - свидетельствуют о том, что это не было чуждое „взрывам страстей“ и „слезам страстей“ увлечение, подобное любви-дружбе к „прекрасной Амалии““*.

В среде баварской аристократии было принято сентиментальное увлечение альбомами-гербариями с записями приятных воспоминаний.

(Не лишен был этого увлечения и романтичный король-стихотворец Людвиг I. Иногда с засушенным памятным цветком хранился и локон женских волос...)

Все лето 1834 года Эрнестина была за границей, в Париже, в Швейцарии, но от брата она получала известия: *„Г-н Тютчев приходит ко мне почти каждые два-три дня, чтобы справиться о вас“*. В конце лета Тютчев тоже был вне Мюнхена.

11 декабря 1834 года в Париже скончался барон Христиан Гюбер фон Пфеффель - отец Эрнестины. Эрнестина получила наследство, которое создало ей некоторую материальную обеспеченность.

Встреч в феврале 1835 года не было: Тютчев ездил в Вену.

Эмоциональный взрыв последовал летом 1835 года.

В альбоме-гербарии Эрнестины есть июньская запись *„о счастливых днях, проведенных в Эглофсхейме“*. Эту же пору года отмечает и Тютчев в песне о деве. Баварское лето в разгаре. Душа наполнена красотой природы. Предчувствие грозы - предчувствие любви:

*В душном воздухе молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...
Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...
Некий жизни избыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!*

*Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?
Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..
Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..*

Капли-слезы дождевые, капли огневые - символ чувственного истока жизни. Тогда же был создан «Восток белел». Всего три четверостишия. Какое ёмкое изображение скрытой страсти! Восток это восход, рассвет, начало дня, начало любви:

*Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало,-
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...
Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало,-*

*Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...
Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла вяя,-
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...*

Сердце Тютчева переполнено чувствами, мозг обостренно воспринимает мир. В душевном подъёме именно в это время Тютчев пишет одни из лучших своих творений о причастности человека к космосу „Тени сизые смешались...“, „Сижу задумчив и один...“.

Любимое стихотворение Льва Толстого „Тени сизые смешались...“ переложили на музыку композиторы Катуар, Черепнин, Золотарев, Метнер, Гольденвейзер, Жилаев, Пейко. Яркое воображение Тютчева передает растворение жизни в стихии ночного мироздания, неотделимость космоса души от мирового космоса. Поэт часть Необъятного:

*Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул -
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём!..*

*Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утеши.
Чувства - мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!*

Музыкант А. Б. Гольденвейзер записал о Толстом в 1899 году: „Лев Николаевич начал прерывающимся голосом „Тени сизые смешались...“, - но когда он произнес конец первой строфы „Всё во мне, и я во всём!...“, голос его оборвался”.

Композиторы Гречанинов и Метнер прочитали каждый по своему тонкое философское восприятие поступи времени живой природы в стихотворении „Сижу задумчив я один...”.

В природе всё циклично, будущее станет прошлым, человек бессилён изменить ход времени, осознание конечности бытия безысходно, но жизнь вечна:

*Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...*

*С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
Не нахожу.*

*Былое - было ли когда?
Что ныне - будет ли всегда?..
Оно пройдет -*

*Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год.*

*За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей знак земной!..*

*Он быстро, быстро вянет - так,
Но с новым летом новый знак
И лист иной.*

*И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...*

*Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь...*

*Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоскою,
То знает Бог!..*

*Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох...*

Весенним освежающим ураганом ворвалось в душу Фёдора Ивановича чувство к Эрнестине. Будущая жена Тютчева была „поэтической, утонченной и женственной” натурой (Дарья Фёдоровна Тютчева). Екатерина Фёдоровна Тютчева, дочь Элеоноры, образно, с восхищением и любовью через много лет писала об Эрнестине: „Именно этот аромат свежести и таинственности присущ моей мачехе: ничего горячего, сверкающего, - лишь свежие запахи гор и чистый, бодрый горный воздух. Она не женщина, а девушка - вечный апрель с его ливнями, преходящими снегопадами и внезапными прояснениями, с его легкими облаками, размываемыми ветром, - июльского солнца тут никогда не бывало”.

Эрнестина в апреле родилась, в апреле скончалась... Яркая и необычная женщина вошла в судьбу поэта.

Страсть прочно овладела обоими на годы. Русская культура обязана немецкой баронессе рождением непревзойденных жемчужин высокой поэзии.

7 октября 1847 года, уже после Мюнхена, гербарий Эрнестины будет воспет в стихотворении «Мечта». Точнее, гербарий будет поводом к новому

размышлению 44-летнего Тютчева о времени. В стихотворении многократный повтор о двух засыхающих цветках (перевод с французского М. Кудинова):

*На два цветка
ваш выбор пал случайный,
И вот они без влаги и земли,
В моей руке,
подвластны силе тайной,
Былые краски снова обрели.
Цветы живут и шепчут: „Посмотри-
ка,
Красивы мы, и ярк наш наряд...”*

*Сверкает роза, искрится гвоздика,
И вновь от них
струится аромат.
Кто два цветка
живой наполнил силой?
В чем тут секрет,
- спросили вы меня.
Открыть его?
Зачем же, ангел милый?
Вы просите? Ну что ж, согласен я.*

7 октября (какого года?) - памятная дата из гербария. Роза и гвоздика, символ Её и Его (в французском языке слово *rose*, т. е. *роза*, женского рода, а *oeillet* - *гвоздика*, мужского рода). Очевидно, что эти цветы оказались когда-то давно в гербарии не в холодную российскую пору. В южной Германии и Италии начало октября - еще неглубокая осень.

Счастливых дней у Эрнестины и Фёдора Ивановича было в ту пору немало. Гербарий-дневник сохранил и такую восторженную запись: „Воспоминание о 20 марта 1836 года!!!”. В 1836 году новый фейерверк изящных лирических обращений к Эрнестины - „Люблю глаза твои, мой друг...”, „Вчера в мечтах обвороженных...”.

*Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподынешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...*

*Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья*

На заре человеческой духовности лирический персонаж «Книги Песни Песней», царь-поэт, царь-любовник, обращался к возлюбленной: „Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих... Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня”. Ответы возлюбленной еще более страстны: „Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки его лучше вина... Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви... Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды... Мой возлюбленный пошел в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии...”. Брюсовский символизм когда-то ещё будет...

Вдохновение поэтического гения, умноженное на силу его чувств, рождало стих „Вчера, в мечтах обвороженных...”, в котором выверенность каждого слова, точность рифмы, необычайность словосочетаний с феерическим финалом воплощали волшебство земной любви:

Вчера, в мечтах обвороженных,
 С последним месяца лучом
 На веждах, томно озаренных,
 Ты поздним позабылась сном.
 Утихло вокруг тебя молчанье.
 И тень нахмурилась темней,
 И груди ровное дыханье
 Струилось в воздухе слышней.
 Но сквозь воздушный завес окон
 Недолго лился мрак ночной,
 И твой, взвеваясь сонный локон
 Играл с незримою мечтой.
 Вот тихоструйно, тиховойно,
 Как ветерком занесено,

Дымно-легко, мглисто-лилейно
 Вдруг что-то нёрхнуло в окно.
 Вот невидимкой пробежало
 По темно-брезжающим коврам,
 Вот ухватясь за одеяло,
 Взбираться стало по краям,-
 Вот, словно змейка извиваясь,
 Оно на ложе взобралось,
 Вот, словно лента развеваясь,
 Меж пологамы развилось...
 Вдруг животрепетным сияньем
 Коснувшись персей молодых,
 Румяным, громким восклицаньем
 Раскрыло шелк ресниц твоих!

Ф. И. Тютчев. Художница Ипполита фон Рехберг (Женева, 9 марта 1838).

В конце апреля 1836 года Элеонора, жена Тютчева, совершила попытку самоубийства... Некоторое время Фёдор Иванович и Эрнестина не встречались. В июне Тютчев две недели был в Вене. В Мюнхене до середины июля он жил без семьи: Элеонора с дочерьми находилась в Фарнбахе. (Джон Дьюи выяснил, что Фарнбах сокращённое название Бургфарнбаха в окрестностях небольшого города Фюрт недалеко от Нюрнберга.) Эрнестина же готовилась покинуть Мюнхен, но еще не уехала... Перед её отъездом в альбоме-гербарии появилась запись с восклицательными знаками: „Воспоминание о моем отъезде из Мюнхена!! Понедельник, 18

июля 1836 г.". Мюнхен опустел...

Фёдор Иванович пишет Ивану Гагарину два письма: первое, 19 июля, на другой день после отъезда Эрнестины, и второе еще через три дня (22 июля). В письмах Тютчев интересуется новостями петербургского высшего света. Он скучает по петербургскому обществу и согласен покинуть Мюнхен. От Элеоноры в Петербург идут нервные письма к родителям Тютчева: „Любозная маменька, в вашем письме есть слова, которые заставили биться мое сердце и вызвали слезы на моих глазах. Неужели это возможно - чтобы этой зимой мы все соединились в Петербурге? ...Признаюсь, именно теперь эта возможность привлекает меня более чем когда-либо. ...пребывание в этом городе мучительно тягостно мне, и я живу лишь надеждой на то, что так или иначе

все должно измениться". Служебные дела и материальные проблемы задерживают отъезд надолго, на целый год. Только 9/21 мая 1837 года Тютчев получил отпущку на три месяца и вся семья, наконец, выехала в Россию.

Но в Петербурге Тютчев томился и вновь заскучал по загранице. 3 августа Фёдор Иванович был утвержден старшим секретарем при российской миссии в Турине, столице Сардинского королевства, и 8 августа направился из Петербурга к новому месту службы. Элеонора с детьми осталась у родителей Фёдора Ивановича. Она осталась зимовать в России.

13 декабря 1837 года Тютчев из Турина послал родителям и Элеоноре в Петербург поздравительное письмо с Новым Годом, 1838. Обращаясь к Элеоноре Тютчев жалуется на разлуку: „*Терпение, мой друг! Я напишу тебе через несколько дней. Теперь же я хочу уверить тебя в том, что запоздание твоих писем заставляет меня переживать тяжелые минуты*". В письме есть и такие строки: "*Вернувшись в начале этого месяца из Генуи, где мне чрезвычайно понравилось...*". В Генуе Тютчев был не один... В декабре там была и Эрнестина. Можно полагать, что любящая Эрнестина пожелала проявить здесь твердость. Их отношения давно не являлись романтической тайной. Быть причиной скандальных бурных конфликтов в семье Тютчева и мишенью для сплетников Мюнхена и Петербурга она более не хотела... Оба полагали, что расстанутся навсегда. Через год в сентябрьском выпуске «Современника» будут напечатаны прощальные стихи Тютчева «1-е декабря 1837»:

*Так здесь-то суждено нам было,
Сказать последнее прости...*

*Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, её истлило
В твоей измученной груди!..
Прости... Через много, много лет*

*Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей берег*

*с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.*

В Генуе в том же декабре того же 1837 года была написана «Итальянская villa», аллегория о заснувшей некогда любви и через два века вновь пробуждающейся:

*<...> Вдруг все смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал,-
Фонтан замолк - и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон невнятно прошептал:
"Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь с её мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?"*

Впрочем, генуэзское *прости* в туринский период жизни Тютчева не было последним. За генуэзским последовало женеvское *прости*.

Через годы, 8 августа 1846 года, Тютчев в письме из Москвы будет напоминать гостившей в Женеве Эрнестине: „*Женева, гостиница Бергов, Рона, ты, я - восемь лет назад*“. В гербарии Эрнестины есть веточка из сада Вольтера в Фернее (недалеко от Женевы). Возле веточки дата: *12 марта 1838 года...*

В мурановском архиве хранится письмо Карла Пфедфеля сестре, подтверждающее, что 5 марта она была в Женеве. Девятым марта 1838 года датирован рукой Эрнестины портрет Фёдора Ивановича, выполненный молодой художницей-дилетанткой Ипполитой фон Рехберг. 30 марта Тютчев был ещё в Женеве (30 марта/11 апреля 1838 года Тютчев из Женевы писал в Париж Ивану Гагарину, что через несколько дней возвращается из Женевы в Турин).

Четвёртым апреля 1838 года датированы грустные стихи о предстоящей разлуке (перевод с франц. М. Кудинова):

*Устали мы в пути, и оба на мгновенье
Присели отдохнуть и ощутить смогли,
Как осенили нас одни и те же тени,
И тот же горизонт мы видели вдали.
Но времени поток бежит неумолимо.
Соединив на миг, нас разлучает он
И скорбен человек, и силою незримой
Он в бесконечное пространство погружен.
И вот теперь, мой друг, томит меня тревога:
От тех минут вдвоем какой остался след?
Обрывок мысли, взгляд... Увы, совсем немного!
И было ли все то, чего уж больше нет?*

Стихи эти написаны в Линдау, тотчас после Женевы. Как оказался Тютчев в Линдау по пути в Турин, в баварском городе на северном берегу Бодензее? Дорога Тютчева из Швейцарии в Турин через Линдау не проходит... Из Женевы через Линдау - путь Эрнестины в Мюнхен! Вероятнее всего, что Тютчев провожал Эрнестину в столицу Баварии до Линдау, где последовало линдауское *прости*. Навсегда Фёдор Иванович и Эрнестина разлучиться были не в состоянии! Их расставание было не в интересах Истории!.. Считается, что вышеститированное стихотворение Тютчева адресовано Аполлониусу Мальтицу, коллеге и будущему родственнику, жениху свояченицы, Клотильды. Мальтиц поэтически никогда не вдохновлял Тютчева, особенно столь драматично. (22 июля 1847 года Фёдор Иванович писал Элеоноре: "*В Веймаре я застал Мальтица... Он все на той же точке, на которой я его оставил 4 года назад. Все та же песенка. Только эгоизм, составляющий основную черту его характера, обострился в нем, как обостряются черты состарившегося лица. Словом, общество его не было для меня благотворно*".)

Но вернёмся к 4 апреля 1838 года. В стихотворении „*Устали мы в пути...*“ речь не о Мальтице. 4 апреля рядом с Фёдором Ивановичем была Люби-

мая Женщина, с которой предстояла разлука, а рядом с Аполлониусом - Клотильда, с которой Тютчев уже расстался... В стихотворении угадывается прощание с Эрнестиной и одновременный намек, который мог быть понятен только одной Клотильде: „От тех минут вдвоем какой остался след?". „Мой дружеский привет Клотильде. Будьте счастливы - она и вы",- пишет Тютчев Мальтицу в письме после текста стихотворения. Это прощальное стихотворение посвящено как бы Мальтицу, а в действительности, сразу двум женщинам: с одной поэта связывает сегодняшняя страсть, потрясшая его существование, с другой - прошлое, память чувства. Возможно, еще в Женеве или несколько позже, но по поводу женевской встречи с Эрнестиной, была создана жемчужина тютчевской поэзии „Как ни гнетет рука судьбины..." («Весна»). Сложность жизни, грусть и оптимизм - основной мотив настроения Тютчева весной 1838 года. Многообразие противоречивых чувств в душе поэта: нравственные страдания и радость весеннего обновления, озабоченность и надежда. Жить не прошлыми ранами сердца или страхом будущей кончины, жить, окунувшись в *животворный океан* настоящего:

*Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,-
Что устоит перед дыханием
И первой встречею весны!
Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор её сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам .*

*<...> Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет,-
И страх кончины неизбежной
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.
Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь-
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!...*

Стихотворение „Как ни гнетет рука судьбины..." («Весна») 30-летний Л. Н. Толстой знал наизусть и цитировал в письме к А. А. Толстой 1 мая 1858 года: „...нет полнее, гармоничнее этого счастья (счастья угорания от весны). **И ринься бодрый, самовластный, // В сей животворный океан!** Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки".

22 июля 1838 года после многих трудностей пути и опасного морского происшествия, которое едва не лишило жизни семью Тютчева, в Турин (из Петербурга), наконец, приезжает Элеонора. Дети на время оставлены в Мюн-

хене у её тетушки, баронессы Ганштейн. Муж и жена вдвоем. В семейных заботах она только о нём. Но не надолго.

28 августа/9 сентября 1838 года Фёдора Ивановича постигает трагедия: Элеонора внезапно умирает...

Роковыми оказались последствия пережитого ужаса в море на ночном пожаре.

Тютчев у её гроба стал седым за одну ночь. Его отчаяние и страдания неопишутся. Николай, брат Фёдора Ивановича, торопится к нему *„разделить его горесть. ...Я едва удерживаюсь от слез при мысли о бедном Фёдоре, да поможет ему Бог!“*.

7 ноября Фёдор Иванович на две недели приехал в Мюнхен и остановился у баронессы Ганштейн. Здесь были его осиротевшие дочери. Из Мюнхена он выехал в Геную. Девятым декабря датировано письмо Карлу Пфэффелю от Эрнестины из Парижа, в котором она уведомляет брата о том, что немедленно выезжает к Тютчеву в Геную. В Турин к месту дипломатической службы Фёдор Иванович и Эрнестина возвращались вместе...

Вероятно, в Турине Эрнестине было посвящено лирическое стихотворение, в котором новые образы любви перекликаются со стихом *„Вчера в мечтах обвороженных...“*:

*<...>А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,
Иль в сон иной бы перешла.*

Возможно, что стихотворение написано (или завершено!) в конце 1838 года или в начале 1839.

Жребий судьбы соединил две утончённые натуры ценой двух жизней... Они всегда будут помнить об этом. Через пять лет Тютчев адресует Эрнестине следующие слова: *„Милая моя кисанька, ... Сегодняшнее число - 9 сентября - печальное для меня число. Это был самый ужасный день моей жизни, и не будь тебя, он был бы вероятно и последним моим днем. Да хранит тебя Бог“*. Бог хранил Эрнестину, чтобы она хранила Фёдора...

1 марта 1839 года в характерной для Тютчева манере светской утонченности с частыми сослагательными наклонениями последовало пространное обращение-просьба: *„Граф, не могу выразить, как тяжела мне необходимость столь часто докучать Вашему сиятельству своими личными делами... Не входя в объяснения, которые были бы здесь неуместны и, вероятно, имели бы тот недостаток, что не заключали бы в себе ничего для Вас нового, я обращаюсь, граф, к Вашей снисходительной доброте, или, лучше сказать, - к Вашему великодушию, в надежде, что Вы доброжелательно отнесетесь к той просьбе, в отношении которой я решаюсь испрашивать Ваше благо-*

склонное представительство. Предмет моей просьбы - разрешение вступить в брак". 15 апреля 1839 году Нессельроде дал такое разрешение.

Так как Фёдор Иванович был православного вероисповедания, а Эрнестина католического, то венчались будущие супруги дважды, по обоим обрядам: 17 июля 1839 года в Берне (Швейцария) в православной церкви при российской миссии и 10 августа в католической церкви в небольшом городке Констанц, населённом пункте на южном берегу Боденского озера. (В связи с малочисленностью в Швейцарии православного населения православные церкви располагались в частных строениях и часто меняли свои адреса.) Венчание не обошлось без курьёзов. Рассказывают, что отлучившись без разрешения из Турина, Тютчев якобы захватил с собой в Швейцарию дипломатические шифры, которые были утеряны "в суматохе свадьбы и путешествия".

Возможно, что этого казуса не произошло бы, если б венчание происходило ближе к Турину, но Фёдор Иванович не согласился с условиями освящения брака в Италии, согласно которым дети от брака католички и православного должны быть воспитаны в католическом вероисповедании. (См. R. C. Lane. F. I. Tyutchev's service absenteeism and second marriage in the light of unpublished documents (1839) / «Irish Slavonic studies», 1987, No. 8. P. 6-13. Перевод с английского Д. Дьюи.)

Со смертью Элеоноры для Фёдора Ивановича завершилась и его дипломатическая деятельность. 6 сентября 1839 года Тютчевы переехал в Мюнхен. 1 октября этого же года Тютчев по собственному желанию был уволен от занимаемой им в Турине должности, но при этом был оставлен в ведомстве Министерства иностранных дел с предоставлением ему отпуска.

„...за долговременным неприбытием из отпуска" 30 июня 1841 года Тютчев был исключен из числа чиновников Министерства и лишен звания камергера. Новое зачисление в ведомство Министерства произойдет 16 марта 1845 года, но это будет уже в Петербурге. А пока еще несколько лет Мюнхен останется пристанищем для тютчевской семьи. Тютчев любил полные яркие впечатлений рассказы Эрнестины о своем детстве. Каждый звук голоса любимой женщины возбуждал сердце поэта:

*О, как люблю я возвращаться
К истоку первых дней твоих
И, внемля сердцем, восхищаться
Рассказом - тем же все - о них! <...>*

*О детстве, понятном так мало,
Чуть упомянешь ты порой -
И мнилось мне, что оведало
Меня незримую весной.*

Это стихотворение написано 12 апреля 1851 года. (Перевод с французского А. Фета.)

Когда Эрнестине было чуть более одного года, а брату всего 5 дней, дети остались без матери. В 1857 году Дарья, падчерица Эрнестины, записывала в дневнике: „*Маменька родилась, кажется, в Дрездене, там похоронена её мать... Раннее детство её прошло в Мюнхене, у бабушки с материнской сто-*

роны, там её баловали, любили, лелеяли". Эрнестина и её брат Карл Пфеффель родились в Дрездене, Эрнестина - 20 апреля 1810 года, Карл - 22 августа 1811 года, их мать скончалась 27 августа 1811 года. Маленьких детей забрала к себе бабушка, после смерти которой наступили черные годы - воспитание мачехи. Когда Эрнестина сама станет мачехой, она сделает все возможное, чтобы её падчерицы не чувствовали своего сиротства. Дочери Элеоноры всю жизнь называли Эрнестину маменькой.

В письмах Тютчева будут многократно звучать слова о теплоте отношений между дочерьми Элеоноры и Эрнестиной: *„Но чем я не могу достаточно нахвалиться, это её нежностью к детям и её заботой о них, за что не знаю, как благодарить её. Утрата, понесенная ими, для них почти возмещена“.*

Материального достатка семья Тютчева никогда не имела. Деньги были постоянной темой в переписке Фёдора Ивановича с миссией, Министерством, родителями. Тема эта не исчезла и во втором браке, но зазвучала в несколько другой тональности (письмо от 3 февраля 1840 года): *„Моя жена, не обладая большими средствами, имеет достаточно для содержания нас обоих, и готова все свое состояние до последней копейки истратить на меня (в 1834 году Эрнестина получила наследство). С прошлого июля и я, и дети, мы всецело живем на её счет, а сверх того тотчас после нашей свадьбы она уплатила за меня двадцать тысяч рублей долгу. Повторяю, она сделала это охотно, с радостью... Но справедливо ли, нет ли, я никак не могу согласиться на такой порядок, как на окончательный“.*

Щепетильный вопрос материальных взаимоотношений с Эрнестиной имел достаточные основания. Карл Пфеффель считал, что Тютчевым должны быть возмещены Эрнестине её затраты. Уже из Петербурга Эрнестина деликатно выговаривала брату, отстаивая Тютчева: *„Возвращаясь к той части вашего письма, где вы убеждаете меня попытаться вернуть средства, потраченные на расходы, которые не имея ко мне прямого отношения, подорвали мое состояние, отвечаю вам, что я плохо представляю себе, где проходит грань между тем, что касается меня лично и что не касается. Разумеется, не будь я г-жой Тютчевой, я никогда не приехала бы в Россию. По правде говоря, я страшно много израсходовала вследствие того положения, в которое поставил меня мой брак... Когда вы увидите с Эйхталем, поговорите с ним обо всем этом; я знаю, что он предубежден против моего мужа, и разрешаю ему сохранить все эти предубеждения за исключением тех, которые смогут заставить его усомниться в бескорыстии и благородстве чувств, достойных восхищения“.*

Тютчев, разумеется, не знал об этой переписке. (Барон Симон фон Эйхсталь, банкир королевского двора, вёл денежные дела Пфеффелей. Его отец, Арон Эйхталь-Зелигман, в 1814 году получил дворянство и титул барона за финансирование экономического развития Баварии.)

23 февраля/6 марта 1840 года родилась дочь Мария. 14 апреля 1840 года Тютчев извещал родителей: „*Ребенок был окрещен с именем Марии греческим священником. Северин (Северин Дмитрий Петрович (1792-1865), российский посланник в Мюнхене с 1837 по 1865 год.) был крестным отцом, а маменьку в её обязанностях заменяла Клотильда*“. Греческий священник был из православной греческой церкви Сальваторкирхе. Те же действующие лица в той же Сальваторкирхе 14/26 июня 1841 года крестили сына Тютчевых Дмитрия, названного в честь Дмитрия Северина. Детей Тютчева крестил митрополит Калиникас Кампанис.

В 1844 году мюнхенский период жизни Тютчева завершится и семья переедет в Россию. (Дочери Элеоноры учились в мюнхенском институте и приехали годом позже.)

В начале XX века дети Тютчева, Дарья Фёдоровна (дочь Элеоноры) и Иван Фёдорович (Иван Фёдорович Тютчев, сын Эрнестины, родился в Петербурге в 1846 году), готовили к изданию письма отца: „*Перечитывая эти письма, я поражаюсь полному доверию, которое питал папá к трезвому и рациональному мнению своей жены. Хотя и чуждая России по своему происхождению, мамá поняла и овладела всем горизонтом патриотической мысли папá - и в этом отношении папá говорил с ней так, как не говорил ни с кем*“.

В 1900 году, через 6 лет после смерти Эрнестины, увидели свет сочинения Тютчева, подготовленные к публикации вдовой поэта. В предисловии Дарья и Иван, люди пожилого возраста, восхитились гражданским подвигом Эрнестины: „...*Иностранка по происхождению, при вступлении в брак с Фёдором Ивановичем совершенно чуждая России, Эрнестина Фёдоровна (русское отчество Эрнестины) нарочно изучила русский язык, чтобы приобрести этим путем возможность читать в подлинниках стихотворения своего мужа, поэтический талант которого она любила и оценивала по достоинству. Этому обстоятельству, открывшему Эрнестине Фёдоровне всю красоту формы и всю глубину содержания стихотворений поэта, русская литература несомненно обязана сохранением большинства его произведений, которые иначе, при полном равнодушии автора к их участи, были бы утрачены навсегда... Иван, Дарья Тютчевы. Октябрь 1899 г.*“. Принимая эстафету от Элеоноры, Эрнестина хорошо знала за кого выходила замуж. Фёдору Ивановичу и Эрнестине предстояло написать свою Книгу Бытия, в которой будут сюжеты драматические, трагедийные, но будут и счастливые...

Позволим себе не согласиться с мнением писателя Фёдора Фёдоровича Тютчева (сына поэта и Елены Александровны Денисьевой), который уверял, что брак Фёдора Ивановича и Эрнестины *не был, однако, особенно счастливым*. Елена Денисьева, по её мнению, совершала подвиг любви. Но это не был подвиг борьбы с ханженской моралью, такой подвиг нашёл бы понимание. Денисьева боролась не с обществом, она объявила войну только одному человеку - Эрнестине. Денисьева боролась за право быть счастливой ценой

лишения этого права у другой Женщины, которой Тютчев дорожил и расставаться с которой не желал ни при каких обстоятельствах. Фёдор Иванович всегда боялся потерять Эрнестину (письмо от 16/28 октября 1853 года): „...*Видишь ли, киска, есть люди, которых преследует мысль о смерти, меня же преследует, как угроза искупления, страх потерять тебя... вот почему разлука порой кажется мне такой ужасной, хоть кричи... Не знаю только ли в прошлом любил я тебя, но очень ясно чувствую, что будущее без тебя меня бы ужаснуло*“. Такие строки получала только Эрнестина (перевод с французского М. Кудинова):

*Как робко любящее сердце!
Как с годами
Оно всё более охвачено тоской!
И время я прошу: о, не беги постой!
Ведь может каждый миг стать
Бездной между нами -
Между тобой и мной*

*Неумолимый страх,
гнетущая тревога
Легли на сердце мне
и жгут его огнем.
Я слишком много жил,
дней прошлых слишком много,-
Так пусть твоя любовь
не будет прошлым днем.*

Связь с Еленой Александровной длилась долго, 14 лет. Елена Александровна настаивала на разрыве брака Тютчева, утверждая, что её отношения с Фёдором Ивановичем - перст Божий. Но Поэт знал, что это не так, что, отбирая счастье, счастливой стать нельзя. Чувства Елены Денисьевой не имели *Божьего согласия* и изначально обрекались только на страдания и проигрыш. Жестокость поражения Денисьевой была обусловлена прочностью отношений между Фёдором и Nesti. Наиболее ценимые Тютчевым качества Эрнестины - интеллектуальное взаимопонимание и духовная близость, нереальны были для Денисьевой. Молодость и экзальтированность Елены Александровны не могли серьёзно соперничать с изысканным аристократизмом, женственностью, интеллигентностью и сдержанной силой характера Nesti. Денисьева, ослеплённая любовью, не видела этой дистанции и не понимала, что Проведением не она, а Эрнестина определена в жёны Поэту. О фатальном предсмертном поручении барона Дёрнберга Елена Александровна не знала... Тютчев посвятил Денисьевой цикл лирических стихотворений. Последняя любовь поэта из факта житейского и биографического, стала образом литературным, символом борьбы за право женщины на личное счастье, но, увы, с трагическим финалом этой борьбы:

*Когда на то нет
Божьего согласия,
Как ни страдай она любя,-
Душа, увы,
не выстрадает счастья,*

*Но может выстрадать себя...
Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!*

За 34 года семейной жизни Тютчев адресовал Эрнестине 500 писем! Сколько же было расставаний-встреч и какой мерой оценить истинное чувство, при котором не иссякает душевная потребность в таком обильном эпистолярии! 500 писем - это 500 любовных признаний, 500 объяснений родственных душ. Письмо к Эрнестине от 13 июля 1851 года: „Милая моя кисанька, хочю воспользоваться одной из своих добрых минут, - минут просветления, для того, чтобы написать тебе спокойное и рассудительное письмо, такое письмо, которое ты могла бы прочесть перед моим дагерротипом, не обращая к нему упреков... В твоём письме разлит тихий покой, некая безмятежность, которая благотворно на меня подействовала. Я почувствовал себя живущим в твоих мечтаниях жизнью призрака. Этот вид существования не противен мне. После всех моих беснований это так успокаивает меня. Ах, милая моя кисанька, прости мне все те язвительные и глупые упреки, которыми я тебя осыпал... Ну согласись, милая моя кисанька, что порой я бываю поистине отвратителен. Но ты меня любишь, прощаешь меня и жалеешь... Еще раз повторяю, что нет человека умнее тебя”.

Нить нежных отношений между Фёдором Ивановичем и Эрнестиной выдерживала испытания на прочность и в годы угара страсти Тютчева к Елене Денисьевой. Его духовный обморок то ослабевал, то появлялся вновь. Он чувствовал свою вину перед Nesti. Её страдания угнетали поэта.

Из дневника Анны Фёдоровны Тютчевой (2/14 января 1853 года): „У меня был длинный разговор с папá, который встревожен состоянием мамá. Он опасается, как бы у нее не было истощения, и притом она грустит. Она говорит ему: „Я в мире никого больше не люблю, кроме тебя, и то, и то! уже не так““. Дочери Элеоноры, Дарья и Анна, писали об Эрнестине в августе 1855 года: „Мамá как раз та жєница, которая нужна папá, - любящая непоследовательно, слепо и долготерпеливо. Чтобы любить папá, зная его и понимая, нужно быть святой, совершенно отрешенной от всего земного, а у папá ум благородный и глубокий...“.

падчерице Дарье: „В прошлую пятницу почта принесла мне письмецо от моего Любимого с очаровательными стихами его сочинения:

*Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, - <...>*

*Душа впадает в забытьє,
И чувствует она,
Что вот уносит и её
Всесильная волна.*

Хочу поговорить с тобой о Любимом, всегда таком хвором,- его состояние тревожит меня чрезвычайно. Прошу тебя, посоветуй ему продолжать пользоваться электро-гальванизмом“. „Когда, что звали мы своим...“ («Успокоение») - вольный перевод стихотворения Николауса Ленау «Blick in den Strom» («Взгляд в поток»). Перевод стихотворения датирован 15 августа 1858 года.

Письмо Эрнестины Дарье 12/24 июня 1859 года: „...пишу тебе под грустным впечатлением отъезда Любимого, который покинул нас сегодня утром и отправился в Вильдбад, чтобы пройти там курс лечения. Две недели, которые он провел с нами здесь (в Рейхенхале), принадлежат к лучшим в моей жизни. *Le Gracieux* ("Чаровник" фр.) неизменно оправдывал свое наименование; несмотря на то, что мы обречены здесь на почти полное одиночество, он был так добр и ласков, что я была в восторге и не узнавала его... Мы совершили с Любимым несколько экскурсий... Чаровник был в восторге, а уж я-то!.. Убеждена, что сегодня в пути он сочиняет стихи, навеянные увиденным за последние дни". Вот такая бесконечная любовь к мужу, физическое ощущение неразрывности с ним... А ведь их супружество в это время было далеко небезоблачным. Фёдор Иванович посвящал стихи Эрнестине всю жизнь, и в светлые, и в самые драматические годы, в годы наиболее глубокого *духовного обморка* отношений с Денисьевой. В апреле 1851 года Тютчев написал стихотворение ко дню рождения Эрнестины и как сюрприз положил в её альбом-гербарий. Но Эрнестина не заглянула тогда в альбом. Тютчев не подсказал, а позже о стихах забыл. Более двух десятилетий не пополняла Эрнестина альбом-гербарий памятных дат новыми записями о приятных воспоминаниях. Увы, жизнь таковыми последние годы не одаривала. Какого же было её изумление и волнение, когда в мае 1875 года, т. е. почти через два года после смерти мужа, она в гербарии обнаружила страничку, написанную рукой Фёдора Ивановича! Это не были стихи, это был вопль отчаяния, страх потери единственной жизненной опоры, это была мольба о будущем прощении:

*Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть
и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?*

*Но если бы душа могла
Здесь на земле
найти успокоенье
Мне благодатью ты б была -
Ты, ты,
мое земное провиденье!...*

Молитва с того света была услышана и принята: остаток жизни Эрнестина посвятила подготовке издания наиболее полного собрания сочинений Тютчева.

Во имя Великой Цели судьба страшной ценой соединила Поэта и Эрнестину и не допустила их расставания до конца их дней...

...Февраль 1873. Угасающий Тютчев, зрение едва служит, одна рука неподвижна, тело почти чужое. Поэт создает свой последний шедевр, последний гимн любви Эрнестине, последнее *прости*:

*Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон.
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я ему еще молиться мог.*

— „НА ДРЕВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ВЫСОКОМ...“

Эпилог

Гигант Гёте был для Тютчева олицетворением немецкого гуманизма. Среди переводов иностранной поэзии на русский язык гётевское творчество было на первом месте. Тютчевский отклик на кончину Гете (в 1832 году) - эпитафия к жизни и творчеству самого Тютчева, слова, которые могут быть начертаны на памятнике русскому поэту, эпитафия Тютчева самому себе:

*На древе человеческом высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!
С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепетал,
Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл.
Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней,
И сам собою пал, как из венка!*

Тютчев принял от Гёте эстафету философского восприятия мироздания в поэтической форме. Владимир Соловьев на рубеже XIX-XX веков оценивал глубокомыслие поэзии Тютчева («Исторический вестник». 1903, июль.) не ниже, чем в творчестве Гёте: „...сам Гёте не захватил, быть может так глубоко, как наш поэт, темный корень мирового бытия, не чувствовал так сильно и не сознавал так ясно ту таинственную основу всякой жизни - природной и человеческой, - основу, на которой зиждется смысл космического процесса и судьба человеческой души, и вся история человечества“.

Иван Тургенев в «Современнике» также проводил параллели между личностями Тютчева и Гёте: „...г-н Тютчев, принадлежащий к поколению предыдущему, стоит решительно выше своих собратьев по Аполлону. ...от его стихов не веет сочинением, они все кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гёте, т. е. они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве“.

Музыкально-лирическая простота поэтического изложения ощущений и неординарного восприятия природы, внутреннего душевного мира у Тютчева уникальна и не имеет аналогов в мировой поэзии. Некрасов считал Тютчева равным Пушкину: „...с третьего тома «Современника» начали появляться стихотворения, в которых было столько оригинальности мысли и прелести изложения, столько, одним словом поэзии, что казалось, только сам издатель журнала (т. е. Пушкин) мог быть автором их. Но под ними весьма четко были выставлены буквы Ф. Т. и носили они одно общее название «Стихотворения, присланные из Германии». ...мы решительно относим талант господина Ф. Т. к русским первостепенным поэтическим талантам”.

Отсутствие у Тютчева тщеславных желаний - жажды известности, уважения, общественного признания - совершенно поразительно (Иван Гагарин Александре Бахметьевой осенью 1874 года): „В этом хилом теле обитал ум, принадлежащий к числу самых замечательных. Нисколько не ценя себя выше других, он, казалось, не относился серьезно к самому себе. Он признавал, что является в высшей степени *unpraktisch* („непрактичным" нем.), весьма этим огорчался, но знал, что тут ничем не поможешь, и вознаграждал себя тем, что питал некоторое презрение к натурам положительным и практическим”. Далее И. Гагарин пишет: „Его не привлекали ни богатства, ни почести, ни даже слава. Самым глубоким, самым заветным его наслаждением было наблюдать зрелище, которое представляет мир, с неутомимым любопытством следить за его изменениями...”.

Первый сборник под названием «Стихотворения Ф. Тютчева», изданный по настоянию и под редакцией И. Тургенева, был опубликован только в 1854 году. Тютчеву - 51 год. Ещё в марте 1850 года Фёдор Иванович писал М. П. Погодину о неохотности издания своих стихов: „Вы меня балуете вашими одобрениями и могли бы опять пристрастить к виршиам, но какой может быть прок в гальванизированной музе?”. Через 18 лет(!) тому же адресату последовало, наконец, ожидаемое послание, но в тютчевской манере:

*Стихов моих вот список безобразный -
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...
В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.*

Данные четверостишия были написаны на шмуцтитуле сборника тютчевских стихов 1868 года, втором прижизненном издании, когда автору было уже 65 лет! Погодин многозначительно ответил поэту, что его стихи „...родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду вечных”.

Надо отдать должное августейшим особам, которые с большим уважением относились к тютчевской поэзии. Дочь Тютчева Дарья в декабре 1860 года писала, что к ней обратилась императрица Мария Александровна: *„Вот книга, принадлежавшая императрице (Александра Фёдоровна, жена Николая I, скончалась 21 октября 1860 года). Она будет вам дорогá. Мне очень хотелось бы иметь такой же экземпляр стихотворений вашего отца“*. Через полгода аналогичная просьба: *„Мне хотелось бы иметь копию стихов вашего отца, которые растрогали государя (Александра II). Надеюсь, что их напечатают, но нужно это сделать помимо вашего отца“*. Ей принадлежала первая книжка Тютчева 1854 года.

Удивительные суждения высказывали взрослые дочери Тютчева об отце: *„...Он представляется мне одним из тех недоступных нашему пониманию изначальных духов, что исполнены разума, пронизательности и огня.. Он совершенно вне всяких законов и общепринятых правил!“*.

Любящая Эрнестина во все времена нелёгкой совместной жизни всегда неизменно отстаивала авторитет мужа. Она более, чем другие люди, понимала неординарность личности Тютчева. В её письмах никогда не встречаются бытовые наслоения, сетования на семейные неурядицы. Эрнестина резко негативно относилась к сплетням и критическим замечаниям в адрес мужа, но сама иронично-снисходительно воспринимала его недостатки, высказывалась и писала о нём только с чувством восхищения: *„Но если даже ему и присущ дар политика и литератора, то нет на свете человека, который был бы менее, чем он, пригоден к тому, чтобы воспользоваться этим даром... Это светский человек, оригинальный и обаятельный, но надо признаться, рожденный быть миллионером, чтобы иметь возможность, заниматься политикой и литературой так, как это делает он, т. е. как дилетант. К несчастью, мы не миллионеры...“*.

С большим уважением о Тютчеве писал Карл Пфёфель (31 июля 1873 года в письме к сестре при получении известия о смерти её мужа): *„В нем жили две натуры, очень различные: мистическая, с юности питаемая чтением Жозефа де Местра, которым он чрезвычайно восхищался, во всяком случае в молодости, и натура скептическая, развивавшаяся путем изучения немецкой философии. Под воздействием первой он поднимался до вдохновения, и его естественная прозорливость становилась почти пророческой. Под влиянием второй он возвращался на землю, обескураженный и обескураживающий, подавляемый страхом небытия и страстно цепляющейся за жизнь как за высшее благо...“*.

Молодой Николай Гумилев преклонялся перед поэзией Тютчева, хорошо знал её, всегда носил при себе томик его стихов. На вопрос, почему они всегда при нем, *„милый друг, - растягивая слова, ответил он В. В. Тютчеву, - а если я вдруг забуду и, не дай Бог, искажу его слова, это же будет святотатство“* (Нью- Йорк // Изд-во им. Чехова, 1952.).

Великие произведения побуждают к переосмыслению жизни, к новому её пониманию. Они становятся настольными, их часто перечитывают. Поэт Лев Озеров назвал поэзию Тютчева „вечным спутником“. Он писал: „С первого взгляда Тютчев прост и доступен. Но всю жизнь читаешь его и всю жизнь открываешь в нем все новые глубины и высоты. Поэтический мир Тютчева многомерен. ...Это мир Коперника, Кеплера, Эйнштейна“.

Выражая в великолепной поэзии необыкновенный интеллект, изяшные философские раздумья, глубокие, проникновенные и как бы спокойные созерцания или усмиренную стройной ритмикой стихию бунтующих чувств, Тютчев не торопился к публикациям. Многие годы, почти десятилетие, он не публиковал ни одной строчки. Некоторые стихотворения Тютчева подписаны криптонимами. Тютчева не заботила память потомков. Он не стремился к созданию литературного памятника себе с незарастающей *народной тропой*. Кредо Фёдора Ивановича было неизмеримо скромнее, с него *довольно и не нужно возмездия иного, когда бы сочувственно на его слово одна душа отозвалась*.

Понимая недостаточность слова, как средства выражения мыслей, и в то же время ощущая отсутствие у поэта иного средства самовыражения не иначе, как с помощью слова, Тютчев знал и непредсказуемую силу его значимости, которая зависит только от таланта поэта. Но о таланте судить уже потомкам:

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, -
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Желания Фёдора Ивановича были нетщеславны, но человечны: не кануть в небытие, незримо присутствовать среди живущих.

Тютчев услышан и благодарно воспринят почитателями XXI века. Диалог Поэта с Жизнью продолжается:

*Хотел бы я, чтобы в своей могиле,
Как нынче на своей кушетке, я лежал,
Века бы за веками проходили,
И я бы вас всю вечность слушал и молчал.*

2. „Здесь Тютчев жил...“
ПРОГУЛКИ С ТЮТЧЕВЫМ
ПО МЮНХЕНУ

*Здесь Тютчев жил... Грустил ли он
От Родины вдали?
Баварии привет-поклон
От Тютчевской земли
И вам, живущим здесь, привет
И низкий мой поклон.
Здесь жил, творил, любил Поэт,
И здесь был счастлив он.
И здесь от Овстуга вдали,
Он мне роднее стал.
Над Мюнхеном, куда б ни шли,
Дух Тютчева витал.*

Владимир Гамолин, основатель и директор «Литературно-мемориального музея-усадьбы Ф. И. Тютчева» в селе Овстуг Брянской области.
Мюнхен, октябрь 1998года.

Как сообщают старые адресные книги, в Мюнхене во втором десятилетии прошлого века в 3000 домовладениях проживало около 60 тысяч жителей. Горожанам предлагали свои услуги 34 адвоката, 47 врачей (в том числе 4 зубных и 2 глазных), 3 винодела, 57 пивоваров, 16 переплетчиков, 1 сапожник зимней обуви, 14 часовщиков, 1 изготовитель барометров. Городской комфорт и здоровье мюнхенцев поддерживали умельцы, врачи и другие специалисты 210 профессий.

Мюнхен был столицей баварского государства, которым управлял король. 1 января 1806 года двадцать шестой курфюрст Баварии династии Виттельсбахов (генеалогической линии Цвайбрюккен), Макс IV Йозеф, стал первым баварским королем Максом I Йозефом, которого в 1822 году застал Тютчев. Династия Виттельсбахов, одна из древнейших в Европе, известна с 1180 года. К генеалогической линии Цвайбрюккен принадлежали также шведские короли от Карла X до известного претендента на российский престол Карла XII (1654-1718).

Бавария считала себя правопреемницей Священной Римской империи, что означало во внешней политике наличие особых интересов в Греции. Бавария соперничала с Пруссией за влияние в Германии и Европе, проводила активную внешнюю политику, вела собственные войны. В Мюнхене были аккредитованы посольства полутора десятков государств. После победы над Наполеоном российская миссия пользовалась высшим приоритетом внимания. Во внутренней политике новый баварский король Людвиг I утверждал наследование идеалов и традиций греческой демократии и культуры. Лучшие зодчие - Кленце, Гертнер, Фишер, Шванталер - выстраивают великолепные здания и памятники в стиле греческой архитектуры: Пинакотеку, Глиптотеку, Пропилеи, королевскую библиотеку и др. В городе издавались 25 газет (через 100 лет - 9!).

Наиболее раннее упоминание в архивных документах о российской дипломатической службе в Баварии относится к 1640 году, т. е. ко времени царствования Михаила Фёдоровича, первого представителя династии Романовых. (Bayer. Hauptstaatsarchiv, MA50335.)

— ГЕРЦОГШПИТАЛЬШТРАССЕ

„Несмотря на малое количество дела, которое будет у этого чиновника на первых порах его пребывания здесь, я всё же постараюсь, чтобы он не зря потерял время, столь драгоценное в его возрасте“, - столь деликатный доклад писал российский посланник граф Воронцов-Дашков в июле 1822 года министру Нессельроде по поводу прибытия 18-летнего Фёдора Тютчева в Мюнхен в качестве сверхштатного атташе. Здание российской миссии, которое приняло Тютчева в 1822 году, находилось на Герцогшпитальштрассе № 1139. На той стороне улицы, где находился дом с тысячным номером, было всего 12 домов.

В средневековом Мюнхене дома нумеровались не в пределах своей улицы, а в пределах городского района, которых в Мюнхене было 6: Альтштадт (старый город) и 5 форштадтов (предместий). Это была неудобная система, т. к. город расширялся и часто соседние дома могли иметь разницу в 50-100 номеров. Очередное упорядочение почтовых адресов было сущим бедствием для домовладельцев и почтовых контор. В адресных книгах указывались тогда одновременно старые и соответствующие им новые адреса.

Домовладельцем здания российского представительства был королевский адвокат Людвиг Якоб, который купил дом в 1808 году. Здание было построено ещё в 1574 году при курфюрсте Альбрехте V, для студентов семинарии святого Грегора Магни. В 1694 году в здании находилась грегорианская семинария. Три курфюрста XVI века, герцоги Альбрехт V, Вильгельм V и Максимилиан I, содержали на этой улице госпиталь для заболевших служащих двора, нуждающихся в медицинской помощи. Так как на улице традиционно

находились также общежития семинаристов, то улица периодически называлась то Seminarigasse, Семинарским переулком, то Spitalgasse, Госпитальным переулком. Название Herzogspitalstraße, Герцогшпитальштрассе, закрепилось только в XIX веке.

Здание на Герцогшпитальштрассе 12, здесь находилось российское представительство, куда в 1822 году Ф. И. Тютчев поступил на службу.

В год покупки дома Людвиг Якоб сдал первый верхний этаж (здание имело два верхних этажа) в наём российской миссии, согла-

шение об открытии которой состоялось 7 января 1808 года. Первым российским посланником на Герцогшпитальштрассе был князь Иван Бярятинский. Его аккредитация состоялась 14 декабря 1808 года. (Князь Бярятинский в Мюнхене женился на графине Марии Келлер. В 1810 году в семье Бярятинских родился первенец, Александр, будущий генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа, пленивший Шамиля.) Российская миссия при баварском дворе возобновила свое представительство после двухлетнего перерыва. До Бярятинского с 1796 года по 1806 посланником был барон фон Бюлер. Ещё ранее, во времена курфюрста Карла Теодора, в 1788-89 гг., интересы России представлял „*Le Ministre de Russie Monsieur de Peterson*“, российский генерал-майор Христоф Вильгельм Петерсон (☞ 1735, Киль - † 1789, Мюнхен). Его сын, Александр Петерсон, был также российским дипломатом (в Веймаре). 15 декабря 1817 года Александр Петерсон обвенчался в Мюнхене с Элеонорой графиней Ботмер, во втором браке Тютчевой.

В мюнхенских документах не сообщается, как долго российская миссия оставалась в здании на Герцогшпитальштрассе. Известно, что в 1825 году этаж, на котором располагалось представительство, был перестроен. Декоратор-архитектор Жан Метивьё переоборудовал этаж под балльный зал. Зал был не очень большим, но другого пока не было. Строительство Одеонзала завершится лишь через 3 года.

Жан Батист Метивьё, Jean Baptiste Mètivier, (1781-1857), архитектор, советник двора по строительству, носитель французской фамилии без дворянских приставок, оставил также след в мюнхенской адресной книге как автор проекта синагоги, сооруженной в 1824-1826 гг. в стиле позднего ренессанса на Театергассе возле Изартора (сейчас Вестенридерштрассе, 7). Культовое назначение здания сохранилось до 1889 года, затем оно многократно меняло

владельцев. По проекту Метивье в Мюнхене выстроено несколько зданий, в основном для баварцев французского происхождения, в том числе для графа Монжелэ и для графа Межана.

Первый бал в новом зале был дан 12 октября 1825 года. Этот день был двойным праздником королевства: день именин короля Макса I Йозефа, день святого Максимилиана, и 15-я годовщина бракосочетания старшего сына короля, кронпринца Людвига, с принцессой Терезой Саксонской из дома Хильдбург.

По распоряжению короля Макса I день бракосочетания Людвига и Терезы (а заодно и день именин самого короля!) должен ежегодно отмечаться празднеством, получившем позднее название Октябрьского праздника, Oktoberfest. (Октоберфест весело отмечается и в наши дни. Празднества проходят в Мюнхене на Терезиенвизе, лугу Терезы. Октоберфест стал международным праздником пивоваров.) Приглашенный на бал в бывшую российскую миссию 70-летний король переусердствовал в танцах, его сердце не выдержало и 13 октября баварская монархия обрела нового короля, Людвига I.

К 1833-35 гг. нумерация домов в Мюнхене несколько упорядочилась. Но улицы ещё не имели чётной и нечётной стороны. Бывший дом адвоката Якоба получил новый адрес, Герцогшпитальштрассе 18, который сохранился последующие 110 лет. У этого здания оказалась счастливая судьба: дом простоял четыре столетия и менял только свой номер. Во время Второй мировой войны в результате *ковровых* налетов авиации почти все строения древней Герцогшпитальштрассе были уничтожены. Остался только один дом, дом российской миссии, аккредитованной при первом баварском короле. Он стоит по сей день и имеет сегодня номер 12. (Сейчас там находится государственный советник по школам, этажом ниже - один из отделов финансового управления.) Адресная книга 1818 года сообщает адрес и состав российской миссии: „*Pahlen, Graf von. Ausserordentlicher Gesandter und bevollmächtigter Minister. Herzog-Spital-Strasse, Nr. 1139. Krüdenner, Freiherr, von. Legations-Rath. (Ebendasselbst)*“. Граф Фёдор Пален был посланником с 1815 до 1822 года. Палена сменил Иван Воронцов-Дашков, который принял Тютчева. На здании висит мемориальная доска: «Бывшая грегорианская семинария, 1694-1805». О российском представительстве ни слова! Служащие финансового управления знают историю своего здания, им известно и о существовании российской миссии. Упоминается российская миссия и в книге Х. Габеля «Памятники Баварии»: „*Герцогшпитальштрассе 12. Бывший дворец российского посланника графа Воронцова 1808(!), принадлежавший, возможно Жану Метивье*“. Отдадим должное баварскому историку, доктору Хейнриху Габелю, информирующего читателей об адресе российской миссии, находившейся в Мюнхене почти 190 лет тому назад. При переиздании книги д-р Габель обещал устранить неточность о российских посланниках при баварском королевстве.

— КАРОЛИНЕНПЛАЦ

Куда переехало представительство после Герцогшпитальштрассе?

В адресных книгах 1823 года и 1828 года сведений об иностранных представительствах нет. Тютчевская переписка за этот период и другие источники ясности не вносят.

1 июня 1832 года Элеонора, первая жена Фёдора Ивановича, писала Николаю Ивановичу, брату мужа: „...вы найдете нас в доме Кирхмайера на *Karolinenplatz*, где раньше жил дядя Николай, а позже Киреевские...". Известно, что Иван Васильевич и Петр Васильевич Киреевские жили в Мюнхене в 1829 году. Из письма Элеоноры следует, что дом на Каролиненплац был известен Тютчевым уже несколько лет. Действительно, в письме родителям от 1/13 сентября 1842 года Тютчев, получив известие о смерти дяди Николая, сокрушался: „...мой бедный дядя Николай Николаевич, который в 1828 году не желал покинуть Германии, не побывав на Рейне, и с этой целью уехал от нас в одно прекрасное декабрьское утро при четырнадцатиградусном морозе и четырех футах снега". Однако названные выше россияне жили в доме Кирхмайера не в качестве гостей Тютчевых, а на правах квартиросъемщиков. В 1829 году Тютчевы жили на Оттоштрассе, буквально в двух шагах от Каролиненплац. Возможно, дядя прощался с Тютчевыми в этой квартире.

Каролиненплац - площадь в Максфорштадте, пригороде Макса, городском районе имени первого короля. Площадь названа в 1809 году в честь второй супруги короля Макса I Йозефа, Каролины, мачехи короля Людвига I. Каролиненплац - довольно большая площадь, на которую выходит 5 улиц. В начале века на площади было выстроено 5 зданий с боковыми фасадами на примыкающие улицы. Здания сооружались по проектам двух архитекторов: Карла фон Фишера (Каролиненплац 1, 3, 4 и 5) и упомянутого Жана Метивье (Каролиненплац 2). Домовладельцем здания Метивье стал бывший премьер-министр граф Максимилиан Монжелá (Montgelas).

Дом на Каролиненплац 1 был заказан семьёй скульпторов Кирхмайеров, Хайнрихом и Йозефом. Жилым был верхний этаж. Нижний этаж предназначался для скульптурного ателье.

Дом № 3 был известен сначала, как дворец барона Асбека, затем барона Лотцбека (с семейством барона Тютчев был длительное время близок) и, наконец, генерала Хомпеша, бывшего министра финансов. Хомпеш владел и домом № 5.

Первым владельцем дома № 4 был кронпринц Людвиг (позже здание выкупил банкир Шпиро).

Никто из упомянутых домовладельцев в этих зданиях не проживал. Здания, как правило, сдавались в наём иностранным миссиям. Во дворце кронпринца расположилось папское представительство: нунций, епископ граф

Argenteau, и аудитор, прелат граф Curoli. В доме № 5 жил французский посол, генерал-лейтенант барон Bourgoing.

Нумерация строений на современной планировке площади соответствует сложившейся к концу первой трети прошлого века. Из всех зданий сохранился в перестроенном виде только дом № 5.

В адресной книге 1835 года в перечне стран, аккредитовавших свои представительства, на 25-й странице указана и Россия. Сообщается список российских дипломатов: „Его Сиятельство князь Гагарин, Григорий, посланник и полномочный Министр - Каролиненплац 3/1 (т. е. дом № 3, первый верхний этаж)". Затем следует: „1-й поверенный секретарь Крюденер, Александр, барон, коллежский советник, кавалер ордена Св. Анны II кл. с бриллиантами и ордена Св. Владимира IV кл. - Бриеннерштрассе, 15/1". Здесь до мая 1836 года жила прекрасная Амалия Крюденер.

Третьим в списке - „II поверенный секретарь Тютчев фон, Теодор, камер-юнкер - Каролиненплац 1/1". Дом Кирхмайера был необычной октогонной (восьмигранной) формы, имел на каждом этаже по 12 окон: скульпторам необходимо было много света. В этом доме у Тютчева в браке с Элеонорой Петерсон (урожд. графиней Ботмер) родились трое дочерей: Анна 21 апреля/3 мая 1829 года, Дарья 12/24 апреля 1834 года и Екатерина 27 октября/8 ноября 1835 года. Девочки были крещены в греческой Сальваторкирхе священником Калиникасом Кампанисом. Крестным отцом Дарьи и Екатерины был посланник Григорий Гагарин. (Salvatorkirchearchiv, Meldebogen Nr.12443.)

Последним указан „атташе Мартини, советник - Зонненштрассе 7/3", родственник Александра Крюденера по материнской линии.

Несколько слов о семье российского дипломата барона Крюденера. (Genealogisches Handbuch des Adels. Freiherrliche Häuser A. Band IX / Starke Verlag. 1977. S. 251.)

Георг Александр барон фон Крюденер родился в Эстляндии 10 сентября 1786 года, скончался в Стокгольме 18 января 1852 года. Адресная книга 1818 года свидетельствует, что барон Крюденер служил в мюнхенской миссии при графе Фёдоре Палене (1815-1822). Родители Александра Крюденера - жители Прибалтики. Отец, российский майор, Эрнст Фромхольд фон Крюденер (Эстляндия, 1752-1812), мать Юдит фон Мартини (1764-1829, Рига). Род Крюденеров был давним и многочисленным. Первый Хайнрикус Крюденер был зарегистрирован в рижской книге должников 11 ноября 1289 года. (Немецкие рыцари появились в Прибалтике в 1202 году.) Многие Крюденеры XVIII - XX веков являлись российскими подданными.

Бурхард Алексис Константин фон Крюденер из Ливавы (1746-1802) был российским посланником в Берлине, Дрездене, Венеции. Его (третья) жена Варвара-Юлиана, урожд. Витингофф (1764-1824), внучка маршала Миниха, слыла поэтессой и писательницей (она была сочинительницей скандального романа «Valérie»), но более известна своим влиянием на трёх европейских

монархов: российского Александра I, прусского Фридриха-Вильгельма III и австрийского Франца I. Как утверждает сама Варвара-Юлиана, именно она убедила названных первых лиц заключить Священный союз в 1815 году. Юлиану Крюденер упоминает Лев Толстой в «Войне и мире». Ей посвящено большое исследование А. Н. Пыпина. («Вестник Европы», 1869, VIII, IX.)

Полковник Отто Крюденер (1766-1838) служил полицмейстером в Петербурге. Родственник барона Крюденера полковник Павел Языков из Тулы (1792-1864), возможный родственник Тютчева, возглавлял петербургский фарфоровый завод. (Тютчев однажды поражался обилию своих родственников, многих из которых он не знал.) В тютчевские времена генерал-лейтенант Вильгельм Крюденер (1806-1867) был петербургским военным комендантом.

В далеком Тобольске 10 декабря 1834 года родился будущий профессор Академии искусств Василий Перов. Его мама, Акулина Иванова, 9 мая 1848 года зарегистрировала свой брак с фактическим отцом своего сына, местным прокурором Грегором Густавом Фридрихом Крюденером. Это был его второй брак. Супруга от первого брака, баронесса фон Штакельберг, скончалась в Петербурге 20 февраля 1847 года.

В родстве с Крюденерами состояли Врангели, Струве, Бюловы. Один из потомков барона Крюденера, зондерфюрер Ганс фон Ден, погиб 2 января 1942 года под Великими Луками. В том же 1942 году погибла в Риге Фанни Михельсон, также потомок Крюденеров...

После Второй мировой войны количество Крюденеров не уменьшилось. 17 февраля 1967 года в Баден-Бадене собрался съезд представителей Крюденеров и постановил создать союз их имени, который 3 мая того же года был зарегистрирован в правовом управлении Баден-Бадена.

Адресная книга города Мюнхена 1835 года, с. 25. Раздел «Консульства»

Preußen:

Dönhoff, Graf von, Exc., Gesandter und bevollmächtigter Minister, königl. preuss. Kammerherr, Ritter des preuss. roten Adlers und St. Johannis-Ordens. Ludwigstr. nr. 7. über 1 St.
Legations-Sekretär: Werther, Frhr. v. Ludwigstr. nr. 7. über 1 St.

Rom:

Päpstlicher Nuntius: Argensteu, Karl Graf v., Exc., Erzbischof von Conus. Karolinenplatz nr. 4. über 1 St.
Auditor der Nuntiatur: Curreli, Philipp Graf von, päpstlicher Prälat. Karolinenplatz nr. 4. über 1 St.
Kanzler und Sekretär: Santarelli, Ludw., Abbé. Ebenbaselstr.

Rußland:

Se. Durchl. Fürst Sagarin, Greg., Gesandter und bevollmächt. Minister in Karolinenplatz nr. 3. über 1 St.
I. Legations-Sekretär: Kрюденер, Wl. Frhr. v., k. k. Russ. Kollegienrath, Ritter des k. Russ. St. Annen-Ordens II. Kl. mit Brillanten und d. k. Russ. St. Maximil. Ord. IV. Kl. Wlennerrstr. nr. 15. über 1 St.
II. Legations-Sekretär: Tutschef, Theod. v., k. Russ. Kammerjunfer. Karolinenplatz nr. 1. über 1 St.
Attaché: Martini, k. russ. Hofrath. Sonnenstr. nr. 7. über 3 St.

Sachsen:

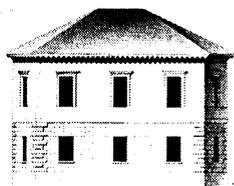
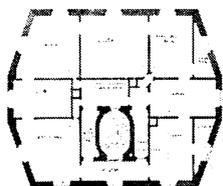
Beschäftigungs-Adress: Könerich, Rudolph v., kgl. Sächs. Kammerherr. Maxplatz nr. 22. über 1 St.

Sardinen:

Asinari di San Marsano, Chevalier, Chargé d'Affaires. Pfandhausstr. nr. 3. über 1 St.
Attaché: Bertone di Sambuy Ebenbaselstr.

Некоторый след оставили и Мартини, один из которых был предшественником Тютчева в должности цензора Министерства иностранных дел. На

таковой должности Мартини стал известным в качестве инициатора запрещения 7 июня 1827 года распространения в России первого тома «Путевых картин» Г. Гейне. (Собр. соч. в 10 томах. Л., 1959. Т. 10, с. 625.)

Архитектурный план дома скульптора Йозефа Кирхмайера на Каролиненплац 1. Архитектор К. фон Фишер. В этом доме Тютчевы жили до мая 1837 года.

Жена Александра Крюденера, Амалия (1808-1888), незаконнорожденная дочь Терезы княгини Турнунд-Таксис, урожд. принцессы Мекленбург-Штрелиц (Mecklenburg-Strelitz), сестры прусской королевы Луизы. Княгиня Тереза приходилась теткой Александре Фёдоровне, жене Николая I (т. е. Амалия и российская императрица были кузины). Фактическим отцом Амалии был баварский дипломат Максимилиан граф Лерхенфельд из Кёферинга (1772-1809). Непосредственно после рождения она носила фамилию Штернфельд из Дармштадта (Хессен), позже - Штаргард из Регенсбурга. Решением хессенского великого герцога Людвига I с 1 августа 1823 года Амалии разрешено именоваться графиней Лерхенфельд, но без права на герб и родословную. В браке с бароном Крюденером Амалия состояла с 1825 по 1852 гг. и родила двоих детей. (Standes-Erhebungen und Gnaden-Acte Deutscher Landesfürsten während der letzten drei Jahrhunderte. Standes-Erhebungen und Gnaden-Acte verliehen von den Landgrafen und Grossherzogen zu Hessen-Darmstadt seit 10. Juli 1816 von Hessen und bei Rhein / Görlitz. Verlag von C. A. Starke. 1881. S. 519.)

Тютчевский дом на Каролиненплац простоял до осени 1859 года. „Ему (Тютчеву) интересно будет узнать, что сейчас сносят маленький восьмиугольный домик на Karolinen-Platz, где он жил в течение нескольких лет“, - писал Карл Пфеффель сестре в ноябре 1859 года.

Соседствующий с Тютчевыми (на Каролиненплац 2) упомянутый выше граф Монжелá (1759-1838) был выдающейся личностью, опытным политиком, инициатором многих прогрессивных реформ.

Сторонник просвещённого абсолютизма, Монжелá стремился к созданию могущественной Баварии. Его фактическое правление (в качестве премьер-министра при короле Максe I) с 1799 года по 1817 выпало на нелегкий период баварской истории: вторжение и изгнание Наполеона, образование и распад скороспелых политических и военных союзов. Монжелá умело маневрировал, меняя ориентацию от антинаполеоновской на пронаполеоновскую и опять наоборот. Его находчивости в период зависимости от Наполеона Бавария обязана бескровному удвоению своей территории и превращению рядового курфюршества во влиятельное королевство. Правда, новое королевство в качестве сателлита Франции вынуждено было помогать Наполеону в его рус-

ской кампании 1812 года, но немедленно повернуло оружие против французского императора, как только стало очевидным его неизбежное поражение.

Архитектурный чертёж фасада здания на Каролиненплац 3 (архитектор Карл фон Фишер). В этом доме жили российские посланники И. Воронцов-Дашков, И. Потёмкин, Г. Гагарин, Д. Северин. Здесь 24 февраля 1837 года скончался князь Григорий Гагарин (похоронен в Тегернзее).

Среди баварских политиков граф имел много недругов, благодаря интригам которых первый министр Монжелá в 1817 году был отправлен в отставку. Современники высоко оценивают ум этого государственного деятеля. Тютчев был хорошо знаком со своим соседом и часто общался с ним. Большая разница в возрасте между Тютчевым и графом Монжелá не была помехой их дружбе. Предполагалось даже, что в 1842 году Тютчев напишет статью о Монжелá для «Энциклопедии замечательных людей», которую издавал французский историк И. Г. Шницер. Карл Пфедфель, брат Эрнестины (второй жены Фёдора Ивановича), считал молодого Тютчева равным Монжелá по интеллекту.

18 октября 1833 года к двадцатой годовщине победы союзных войск под Лейпцигом на Каролиненплац был открыт, сооруженный по проекту архитектора Лео Кленце, 29-метровый бронзовый обелиск. Главным инициатором установки обелиска был князь генерал-фельдмаршал и генерал-инспектор князь Вреде (1767-1838).

Его стремительная и удивительная карьера не имеет аналогов в баварской и немецкой истории. Предки Вреде жили в Швеции, где в 1653 году были возведены в баронское достоинство, неподтвержденное однако в Баварии. До 17 мая 1790 года выходец из Пфальца Карл Филипп Вреде не был даже дворянином, но с 12 марта 1791 года - он уже барон. Полковник баварской армии в 1799 году, Вреде отважный наполеоновский генерал в 1805 году. Победу французов над россиянами и австрийцами под Аустерлицем Вреде обеспечивал уже в чине генерал-лейтенанта. 15 августа 1809 года Карл Вреде - граф Франции с получением высоких наград из рук Бонапарта, 15 июня 1810 года - подтверждение графского титула в Баварии.

В 1812-13 гг. Вреде - командир 20-й баварской дивизии в составе франко-баварского корпуса маршала Сен-Сира против России, с октября 1813 года - главнокомандующий баварско-австрийской армией против Франции с проигранными (под Ганау) и выигранными (под Бар-сюр-Обе) сражениями, с ранением и награждением российским офицерским крестом Святого Георгия II степени. В марте 1814 года Вреде - фельдмаршал, в июне того же года - князь,

но пока без диплома. Получению княжеского диплома препятствовал премьер-министр Монжелá. В 1814-15 гг. Вреде представляет Баварию на Венском конгрессе. В 1817 году под давлением Вреде король Макс I Йозеф смещает всесильного графа Монжелá, главного реформатора Баварии наполеоновского времени. В январе 1819 года Вреде-фельдмаршал получает, наконец, диплом князя с правом именоваться *княжеская светлость, княжеская милость*. Позже князь-фельдмаршал Вреде занимал высокие посты в правительстве. Король Людвиг I любил Вреде и посвящал ему стихи (подстрочник автора):

*Вреде! Объединяют с именем твоим,
Моря воспоминаний!
Колоссальный рост событий
Говорит, Вреде, о размахе твоей победы!*

В числе соратников Вреде был генерал Эразмус Дерой (1743-1812) - командир 19-й баварской дивизией в составе 6-го корпуса Гувиана Сен-Сира в наполеоновском походе против России. В отличие от Вреде, поднявшегося позже до высот князя и фельдмаршала, у Дероя этого *позже* не было: он остался навечно генералом в полоцкой земле в сражении 16-23 августа 1812 года. (Bayern und seine Armee. Eine Ausstellung des Bayerischen Hauptstadtarchivs aus den Beständen des Kriegsarchiv // München. 1987. S. 320.) Под Полоцком 18-тысячный российский 1-й пехотный корпус графа Витгенштейна остановил продвижение 30 тысяч солдат дивизий Сен-Сира и Ундино в сторону Пскова. Наполеон присвоил Сен-Сиру за это сражение звание маршала, однако от плана наступления на Петербург отказался. Граф Петр Христианович Витгенштейн (Пауль-Карл-Людвиг Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург, выходец из прирейнской Франконии) был объявлен спасителем Петербурга. Героизм россиянина был оценен Сен-Сиром: *„Русские показали в сем деле постоянное мужество и личную храбрость, каких бывает мало примеров в войсках других народов. Их батальоны, взятые врасплох, при первой атаке отрезанные одни от других, потому что мы прорвались сквозь их линии, не расстроились и, сражаясь, отступали чрезвычайно спокойно, оказывая со всех сторон сопротивление с таким мужеством, которое, повторяю, свойственно одним только русским. Они совершали чудеса храбрости, но не могли противостоять единовременной атаке четырех дивизий, шедших совокупно вперед и тяжестью своею подавлявших высылаемые против них войска“*. Дивизии Дероя противостоял могилевский полк, дивизии Вреде - отряд полковника Властова. Каждая из сторон потеряла около 6-ти тысяч солдат. (Михайловский-Данилевский, генерал-лейтенант. Описание Отечественной войны 1812 года. Часть I, изд. третье. СПб. 1843, с. 383.)

Вреде добивался сооружения памятника сразу после окончания войны, в 1814 году. К 1818 году проект памятника был завершен и предполагалось его сооружение на университетской площади рядом с Римскими фонтанами, позже

(по проекту Гертнера) - на Одеонсплац. Окончательная привязка (по настоянию Кленце) была сделана к центру круглой площади Каролины, Каролиненплац (напротив российского представительства). Подходы к обелиску (ступени, площадки) были облицованы тогда черным мрамором, взятым в Альпах возле горы Унтерсберг. Российский дипломат Фёдор Тютчев ежедневно видел памятник баварцам, павшим в России в 1812 году. Сегодня памятник темнозеленого цвета (черного мрамора уже нет), но 27 марта 1834 года Александр Тургенев в дневнике записал: „...видел желтый памятник, погибшим в России. *Sui bono?* ("В чьих интересах?" лат.) и гибель, и памятник?". Тургенев был озадачен посвящением памятника „тридцати тысячам баварцам, которые нашли смерть на русской войне" с загадочным дополнением: „Они погибли для освобождения родины". Надпись успокаивала современников, спрямляла зигзаги баварской истории для потомков, чтит память погибших. (Позже были установлены памятники и баварским генералам Вреде и Дерою. Их именами названы мюнхенские улицы.) В 1833 году был выпущен коллекционный талер с изображением обелиска.

Каролиненплац в конце 60-х гг. XX века. На месте крайнего левого здания находился восьмиугольный дом Кирхмайера, в котором до 1838 года жил Тютчев, на месте крайнего правого здания - дом, принадлежавший барону фон Асбеку (позже барону фон Лотцбеку), переданный в наём российскому представительству. В центре площади - обелиск павшим в России 30000 баварцам.

— ТЕАТИНЕРШТРАССЕ

После смерти Григория Гагарина (24 февраля 1837 года) посланником стал Дмитрий Северин, который в 1842 году переехал с Каролиненплац 3 на первый верхний этаж дома номер 11 по Театинерштрассе. Домовладельцем здания была семья книгоиздателя барона Котта.

Адресная книга 1862 года сообщает состав российской миссии, с которым Северин завершал свое 26-летнее пребывание в Мюнхене: „*Северин Дмитрий, действительный тайный советник, Посланник и полномочный Министр, Театинерштрассе 11/1; Вегезак Отто, камер-юнкер и государственный советник, 1-й секретарь; Гамеля, секретарь, Променадештрассе 3; Мартини Адольф, государственный советник, атташе, Зоннеништрассе 9/3; Бибииков Николай, атташе, Максимилиаништрассе 21/2*”.

Последним посланником царской России был А. Вестманн, секретарем миссии - Николай Столыпин, двоюродный брат известного российского реформатора П. А. Столыпина. (Bayern. Hauptstaatsarchiv, MA 500350.)

В период между двумя мировыми войнами представительства СССР в Мюнхене не было. 9 января 1968 года Мюнхен посещал советский посол С. К. Царапкин. В 1989 году открылось представительство Украинской ССР, а в 1992 году, после распада СССР, на Зайдльштрассе 28 - Генеральное консульство Российской Федерации. Генеральным консулом Российской Федерации в Мюнхене с 1992 по 1997 гг. был П. Ф. Лядов. В 1997 году на данную дипломатическую должность был назначен канд. ист. наук М. А. Логвинов.

Театинеркирге Св. Каэтанана (1663-1675) на Театинерштрассе

— POLIZEIKARTENREGISTER NR. 38461

После перевода в Турин летом 1837 года Тютчев иногда посещал Мюнхен. Мюнхен теперь не был уже городом его аккредитации. Фёдор Иванович приезжал сюда на правах гостя. Каждый такой приезд фиксировался в Polizeikartenregister, полицейском регистре. В этом регистре гость города получал свой постоянный номер, номер досье, в котором регистрировались последующие визиты. (Такая удобная форма полицейского учета оказалась очень полезной потомкам-историкам.) В Polizeikartenregister города Мюнхена тютчевское досье имело № 38461. (Stadtarchiv München, Polizeikartenregister Nr. 38461.) Если приезжий останавливался в гостинице, то горожане могли узнать об этом из газеты «Königlich Bayerischer Polizei-Anzeiger von München». Фамилии гостей города и в досье, и в «Anzeiger» иногда указывались неточно, т. к. чиновники полиции и гостиниц писали анкетные данные о приезжих часто на слух, со слов гостя.

38461. Tutschew F. Theodor, Kr. russl. Legationssekretär in Turin, 30. Moskwa alt 35 Jahr mit Empfehlung d. d. H. H. Stolz.	mit Turin 11.	16 Junij 38	17
	von Turin 38.	7. Nov 38	6. Dez 38
3. 4. 5. d. d.	2.	6. Dez 38	22.
2. Junij 1838 3. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30.	2.	6. Dez 38	22.

Polizeikartenregister Nr. 38461.

При изложении дальнейших сведений учтены данные указанного досье. Известно, что 11/24 июня 1838 года Тютчев в Турине узнал из газет о гибели парохода, на котором его жена Элеонора с тремя дочерьми добиралась к нему из Петербурга. В этот же день Фёдор Иванович оформил паспорт (с датой от 11 июня) и выехал в Мюнхен. Тютчева из Турина сопровождал его камердинер, Маттиас Хёлдль. 16 июня Тютчев в Мюнхене остановился у тетушки

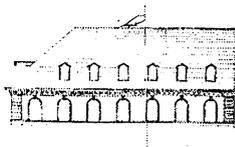
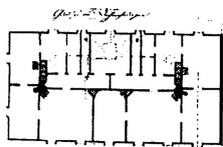
Элеоноры, баронессы Ганштейн, которая содержала пансион на Бриеннерштрассе 4.

23 июня вся семья после десятимесячной разлуки и тревожного происшествия, наконец, была в сборе.

С Элеонорой путешествовала 24-летняя гувернантка-француженка Екатерина Жарде (Jardin). 2 июля Тютчев снял ещё одну квартиру на прилегающей к Бриеннерштрассе площади Виттельсбахерплац 2 (нижний этаж), в доме Нойзигля. (Мотив снятия этой квартиры в опубликованной переписке не сообщается.)

10 июля Фёдор Иванович и Элеонора оставили детей у баронессы Ганштейн и выехали через Линдау в Турин. В письмах периода брака с Элеонорой имя камердинера Маттиаса Хёлцля не встречается. Имя гувернантки дважды упоминается в письмах Тютчева из Италии к старшей дочери Анне: 28 декабря 1838 года („*Передай также мой привет доброй Екатерине*“) и в начале лета 1839 года („*Сердечный привет доброй Екатерине*“). Это уже будут письма к осиротевшей 10-летней девочке: Элеонора Тютчева скоропостижно скончалась в Турине 28 августа/9 сентября 1838 года. Через два месяца, 26 октября/7 ноября 1838 года, Тютчев навещил своих детей в доме баронессы Ганштейн.

Летом 1839 года Тютчев обвенчался с баронессой Эрнестиной Дёрнберг (урожд. баронессой Пфедфель) и решил временно оставить дипломатическую службу. Знакомый мюнхенский домовладелец, скульптор Йозеф Кирхмайер, с 6 сентября 1839 года предоставил Фёдору Ивановичу с Эрнестиной квартиру в другом своем доме, на нижнем этаже по Бриеннерштрассе 18. (В декабрьском письме Тютчев будет извещать, что переехал в Мюнхен в *конце сентября*.) Дом, в котором Тютчев начал свою семейную жизнь в Мюнхене во втором браке, примыкал к восьмиугольному зданию на Каролиненплац 1, где завершилась его дипломатическая деятельность в Баварии. Дом на Бриеннерштрассе 18 был построен в 1828 году по проекту архитектора Шопке и просуществовал до 1889 года (Stadtarchiv München, LPK 1599/1, Nr. 185.) „*Тотчас по приезде в Мюнхен мы взяли их (детей) к себе, и две недели спустя дети так привязались к ней (Эрнестине), как будто у них никогда не было другой матери*“, - сообщал Тютчев родителям 1/13 декабря 1839 года. В этом же письме Тютчев намекает на беременность Эрнестины: „*...положение Нести вполне определилось*“. По-видимому, это обстоятельство заставило Фёдора Ивановича искать несколько большую квартиру, причем искать срочно.

Дом скульптора Йозефа Кирхмайера на Бриеннерштрассе 18 (архитектурный план)

— ОТТОШТРАССЕ

К Бриеннерштрассе примыкает ещё одна улица тютчевского обитания: Оттоштрассе, мюнхенская улица, известная на старых городских планах под разными названиями. В 1815 году король Макс I Йозеф премировал новорождённого второго внука, Отто, улицей его имени. Принц Отто, второй сын кронпринца Людвига, через 17 лет станет королём Греции.

Оттоштрассе суждено было дважды стать тютчевским адресантом. В 1828 году Национальный банк выстроил здесь дом, известный в тютчевской переписке по старой мюнхенской нумерации под номером 248 (позднее Оттоштрассе 4). В ожидании первенца Фёдор Иванович, Элеонора и Клотильда поселились в этом доме. 27 января/8 февраля 1829 года Фёдор и Элеонора венчались, проживая уже на Оттоштрассе 248. Здесь же 21 апреля 1829 года родилась первая дочь Анна. Позже, после переселения Тютчевых в дом Кирхмайера на Каролиненплац, Клотильда сохранила это жилище за собой. Здесь она 6 апреля 1839 года вышла замуж за барона Аполлониуса Мальтица и отсюда в мае 1841 года уехала с мужем в Веймар.

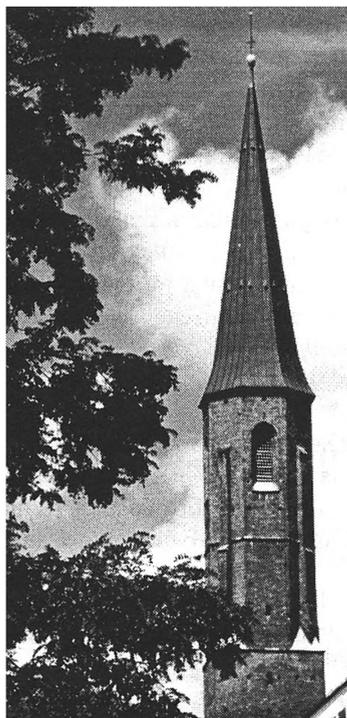
В начале XX века на месте дома по Оттоштрассе № 4 была построена гостиница «Русский двор», которую в 1914 году выкупило страховое общество «Allianz». (Stadtarchiv LBK 7162.)

Второй раз Тютчев поселился на этой улице на первом верхнем этаже дома виноторговца Макса Отто. В списке городских владений Максфорштадта дом числился под номером 250 или по адресу Оттоштрассе № 6. Здесь Тютчев живёт с 24 февраля 1840 года. Он уже во втором браке. Через дом, на Оттоштрассе 4, живет заботливый друг семьи Фёдора Ивановича, баронесса Клотильда Мальтиц. Новая семья Тютчевых опять в ожидании первенца. В этом доме родился первый ребёнок Эрнестины.

14 апреля 1840 года Фёдор Иванович сообщает родителям: *„моя коллекция барышень обогатилась ещё девочкой, которую моя жена родила в прошлом месяце. Ребенок был окрещён с именем Марии греческим священником. Северин (российский посланник) был крестным отцом, а мамёнку в её обязанностях крестной матери заменяла Клотильда“*.

В Мюнхене была единственная греко-православная церковь - Сальваторкирхе. В январе 1829 года князь П. М. Волконский, министр двора и уделов, от имени императора Николая I подарил церкви Св. Сальватора церковную утварь, всего 38 предметов. (Bayeg. Hauptstaatsarchiv, MA 84 414.) Греческий священник, упоминаемый в тютчевском письме, - митрополит Калиникас Кампанис.

В упомянутом выше декабрьском письме Тютчев писал о своём новом образе жизни: „...мы живём уединенно и тихо. Дети, Мальтиц и его жена (т. е. Клотильда), тетка Клотильды (баронесса Ганштейн), её (Клотильды) отец (Карл граф Ботмер) и братья - вот наше обычное общество". Из всего семейства Ботмеров в Мюнхене в это время проживали три брата Клотильды: Фридрих, Ипполит и Максимилиан. Все они были офицерами баварской армии. Граф Карл имел незначительный офицерский чин обер-лейтенанта. Он жил на пятом верхнем этаже в большом доме № 21 на престижной Динергассе, улице, соединяющей исторический центр Мюнхена, Мариенплац, с Резиденцштрассе. Ближе всех к Тютчевым жил Фридрих, на Бриеннерштрассе 14. На Фюрстенштрассе 8а жил Ипполит. Это тоже близко от дома Тютчевых. В Людвигсфорштадте на Ландверштрассе 8 жил Максимилиан. К Фёдору Ивановичу он ходил пешком: выходил на Зонненштрассе и через Карлсплац и Барерштрассе за 20-25 минут приходил на Оттоштрассе 6. (Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1842, Band «B», S. 51, 53-55.)

Старинная католическая церковь святого Сальватора, построена в 1494 году, перешла на православное богослужение с 30 сентября 1828 года.

— КАРЛШТРАССЕ

Летом 1840 года Тютчевы отдыхали недалеко от Мюнхена на курорте Тегернзее. Сюда же приехала Амалия Крюденер. Здесь справляли её именины: *„Заботу обо всем взял на себя принц Карл, брат короля. Он очень дружески расположен к госпоже Крюденер, а так как он к тому же чрезвычайно любезен, то не упустил случая нарочно приехать из Мюнхена, чтобы в день её именин дать в её честь большой обед, на который пригласил всех её знакомых, находящихся в Тегернзее“*.

Тютчев возвращается в Мюнхен без семьи и пишет жене в Тегернзее. Его торопливое письмо от 3 сентября (*„Четверг. Утром“*) наполнено семейными планами: *„Пишу тебе, милая моя кисанька, второпях. ... Вся трудность заключается по-прежнему в недостатке места. Я ещё раз побываю в доме В., чтобы всё выяснить и добиться, если возможно, окончательного ответа“*. Под криптонимом «В.» имеется ввиду столяр Антон Вихан, дом которого Тютчев пытается снять. Фёдор Иванович добился окончательного ответа и 15 октября 1840 года в тютчевской биографии появился новый адрес: Карлштрассе 54/1. Улица названа в 1808 году королем Максом I Йозефом в честь своего младшего сына (от первого брака) 13-летнего Карла, того самого *чрезвычайно любезного* принца Карла, который в 1840 году дал большой обед в честь именин Амалии Крюденер.

Карлштрассе расположена параллельно Бриеннерштрассе и восточной частью упирается в Оттоштрассе. Все названные улицы находятся в Максфурштадте, основном районе обитания Тютчева.

На Карлштрассе семья Тютчевых увеличилась ещё на одного члена: 14/26 июля 1841 года родился первый сын, пятый ребенок в семье. Крестным отцом был опять посланник Дмитрий Северин. Сына в честь посланника называли Дмитрием. Фёдор Иванович извещал родителей через три недели: *„Ребенок крепкий и очень живой, и, несмотря на моё безразличное отношение к полу будущего ребенка, я был очень рад, что на этот раз появился мальчик, ибо этот раз, надеюсь, будет последним“*.

В Мюнхене, действительно, прибавления в семье Тютчевых более не будет. Через пять лет в Петербурге, 30 мая 1846 года, родится сын Иван, будущий почетный мировой судья и член Государственного совета, единственный наследник всего родового имущества Тютчевых. (В бывшей усадьбе Ивана Тютчева, Мураново, с 1 августа 1920 года усилиями потомков Фёдора Ивановича открыт известный музей имени Ф. И. Тютчева.) Ещё трое детей Федора Ивановича (в 1851, 1860 и 1861 гг.) будут рождены Еленой Александровной Денисьевой.

Но тогда, в 1841 году, Тютчев, выражая пожелание прекращения прироста семейства, этих событий предвидеть не мог...

— ЛЮДВИГШТРАССЕ

Тютчев любил мюнхенский Максфорштадт, а в Максфорштадте - Людвигштрассе, улицу, подаренную королем Максом I Йозефом старшему сыну, кронпринцу Людвигу, в 1822 году. Надев корону Людвиг застроил улицу своего имени красивыми большими зданиями. В 1826 года из Ландсхута в Мюнхен на Людвигштрассе был переведен институт (он назывался тогда Ингольдштадским, т. к. до 1801 года находился в Ингольдштадте, где был основан в 1472 году герцогом Людвигом), который стал называться Королевским. Количество факультетов было значительно увеличено. В 1840-43 гг. для Королевского института по проекту архитектора Фридриха Гертнера было выстроено новое здание. Институт позже был преобразован в Людвиг-Максимилиан-Университет (по имени двух королей-покровителей: Людвиг I и его сына Максимилиана II). В университете преподавали европейские знаменитости Фридрих Тирш, Фридрих Шеллинг, Лоренц Окен. *„Я уже сообщил вам в моём последнем письме,- писал Тютчев родителям 18/30 декабря 1842 года,- о своем решении поместить в мюнхенский институт двух моих девочек, Дарью и Китти. Они поступили туда 1-го октября, и теперь, когда преодолели трудное для новичков время, очень довольны своим новым положением“.* Девочки завершали образование в Смольном институте в Петербурге. Старшая Анна успела окончить мюнхенский Королевский институт. Рядом с университетом Гертнер в 1829-44 гг. выстроил университетскую Людвигскирхе, в которой *„за алтарем, во всю стену от потолка до панели“* (воспоминание Николая Греча) висела картина художника Петера Корнелиуса «Страшный суд», самая большая в Германии (209 кв. м). В 1830 года на Людвигштрассе 23 по проекту Кленце было построено здание военного министерства, в котором несколькими годами позже разместился Баварский государственный архив. На Людвигштрассе проходили торжественные процессии: трогательные проводы 6 декабря 1832 года принца Отто (сына Людвиг I) на греческий престол, встреча 11 октября 1842 года принцессы Марии Прусской, будущей королевы Баварии.

17-летняя принцесса Мария прибыла в Мюнхен после венчания 5 октября 1842 года в Берлине с кронпринцем Максимилианом Баварским. её приезд совпал с Октоберфестом. Об этой встрече Тютчев 13 октября сообщал Эрнестине: *„Третьего дня состоялся въезд молодой принцессы. Я смотрел из окна Снегиря. Людвигштрассе представляла собой великолепное зрелище: на всем своем протяжении она казалась вымощенной человеческими головами“.* Снегирь - шутивное прозвище французского адвоката и публициста графа Этьена Межана. Межан жил на Людвигштрассе 4, занимал второй верхний этаж. Здание сохранилось по новому адресу: Людвигштрассе 7. (Stadtarchiv München, Polizeimeldebogen, M67.)

Людвигштрассе, дом № 7. В этом доме на втором верхнем этаже жил французский адвокат и публицист граф Этьен Межан. Позже Тютчев стал соседом Межана.

Тютчеву была обещана квартира на Людвигштрассе и он её настойчиво добивался с несвойственной ему энергией в решении бытовых неурядиц. В указанном письме есть строки: *„Что до квартиры - то мне обещают сдать её 16-го. В противном случае я непременно обращусь к полиции. Впрочем знай, что в*

твоё отсутствие, если что и делалось, то делалось плохо”. 16-го октября квартиру Тютчеву не сдали. Сдали 27 октября 1842 года. В этот день Тютчев въехал в свою последнюю (согласно досье №г. 38461) мюнхенскую квартиру на третьем верхнем этаже в доме торговца мукой Коппа на Людвигштрассе 7 (по старой нумерации домов).

Почти напротив дома находилась королевская библиотека.

„Перед широким зданием государственной библиотеки мирно сидели на солнышке высеченные из камня четверо мужчин древнегреческого типа с обнаженным торсом. В школе он (господин Гессрейтер) учил, кого они изображают. Теперь он этого, разумеется, уже не помнил. Если ежедневно проходишь мимо кого-нибудь, следовало, собственно, знать, кто это. Он как-нибудь обязательно наведет справку. Как бы там ни было, библиотека хорошая”,- эти строки из романа Л. Фейхтвангера «Успех». Тютчев, разумеется, знал этих греков. Господину Гессрейтеру, фейхтвангеровскому персонажу, дадим справку. Библиотека построена по проекту немецкого зодчего Фридриха Гертнера в 1832-39 гг. Выбор Гертнером кандидатов на олицетворение античности небесспорен, но спорить уже не с кем, да и одобрен он был королем Людвигом I, главным опекуном творческого Мюнхена.

Первый справа каменный грек - Гиппократ, врач, сын врача, внук, правнук и т. д. до 17-го поколения. Он родился на острове Кос в 460 году до н. э., мировое признание получил в Афинах. Прожил доктор 83 года. Гиппократ был непревзойденным диагностом и великолепным хирургом. Его кредо - лечи больного, а не болезнь, а коль лечишь, не навреди. Лечи противоположным, но щади больного и помогай природе. До нашего времени дошли лекарства и перевязки Гиппократа. Авторитет древнегреческого врача был настолько абсолютен, что даже в медицинских справочниках начала XX века(!) сохранились

его рекомендации родителям по планированию семьи и влиянию на пол будущего ребенка. К концу XX века появились более совершенные способы. Говорят, что именно Гиппократом был выработан сохранившийся в веках кодекс этики и чести врача, т. н. клятва Гиппократа. (Аналогичная клятва была известна и в древнем Египте.) Друг Гиппократа, мудрый Сократ, говорил: „Выбирая врача - выбираешь здоровье, выбирая учителя - выбираешь судьбу“.

Королевская библиотека на Людвигштрассе (проект архитектора Ф. Гертнера, 1832-1839 гг.).

Рядом с Гиппократом - Аристотель (384-322 гг. до н. э.). Обычно сообщается, что Аристотель философ. Это верно, многие понятия современной философии впервые ввёл когда-то

Аристотель. Но им написаны и фундаментальные трактаты по физике, метеорологии, биологии, экономике, искусству, политике, космологии, этике, поэзии, математической логике. Так кто же этот афинянин, который слишком много знал и за свое всезнайство вынужден был в конце концов бежать из Афин, обвиненный в религиозных прегрешениях?

Словно эхо в веках, звучит неизвестный музыкальный инструмент. Возле исполнителя всегда много слушателей. Они запоминают напевы незрячего поэта Эллады, великого Гомера. Он жил так давно, что уже и неизвестно жил ли он вообще и был ли под этим именем один конкретный сказитель. На древнегреческом Гомер означает просто *слепец*. Афиняне настаивают, что Гомер жил именно в Афинах, но они не знают только 27 или 32 века тому назад. По крайней мере, в 6-м веке до н. э. афинский правитель Писистрат поручил выработать окончательный текст гомеровских поэм. Все последующие поколения воспитывали своих детей на необыкновенном историческом богатстве языческой мифологии.

Четвертый грек - Фукидид (460-400 гг. до н. э.), гражданин Афин. Он окаменел в позе историографа. Большинство великих талантов были порождены раскрепощенной духовностью афинской демократии. В золотой век Перикла были построены храм Парфенона и шедевр зодчества Акрополь, творили драматург-трагик Софокл, комедиограф Аристофан, скульптор Фидий, поэт Эврипид, философы Сократ, Платон, Аристотель. Греческая демократия была далека от совершенства и, как следовало ожидать, потерпела поражение в борьбе с тиранией. Соседней монолитно-организованной и воинственной

Спарте не по душе были демократичные Афины. Великие спартанцы, за исключением „великих“ тиранов, остались миру менее известны. Одним из семейных знаменитых греческих мудрецов был Хилон из Спарты. Его изречение „*Познай самого себя*“ увековечено на стене храма Аполлона в Дельфах. Очевидцем победы дня вчерашнего над днем завтрашним после 27-летней кровавой Пелопонесской войны был Фукидид, который оставил потомкам её описание. В начале первого тома своего сочинения историограф с небольшой долей оптимизма записал: „*Кто однако захочет узнать, как в действительности это было, то, так как в природе человека в будущем всегда опять такое или похожее может повториться, тот найдет мою книгу нужной и мне будет этого достаточно*“. Недалеко от библиотечного здания со скульптурным ансамблем, в доме, который в 40-е годы прошлого столетия имел адрес Людвигштрассе 7, жил русский человек, Фёдор Тютчев, великолепный знаток античности. Четверо упомянутых греков для него не были незнакомцами. Мысль Фукидида в вольном поэтическом переводе Тютчева стала известна современникам:

*Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отзывалась -
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...*

Южный конец Людвигштрассе соприкасается через Одеонсплац с Резиденцштрассе. На Резиденцштрассе находится королевский дворец, Residenzpalast. Семья известного баварского дипломата барона Антона Сетто, часто упоминаемого в дневнике А. Тургенева, занимала первый верхний этаж в доме № 6 на этой самой аристократической улице города. В доме Сетто собирался высший свет Мюнхена и дипломатического корпуса. Здесь часто бывали Тютчев и Эрнестина. К апартаментам барона вела широкая парадная лестница. („*Поднималась ли ты по лестнице в доме 2-жи Сетто?..*“ - спрашивал Фёдор Иванович Эрнестину во время её приезда в Мюнхен в октябре 1853 года) В семье Сетто 24 апреля 1834 года Эрнестина узнала о рождении второй дочери Тютчева Дарьи.

Площадь Римских фонтанов на Людвигштрассе возле Королевского института (ныне Людвиг-Максимилиан-Университета), в котором учились дочери Ф. И. Тютчева

— ХУНДСКУГЕЛЬ

Но у Тютчева был ещё один адрес. И этот адрес, в отличие от предыдущих, не был указан в досье №г. 38461.

В 1844 году Тютчевы готовились покинуть Германию. За год до этого Фёдор Иванович ездил в Россию, затем вместе со второй женой, Эрнестиной, летом 1844 года, Тютчевы совершили путешествие во Францию. Квартира на Людвигштрассе за ненадобностью была возвращена домовладельцу Коппу. В июле Тютчев писал из Парижа в Веймар старшей дочери Анне (дочери от первого брака, Анна, Дарья и Екатерина, гостили тогда в Веймаре у свояченицы Фёдора Ивановича, баронессы Клотильды Мальтиц): *„Через несколько недель мы вернёмся в Мюнхен...“*. Но уже 4/16 сентября Тютчев с женой и детьми от второго брака выехал из Мюнхена в Петербург. Где жили Тютчевы короткое время после приезда из Франции перед выездом в Россию? Проблему недлительного пристанища Эрнестина пыталась разрешить в переписке с братом Карлом. Её письмо брату из Виши 23 июля/4 августа 1844 года: *„Тысяча благодарностей за ваше столь любезное предложение предоставить нам вашу квартиру, когда мы будем проезжать через Мюнхен. Но мой муж и его слуга до такой степени неряшливы и беспорядочны, что я не могу воспользоваться вашим гостеприимством; один Бог знает, что они у вас натворили бы... Поэтому я решительно отказываюсь остановиться у вас, но если мой добрый Карл мог бы снять нам маленькую квартирку <...>“*. Так снял ли добрый Карл маленькую квартирку?

После отъезда Тютчевых в Россию Эрнестина увиделась с братом только через 9 лет. Она вновь посетила Мюнхен осенью 1853 года. Из Петербурга Эрнестина получила тогда письмо от мужа: *„Что касается квартиры твоего брата, которая была тогда нашей <...>“*. Значит добрый Карл квартирку всё-таки не снял и решился перетерпеть неряшливость и беспорядочность Тютчевых, с которыми расставался на неопределённое время.

Где жил брат Эрнестины? Об этом сообщает адресная книга 1842 года: барон Карл Пфеффель занимал первый верхний этаж большого дома на Хундсгугель 1184 (номер дома по старой мюнхенской нумерации). Когда? Домовая книга уточняет: с октября 1836 года. (Stadtarchiv München, Alte Hausbögen 1184, Z. 46.) Ко времени принятия семьи Тютчева у Пфеффелей было уже четверо детей.

После отъезда Тютчевых в Россию семья Карла Пфеффеля переехала на второй верхний этаж дома по Театинерштрассе 11. (Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch... 1845, S. 110.) Этажом ниже находилось российское представительство Дмитрия Северина.

Домовладельцем здания, в котором жили Пфэффели на Хундскулгел, был граф Карл Рехберг-унд-Ротен-Лёвен. В те времена мюнхенцы именовали это здание Рехбергским дворцом.

В начале прошлого века петлеобразная улица Хундскулгел („Hundskugel" - „Собачий шар“, на баварском сленге „Собачья ножка“) состояла всего из 3 домов, во второй четверти столетия - из 7. После упорядочения нумерации домов Рехбергский дворец получил адрес: Хундскулгел 7.

Улица, названная когда-то Хундскулгел, на карте Мюнхена существовала до конца XIX столетия. Дворец стоит и сегодня. Большое красивое L-образное здание, построенное ещё в 1678 году, с четырьмя высокими этажами, широкими окнами и лепными карнизами сохранило свой № 7, но по Хакенштрассе. Собственностью семьи графов Рехберг дворец стал в 1688 году. 9 марта 1838 года жена последнего домовладельца, Ипполита Рехберг, художница-дилетантка, писала в Женеве портрет Тютчева. Рядом с Фёдором Ивановичем была баронесса Эрнестина Дёрнберг, урожд. Пфэффель, во втором браке Тютчева.

В первой половине XIX века Рехберги сдавали здание в наём.

Хундскулгел 7, бывший дворец графа Рехберга. Здесь с января до августа 1828 года жил Генрих Гейне. Этот дом приютил семью Тютчева в августе 1844 года перед возвращением в Россию. (Фото автора.)

В 1805 году дворец был временным пристанищем русского генерала графа Григория Кирилловича Разумовского (1759-1837). Граф состоял в браке с баронессой Генриэттой Мальзен (1790-1827). В Баварии граф влюбился в графиню Терезу Шенк-цу-Кастель (1790-1818). Брак с баронессой был освящён католической церковью и по этой причине не мог быть расторгнут. Граф Григорий Кириллович презрел условности и при здравствующей баронессе венчался с графиней в православной церкви Триеста (в 1806 году). Их сыновья, Лев и Максимилиан, не были признаны российскими подданными и наследственных прав в России не получили. Однако Австрия, где поселились новобрачные, признала второй брак графа Разумовского. (Вероятно, не без содействия брата Григория Кирилловича, Андрея Кирилловича, который в 1801-1807 гг. был российским послом в Вене.) Отец графини,

Франц-Людвиг Шенк-цу-Кастель (1735-1821), известен многими благими деяниями, в том числе, созданием казённых детских домов в Баварии. (Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга // С.-Петербург. 1895. Т. 2, с. 154.) В 1828 году в Рехбергском дворце 7 месяцев жил Генрих Гейне. Гейне в гостиницах не останавливался. Переписка шла через лавку издательства И.-Г. Котты. (Лавка находилась на Променадештрассе 10.) Но вот Вольфгангу Менцелю 12 января 1828 года Гейне сообщает свой частный адрес в Альтштадте *„на Хундскугель, в Рехбергском дворце. Как раз на днях я перееду на эту новую квартиру; перед той, где я живу сейчас, слишком часто рубят дрова“*. Гейне действительно переехал в январе, т. к. в письме Деррингу от 23 января 1828 года он даёт указание: *„...посылайте их (выдержки из газет) непосредственно мне по адресу: Генриху Гейне, доктору прав, живущему в Рехбергском дворце на Хундскугеле“*. Однако в 19-й строке упомянутой выше домово́й книги № 1184, записана с неясными исправлениями иная дата проживания: *„Генрих Гейне из Линенбурга, этаж 0 (т. е. нижний этаж) с 1-го мая 1828 года до 2-го августа того же года“*. Возможно, что до 1-го мая Гейне проживал в здании без записи в «Домовой книге». Переписка немецкого поэта эту деталь не уточняет. Гейне иногда указывал без комментариев: *„Мой адрес сейчас, и пока, и в дальнейшем, всё ещё: Г. Гейне, доктору прав, отдать в литературно-художественную лавку издательства И.-Г. Котты в Мюнхене“*.

В 1830 году у дворца Рехберга жил знакомец Тютчева барон Лотцбек, семейству которого ранее принадлежал дом на Каролиненплац.

В августе 1848 года (после смерти графа-домовладельца в январе 1847 года) дворец Рехберга за 60000 флоринов купил мастер по золочению Йозеф Радшпилер. Дом до сих пор принадлежит его наследникам. Нестандартная для Мюнхена мраморная мемориальная плита на уровне первого верхнего этажа сообщает, что здесь в 1827-1828 гг. жил Генрих Гейне. Авторы надписи допустили неточность: в 1827 году Гейне здесь ещё не было. Он действительно приехал в Мюнхен 26 ноября 1827 года, но переехал в Рехбергский дворец с 1 января 1828 году и останавливался этажом ниже.

Нынешним мюнхенцам Рехбергский дворец более знаком как «Радшпилерхаус» («Дом Радшпилера»). На небольшой площади напротив дворца находится сейчас оригинальный фонтан с колесом, вращающимся от водяной струи, вытекающей из рта стилизованной фигуры человека, разрезанного этим же колесом. Скульптура соответствует фамилии домовладельца: Radspieler - игрок с колесом. Профессия Радшпилера увековечена в золотых надписях на фронтоне здания. Время сохранило ещё один дом исчезнувшей улицы, дом с бывшим адресом Хундскугель 2, старейший постоялый двор Мюнхена, известный ещё с 1440 года. Его нынешний адрес: Хоттерштрассе 18. Теперь там экзотическая пивная «Хундскугель». Хозяйка, госпожа Барбара Зиг, знает историю своего заведения.

— «ЧЁРНЫЙ ОРЁЛ» И ДРУГИЕ

ГОСТИННЫЕ ДОМА

Эрнестина Дёрнберг, будущая жена Тютчева, после смерти первого мужа, дипломата барона Дёрнберга (21 февраля 1833 года в Мюнхене), уехала в Регенсбург, но 30 октября 1833 года вернулась в Мюнхен и поселилась в доме, принадлежавшем семейству книгоиздателя барона Котта, на втором верхнем этаже на Швабингер-Ландштрассе 11, продолжении Людвигштрассе. (Stadtarchiv München, Polizeikartenregister Nr. 24348.)

В 1891 году Швабингер-Ландштрассе на 45-й день рождения была подарена принцу Леопольду его отцом, принц-регентом Баварии Луитпольдом, и переименована соответственно в Леопольдштрассе. В годы Первой мировой войны принц Леопольд в воинском звании фельдмаршала был командующим большой группой войск, за что удостоен чести быть занесенным на мемориальную доску на Одеонсплац в Галерее баварских полководцев рядом со своим племянником принцем Руппрехтом, также фельдмаршалом, и генерал-полковником графом Феликсом Ботмером, племянником Элеоноры Тютчевой. Умер внук короля Людвига I в 1930 году.

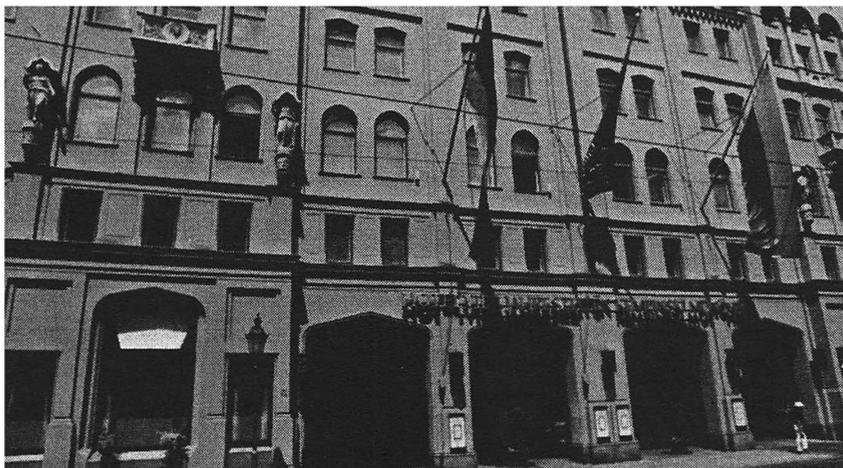
К дому Эрнестины на Швабингер-Ландштрассе часто подходил 50-летний холостяк, историк Александр Тургенев, который тщетно добивался взаимности 23-летней вдовы, но довольствовался лишь светом в её окнах: *„...все в каком-то узаре, но и в этом положении подошел к её окнам: в них был свет; я не пошел к Сетто“*. Квартира была снята до 4 мая, но Эрнестина выехала на три дня раньше. Она ехала к больному отцу в Париж.

В Мюнхене в первой трети прошлого века было 9 гостиниц. Самые лучшие - «Goldener Hirsch» («Золотой олень») и «Schwarzer Adler» («Чёрный орёл»). В «Золотом олене» на Театинерштрассе 18 (недалеко от Одеонсплац) летом 1832 года и весной 1834 жил Александр Тургенев. (Königlich Bayerischer Polizei-Anzeiger von München, Nro 60, 1832; Nro 24, 1834.) В 1832 года в ней также останавливались граф Воронцов-Дашков, княгиня Разумовская, князь Трубецкой и другие именитые россияне. Князь Вяземский, задержавшийся в ней по дороге в Рим в октябре 1834 года, называл «Золотой олень» *„лучшей в городе, но едва ли не худшей из всех немецких гостиниц“*. В этой же гостинице останавливалась Эрнестина с первым мужем, бароном Дёрнбергом, возможно, в январе-феврале 1833 года: *„...В час пришел ко мне Фефель (Карл Пфеффель), сказал, что сестра его жила когда-то над моей комнатой“*.

В октябре 1853 года, Эрнестина Тютчева приехала в Мюнхен и остановилась в гостинице «Маулик». (Этот факт подтверждают сразу два документа: досье Polizeikartenregister Nr. 38461 и газета «Königlich Bayerischer Polizei-Anzeiger von München», Nr. 83, 1853.) Карл Маулик в 1845 года купил в центре города, на Кауфингерштрассе 21, у виноторговца Альберта Макса старую гос-

тиницу «Чёрный орел». Изменение название гостиницы (и владельца) произошло уже после отъезда Тютчевых из Мюнхена. Эрнестина, как только приехала 23 октября, сразу же сообщила Фёдору Ивановичу, что остановилась в «Черном орле». Она жаловалась Тютчеву на *ледяные комнаты* и 26 октября переехала на Фюрстенштрассе 8 (к домовладельцу доктору Христюллеру). Тютчев 16/28 октября отвечал Эрнестине: „*Гостиница «Чёрный орел», где ты остановилась, вызывает у меня только одно воспоминание: что-то около двадцати лет назад я приходил в нее повидаться с Вяземскими, когда они были проездом в Мюнхене*“. Это воспоминание Тютчева не согласуется с записями Вяземского, который сообщал, что в 1834 году останавливался в «Золотом олене», а не в «Чёрном орле». В конце XIX века на карте Мюнхена вновь появилась гостиница «Чёрный орел», но по адресу Ландверштрассе 32. «Чёрный орел» не забыт и сегодня, но теперь это только роскошная уютная пивная в центральной части города (на Амалиенштрассе 26), владелец которой сохранил старый герб «Чёрного орла». Впрочем в Мюнхене сосуществуют два «Чёрных орла», неведаяющих друг о друге. Второй «Чёрный орел» называет себя попросту трактиром (Wirtshaus) и находится в окраинной части Мюнхена на Ландсбергерштрассе 456. Хозяйка трактира - баварка фрау Вайсс с русским именем Татьяна.

1 мая 1854 года Эрнестина с дочерьми выехала из Мюнхена в Дрезден и 11 мая приехала в Петербург.

Гостиница „Четыре времени года“ (на Максимилианштрассе 17).

В июне 1859 года, по дороге на курорт Вильдбад, Тютчев побывал вновь в Тегернзее и Мюнхене: „...*всё, что я вижу, представляется мне сном...*“

Здесь я остановился в «Четырёх временах года», где без тебя чувствую себя совсем не к месту". Возможно, что этот приезд Тютчева способствовал изданию через полтора года книжки переводов его 74 стихотворений, выполненных молодым ассистентом королевской и государственной библиотеки Генрихом Ное (1835-1896). «Четыре времени года» - новая гостиница, её строительство было завершено в 1858 году. Автор проекта - Р. Готтгетрой (R. Gottgetreu).

В тютчевское время адресом гостиницы был Максимилианштрассе 4. В 1903/04 гг. Хейлманн и Литтманн расширили здание гостиницы. Сегодня её адрес - Максимилианштрассе 17.

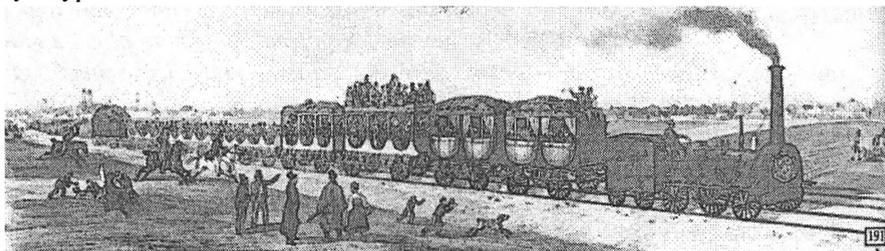
В 1931 году дорогая гостиница «Четыре времени года» была слишком шикарной для нациста Ганса Лаутензака: „Я мог бы, конечно, позволить себе роскошь остановиться в «Четырёх временах года». Но благоразумнее, если мы, видные деятели партии, не будем слишком выставлять себя на показ". Гостиница оказалась по карману более состоятельному герою романа Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак», баронессе Хильдегард фон Третнов. Автор ввёл гостиницу в фабулу романа, т. к. в ноябре 1923 года в ней действительно размещался штаб путчистов. В годы мюнхенской жизни романиста в кругу его знакомых был драматург Генрих Лаутензак (сконч. в 1919 году). Возможно, Фейхтвангер наделил своего персонажа какими-то чертами реального однофамильца.

Трактир «Чёрный орёл»

— „ПАР - ВЕЛИКИЙ ЧАРОДЕЙ...“

Тютчев, энтузиаст-путешественник, с восторгом встретил появление в Европе сети железных дорог. В его переписке многократно восхищения новым видом транспорта (письмо из Веймара от 10/22 сентября 1841 года): „*Благодаря железным дорогам, часть которых уже завершена, все эти города (Лейпциг и Дрезден) приблизились друг к другу, как по волшебству*“. В другом письме (из Дрездена от 27 сентября 1841 года) „*Надо согласиться, что пар - великий чародей, порою движенье так стремительно, так поглощающе, пространство так преодолено, сведено на нет, что трудно не поддаться чувству некоторой гордости*“. В Мюнхене первый паровозный гудок был услышан 1 сентября 1839 года. Вокзал располагался на окраине города, на Марсовом поле, в предместье Максфорштадт. Строений здесь почти не было и площадь представляла собой просто большой луг. Так как это место сразу же стало оживлённым, то здесь появились увеселительные аттракционы. На их месте в начале XX века был построен стационарный цирк «Krone» («Корона», нем.), существующий по сегодняшний день. (Позже был выстроен новый вокзал ближе к центру города.) Первая 62-километровая колея соединяла Мюнхен с Аугсбургом.

Первый железнодорожный вокзал в Мюнхене

Через год дирекция дороги решила отметить первый юбилей и устроила рекламный рейс, *Extrafahrt*. Но достойно организовать его не сумела, т. к. в пути сломался паровоз. Тютчев подробно и эмоционально описывает жене происшествие: „*Прочитав вчера, во время своей утренней прогулки, объявление о назначенном на сегодня Extrafahrt по железной дороге, я увлёк в эту поездку Мальтицев... Мы уехали в 4 часа и должны были возвратиться в 6. Вместо этого мы вернулись в город, когда било 10 часов. Поистине, беспорядок, анархия, глупость, царящие в этом учреждении, трудно себе представить. Очевидно, провидение, охраняющее детей и пьяниц, покровительствует этому предприятию. Только вмешательство провидения способно оградить его от страшнейших несчастий... 4-5 тысяч человек в полнейшей тьме, у большой дороги, ожидали поезда с тем, чтобы броситься в него, как только он появится и вынуждены были брать вагоны приступом, боясь, что в случае*

неудачи придётся провести ночь под открытым небом, в 5 милях от Мюнхен. Вопли, толкотня, опасность упасть под колеса, какой-то дьявольский фейерверк, пущенный неизвестно для чьей забавы... всё это заставило меня пережить несколько мгновений, когда я искренне порадовался твоему отсутствию... Давка была такая, что маленькая горбуня, которую я тащил на буксире, чуть было не потеряла свой горб. (Личность тютчевского „буксира“ ещё предстоит выяснить. В «Воспоминаниях» А. О. Смирновой-Россет. упомянуты несколько возможных кандидаток.) Несколько сот человек возвратятся в Мюнхен не ранее завтрашнего утра. Но зато завтра, несомненно, подыметесь страшный ропот против дирекции. Если бы публика не была столь добродушна, ни одного стекла не уцелело бы завтра в окнах управляющего, г-на Маффе".

Йозеф-Антон фон Маффей (1790-1870)

Выводы были сделаны: (Maffei) основал паровозостроительный завод и с 1841 года на железных дорогах появились мюнхенские надёжные локомотивы. Впрочем, описываемые неурядицы были редкостью и тютчевские восторги не уменьшались (письмо через год из Веймара): „Через некоторое время будет вполне закончена железная дорога между Лейпцигом и Берлином, и то путешествие, на которое доселе требовалось два дня, возьмет всего семь часов. Спустя некоторое время вся Германия, благодаря железным дорогам, займет на карте путешественника не большие места, чем занимает сейчас одна из её провинций".

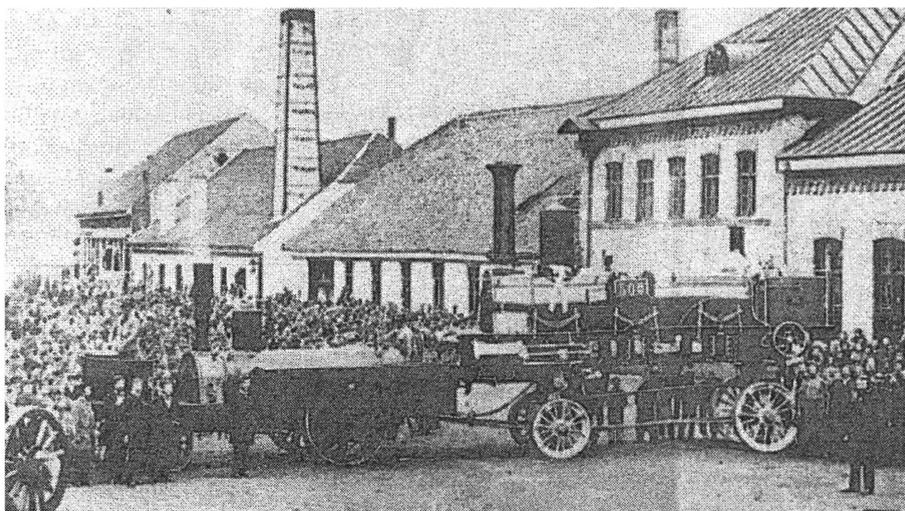
Западник-Тютчев полон впечатлений от путешествий по Европе (сентябрьское письмо 1842 года): „Я также с большим удовольствием повидал Бельгию с ее великолепными городами и селеньями, представляющими на пространстве трехсот верст от Рейна до моря один непрерывный сад, который, благодаря железным дорогам, проезжаешь в восемь часов времени". Совсем детский восторг (письмо из Берлина в июле 1847 года): „Железные дороги в соединении с хорошей погодой - истинное очарование". Или в октябрьском письме 1843 года из Мюнхена: „Из Берлина, благодаря железной дороге, мне потребовалось всего семь часов, чтобы приехать в Лейпциг, оттуда один час до Альтенбурга...". Время притупляло новизну дорожных ощущений и Фёдор Иванович иногда брюзжит (письмо из Москвы от 8 августа 1846 года): „Как отвратительно пребывать трое суток в катящемся ящике! Так ясно тогда сознаешь, как ты глуп". Восхищаясь новым видом транспортной связи, Тютчев понимал ее большое экономическое и политическое значение, особенно в условиях российских просторов. 20 августа 1851 года Фёдор Иванович акцентирует внимание президента Академии наук графа С. С. Уварова на этом обстоятельстве: „Действительно, то, что Москва приблизи-

ласть к Петербургу на 15 часов езды, является не только любопытным и интересным фактом, но может по справедливости считаться важным политическим событием". Тютчев полагает, что, т. к. западные общества духовно разобщены, то в Европе железные дороги сблизили и поставили лицом к лицу раздражённых друг другом людей. Славянофил-Тютчев настаивает: „Мне сдаётся, что мы вправе смиренно думать, что у нас в России будет не так, что всем нам, пока мы существуем, предстоит бороться с одним, действительно, реальным врагом - пространством. Следовательно, мы можем льстить себя надеждой, что по милости этого духовного единства, в котором у нас, поистине, нет недостатка, все, что способствует нашему пространственному сближению, послужит лишь укреплению подлинного единства и к усилению мощности целого. Достаточно говорили о Русском Колоссе. В конце концов признают, я надеюсь, что это - Великан, и великан, хорошо сложенный...”.

Знал ли Тютчев о сходной мысли в неотправленном полемическом письме Пушкина Чаадаеву от 19 ноября 1836 года: „...у нас свое предназначение. Россия, ее необъятные пространства, поглотили монгольское нашествие“, и далее: „Пробуждение России, развитие ее могущества, движение к единству...“?

Тютчевская прозорливость угадывала проблему феномена необъятности России.

В конце XX века экономисты сочтут этот феномен негативно влияющим на хозяйственное развитие страны. (См. «Огонёк» № 10, 1999. С. 12-16.)

Первые локомотивы фабрики господина фон Маффай

Имена некоторых немецких родственников Тютчева сохранены в мемориале Мюнхена. Фёдор Иванович дважды вступал в брак, оба раза с родовитыми аристократками-вдовами.

БОТМЕРЫ. Венчание по православному обряду Элеоноры Петерсон (урожд. графини фон Ботмер) и Фёдора Тютчева состоялось 27 января/8 февраля 1829 года. (Записи о венчании Тютчевых обнаружены в архиве Сальваторкирхи церковным старостой, греческим журналистом, г-ном Константином Котсовилисом.) Первый брак Элеоноры с Александром Йоханном Петерсоном длился с 15 декабря 1817 года до 6 октября 1825 года. Петерсон скончался в Нюрнберге. (Bayern. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, M7.) В этом браке было рождено трое детей: Карл (1818-1875), Оттон (1820-1883), Альфред (1825-1860). Первое упоминание о роде Ботмеров восходит к XII веку, временам крестоносцев. Сведения о генеалогии графов Ботмер хранятся в Баварском государственном архиве. Ботмеры не были баварцами. В 1696 году они получили баронский титул в Ганновере, в 1713 году - графский в Вене и только 8 декабря 1817 года подтвердили графский титул в Баварии. (Bayern. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, B9.)

Графиня Элеонора фон Ботмер родилась в Касселе 19 октября 1800 года. Большинство архивных генеалогических документов указывают именно на эту дату её дату рождения. Один документ называет 19 августа 1800 года. Сведения о других годах рождения Элеоноры: 1799 год, 1797 год (см.: Литературное наследство «Фёдор Иванович Тютчев» // М. 1989. Т. 97. Кн. 2, с. 188., 653) и 1801 год (см.: *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник 1853-1855 гг. / ... // М. ... 1928. С. 219) не соответствуют ни одному из архивных документов. При бракосочетании с Фёдором Ивановичем 27 января 1829 года Элеонора в Сальваторкирхе назвала датой своего рождения 18 октября 1801 года. (Archiv der Salvatorkirche. Hauptbuch für die griechische Kirche in München. Taufregister, S. 71.) В Касселе её отец, Карл-Фридрих-Хайнрих-Ернст граф фон Ботмер (1770-1845), вступил в брак 4 ноября 1799 года с Антуанеттой Ганштейн (1777-1826). После смерти Антуанетты у Карла Ботмера был ещё один брак, с Терезой Коппенфельс, но этот брак был бездетным. Элеонора была самой старшей. Всего в семье Ботмеров с 1800 года по 1816 родились, кроме Элеоноры, ещё 11 детей: Георг (1802-1823), погиб на дуэли; Луиза (1803-1876); Феликс (1804-1876); Фридрих (1805-1886); Жозефина (1806-1811); Адольф (1807-1887); Клотильда (1809-1882); Освальд (1810-1810); Ипполит (1812-1886); Карл (1814-1855); Максимилиан (1816-1878). Известны их жизнеописания. Не все они оставили след в тютчевской биографии и истории Баварии.

Упомянем о некоторых. Брат Элеоноры Феликс родился 19 июля 1804 года в Касселе. Он некоторое время состоял на российской службе, жил в Ми-

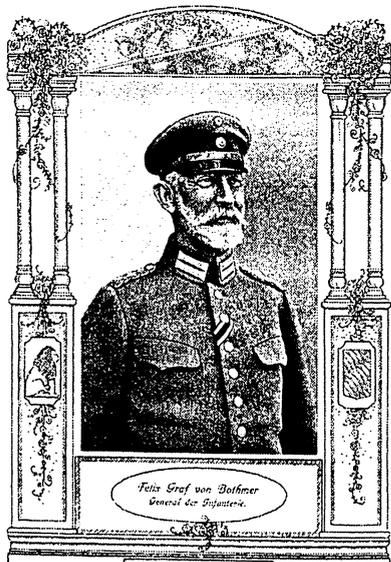
таве, Риге, Петербурге. Был в браке с графиней Хун, его младший сын, Максимилиан, породнился с российскими Давыдовыми.

Имя Фридриха встречается в тютчевской переписке: *„...провидение столкнуло меня в самой сутолоке (Лейпцигской ярмарки) с Фридрихом Ботмером, который приехал из Мекленбурга“*. (Письмо Тютчева Эрнестине 27 сентября 1841 года.) Для одной из ветвей старой дракенбургской генеалогической линии, к которой принадлежали Ботмеры, Мекленбург являлся их родным городом. В мурановском архиве хранится письмо Фридриха (1881 года) к племяннице, Екатерине Тютчевой.

Младшая сестра Клотильда была восьмым ребенком в семье. Она родилась в Мюнхене 22 мая 1809 года. Юной Клотильдой Тютчев был некоторое время увлечён. В 1839 году Клотильда вышла замуж за барона Мальтица, коллегу Фёдора Ивановича. После длительной разлуки, за три года до своей кончины, Тютчев последний раз встретился с Клотильдой. Она была уже вдовой. Предполагается, что Клотильде посвящён знаменитый шедевр *„Я встретил вас и всё былое...“*.

Самым безалаберным в семье Ботмеров был Ипполит. Служил в армии. Не выслужился. Трижды был женат и столько же разведен. Вторая его свадьба состоялась в Лондоне 24 мая 1856 года с мисс Минни. Пасынок Тютчева, Карл Петерсон, в марте 1858 года так высказался о своем дяде: *„...вышел пройдохой, авантюристом, прошел чрез разные, очень видные положения, все сумел испортить и теперь отправляется в Ост-Индию искать новых походов“*. Предпоследним родился Карл, в Ганновере, 3 января 1814 года. Прожил он 41 год. Его женой в мае 1844 года стала Анна Баумгертнер. Известно её письмо в 1845 году дочери Тютчева, Анне Аксаковой. Судьба самого младшего брата Элеоноры, Максимилиана, сложилась удачливее его одиннадцати братьев и сестер. Максимилиан почти 9 лет учился в кадетском корпусе, в армии дослужился до генерал-лейтенанта, стал начальником генерального штаба баварской армии, был инициатором её реформирования, во время франко-прусской войны был уполномоченным от Баварии при главной квартире кронпринца Фридриха Вильгельма. Максимилиан был блестящим оратором, энциклопедически развитым человеком во многих областях знаний и искусств, имел пятерых детей, двое сыновей стали генералами. В 1898 году в мюнхенском районе Нойхаузен фамилия брата Элеоноры Тютчевой была увековечена в названии улицы, Ботмерштрассе.

На одной из мемориальных плит в Галерее знаменитых баварских полководцев, Feldherrnhalle (на Одеонсплац) начертан следующий текст: *„В мировой войне 1914/18 гг. воевали плечом к плечу с немецкими братьями для прочного мира и свободы 1400000 баварцев. 200000 погибли за отечество. Баварскими руководителями немецкой и союзной армий были: генерал-фельдмаршал кронпринц Рупрехт Баварский, генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский, генерал-полковник Феликс граф Ботмер“*.

Генерал-полковник граф Феликс фон Ботмер (1852-1937), племянник Элеоноры Тютчевой.

Феликс Ботмер, сын Максимилиана, родился в Мюнхене 10 декабря 1852 года. Во время Первой мировой войны командовал Вторым баварским резервным корпусом, сражавшимся в Лотарингии, с июля 1915 года командовал Южной армией в Восточной Галиции (противостоял генералу Брусилову) и с февраля 1918 года командовал Девятнадцатой Армией в Лотарингии. В 1923 году граф не участвовал в гитлеровском путче, но в составе баварского генералитета не отказал в поддержке будущему фюреру. (*W. Görlitz, H. A. Quint. Adolf Hitler. Eine Biographie / Stuttgart. 1952. S. 201, 203*) Умер Феликс 19 марта

1937 года.

В нынешнем справочнике наименований мюнхенских улиц в статье о Ботмерштрассе к имени Максимилиана Ботмера добавлено имя его сына Феликса. В Мюнхене и сейчас живут графы Ботмеры, но они не знают, что в первой половине прошлого столетия их родственником был знаменитый русский поэт Фёдор Тютчев.

Старший сын Элеоноры от первого брака, пасынок Тютчева, российский дипломат Карл Петерсон, был женат на Марии Озеровой, дочери Ивана Озерова, посланника в Мюнхене с 1863 по 1880 гг.. (Иван Петрович Озеров скончался в Мюнхене.) Через Мещерских Озеров приходился дальним родственником Тютчевых. (Частное письмо Г. В. Чагина от 24. 08. 1998.) Дочь Карла и Марии Озеровой, Мария, родилась в Лиссабоне 12 августа 1856 года. Позже семья Карла Петерсона вернулась в Мюнхен и проживала по старому тютчевскому адресу: Оттоштрассе 6. 30 сентября 1879 года Мария, внучка Элеоноры, венчалась с Эдуардом Монжелá, внуком графа Максимилиана Монжелá (бывшего премьер-министра при короле Максe I Йозефе и позже соседа Тютчевых на Каролиненплац). Гражданский брак между ними был заключен через 9 лет: 14 декабря 1888 года. Свидетелями на бракосочетании Марии и Эдуарда были два Карла: Пфeффель, брат Эрнестины, и Д'Арко-Валлей. Третий Карл, Петерсон, не дожил до брака своей дочери, он умер в 1875 году.

Несколько слов о графах Д'Арко-Валлей. Мать Карла Д'Арко-Валлей, графиня Анна (урожд. Марескальки), упоминается в тютчевской переписке. Летом 1836 года Тютчев писал Ивану Гагарину: „В Мюнхене (во время холеры)

видишь либо беременных, либо только что разрешившихся женщин. В числе первых красивая госпожа Анна, которая поселилась в доме Майо в Английском саду". Александр Тургенев в дневниковых записях 1834 года графиню Д'Арко-Валлей сравнивал с мадонной Рафаэля.

21 февраля 1919 года граф Антон Д'Арко-Валлей, внук красавицы Анны, застрелил на Кардинал-Фаульхаберштрассе первого президента Баварской республики, социалиста Курта Эйснера-Космановски. Убийство президента было неоправданным актом террора, т. к. Эйснер-Космановски намеривался подавать в отставку в связи с поражением на выборах. Монархически настроенный юный граф пытался этим поступком заслужить признание патриотонационалистов. Мать графа, Эмми фон Оппенхайм, дочь кельнского банкира, была фрейлиной баварского двора. В ноябре 1923 года граф был участником гитлеровского путча и позже стал видным нацистом. Еврейское происхождение его католической матери не помешало карьере графа. (Погибли 48-летний Антон Д'Арко-Валлей и его 35-летняя жена Мария-Габриэла Д'Арко-Валей-Циннерберг, родственница по линии Д'Арко-Циннерберг, 29 июня 1945 года во время бегства в Австрию при автокатастрофе. См. *Dornberg, John. Hitlers Marsch zur Feldherrnhalle / München-Wien, 1983. S. 51.*) Род Д'Арко не угас по сей день.

Место гибели Курта Эйснера-Космановски

Гены Элеоноры и россиянки Марии Озеровой были переданы восьмерым наследникам графа Эдуарда Монжелá. Мария Монжелá скончалась в Мюнхене в 1932 году, пережив своего мужа на 15 лет. (Bayer.

Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Grafen, M7) Род Монжелá также ещё существует.

ПФЕФФЕЛИ. Во втором браке, с Эрнестиной баронессой фон Дёрнберг (урожд. баронессой фон Пфэффель), Фёдор Иванович состоял с 1839 года. Тютчев вошел в круг семьи с культурными традициями. „...она внучка славного Пфэффеля; отец её министром в Париже”, - писал А. Тургенев в дневнике 30 марта 1834 года, имея ввиду двоюродного деда Эрнестины, известного баснописца, и отца, посланника Баварии во Франции.

Герб баронов Пфэффель. Девиз герба «Берегись позора!»

Род Пфэффелей происходит из Аугсбурга (первый Георг Пфэффель упомянут в 1633 году), но баварское дворянство было подтверждено только 19 мая 1808 года, а баварским бароном отец Эрнестины стал лишь 5 января 1828 года. (Genealogisches Handbuch des Adels. Freiherrliche Häuser A. Band IX // Starke Verlag. 1977.) Мать, Каролина (1789-1811), - баварская баронесса фон Теттельборн. 28 сентября 1830 года Эрнести́на Пфэффель в Париже вышла замуж за баварского дипломата барона Фридриха Карла фон Дёрнберга (1796-1833).

Брат Эрнестины, Карл (1811-1890), был известным журналистом. У Карла от брака с Каролиной Роттенбург родились четверо детей: Эрнести́на (1836-1922), Мария (1838-1927), Каролина (1839-1914) и Хуберт (1843-1922). Каролина Паулина Роттенбург (1805-1872) - незаконнорожденная дочь Паула, принца Вюртенбергского, и актрисы Фридрики Рот. (Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Frhr., P13.) Старшая дочь Карла, Эрнести́на, в 1862 году стала женой видного немецкого дипломата, графа Карла Тауффкирхена. Позже один из районов Мюнхена будет назван этим именем. Другая племянница Эрнестины Тютчевой, Мария Пфэффель, в 1869 году вышла замуж за графа Фридриха Поччи. Отец Фридриха, Франц Поччи (1807-1876), был известным баварским литератором. Король Людвиг I приблизил его ко двору. Однако в историю баварской культуры Франц Поччи вошел не как обер-церемониймейстер двора, а как детский поэт и писатель, лирик, иллюстратор книг, переводчик, композитор, драматург, один из создателей театра марионеток (театра «Папы Шмида»), который существует и сегодня. В 1887 году мюнхенцы увековечили имя Поччи, шурина Эрнестины Тютчевой, в названии одной из улиц. Другая племянница Эрнестины, Кароли-

на, в 1862 году вышла замуж за Антона Августа Сетто, за внука того Сетто, который жил на Резиденцштрассе 6, где часто встречались молодые Фёдор Иванович и Эрнестина. Отец Антона Августа, Август Сетто, также был баварским дипломатом.

Род Пфэффелей угас, но гены Пфэффелей обильно передались их потомкам. Сегодняшним мюнхенским праправнукам Пфэффелей, семье барона Риттер-цу-Гроенештайн, известны все предки, более пятнадцати поколений, но о родстве с Тютчевым они не ведают. (Deutsches Familienarchiv. Ein genealogisches Sammelwerk. Neustadt an der Aisch. 1979. Band 72. S. 322.)

Тютчевы вернулись из Германии в Россию 3 октября 1844 года. Морским путем до Петербурга плыли на новом пароходе «Николай». Происшествий с пожарами не было: *„Переезд прошел благополучно, хотя и был отмечен ужасным штормом“*. Вернулись в Россию навсегда. Но зарубежные поездки, в том числе и в Германию, продолжались. 20-30 гг. XIX века были в Баварии годами расцвета культуры, искусства и даже демократии. В начале 40-х годов счастливая звезда короля Людвига I Баварского стала клониться к закату. Процесс расцвета перешел в стадию затухания. Многие деятели культуры стали покидать Мюнхен и переезжать в столицу Пруссии, Берлин. Усиление баварской оппозиции, использовавшей некоторые неудачные политические действия короля и внутренние неурядицы в королевском семействе, а также революционное движение в Германии и Европе привели к редкому эпизоду в истории баварской правящей династии - отречению в 1848 году короля Людвига I (в пользу сына, кронпринца Максимилиана). Но все эти исторические катаклизмы произойдут уже в отсутствие Фёдора Ивановича в Мюнхене. Тютчев позже оценит сложившуюся ситуацию в Германии и в незавершенном трактате «Россия и Запад» даст гениальный прогноз её последствиям: *„Что меня наиболее поражает в современном состоянии умов в Европе, это недостаток разумной оценки некоторых наиважнейших явлений современной эпохи,- например, того, что творится теперь в Германии... Это дальнейшее выполнение все того же дела, обоготворения человека человеком... Как только надлежащим образом опознают присутствие этой стихии, так и увидят повод обратить более пристальное внимание на возможные последствия борьбы, завязавшейся теперь в Германии,- последствия, важность которых способна, для всего мира, достигнуть размеров неисследимых...“*.

3. „ПРИВЁЛ ТЕБЕ С СЕВЕРА ПЕВЦА...”

Генрих Ноё

Тютчевы уехали в Россию в 1844 году. В Мюнхене остались друзья, немецкие родственники. Духовно близким для Фёдора Ивановича человеком был брат Эрнестины, жены Тютчева, Карл Пфеффель. Известно, какое взаимное уважение питали друг к другу муж Эрнестины и её брат. Семья баронов Пфеффель из поколения в поколение отличалась культурными традициями. В этой семье были и дипломаты, и пиатели-баснописцы, и писатели-историки. Сам Карл Пфеффель стал известным и авторитетным журналистом. Ещё в 30-е годы кругом общения молодых тогда Фёдора Ивановича и Карла Пфеффеля была элита баварской культуры. В дневнике историка Александра Тургенева, гостившего в Мюнхене в 1832 и 1834 годы, имена Тютчева и Пфеффеля упоминаются рядом с именами известных немецких учёных, писателей, дипломатов (Шеллинга, Тирша и др.). Тургенев даже пошутил как-то, что со времён развалин Рима вряд ли собирались вместе столь славные собеседники. Несомненно, Карл Пфеффель получил из Петербурга первую книжку стихов Тютчева, изданную в 1854 году, и надо полагать, что эти стихи не были положены на полку забвения. Импульсом к переводу стихотворений на немецкий язык послужил, вероятнее всего, кратковременный приезд Тютчева в Мюнхен летом 1859 года.

Письмо Эрнестине от Фёдора Ивановича из Мюнхена 15/27 июня 1859 года: *„Милая моя кисанька, я вернулся вчера вечером в Мюнхен с твоим братом и Гюбером (Hubert - сын Карла Пфеффеля), проведя сутки в Тегернзее <...> Я выеду отсюда сегодня вечером или, может быть, завтра утром”*. Тютчев сообщает, что остановился он в гостинице «Четыре времени года». Гостиница находилась на Максимилианштрассе 4. Под этим же названием на том же месте гостиница существует и сегодня, её адрес: Максимилианштрассе 17. Во время пожара в августе 1859 года сгорел гостиничный архив и нынешняя администрация не смогла подтвердить точную дату пребывания Тютчева в гостинице. (Письмо коммерческого директора гостиницы господина В. Рербейна от 18 февраля 1998 года.) Гостиница упоминается в романе Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак».

С кем встречался он, кроме семьи Пфеффеля в течение 14/26-16/28 июня, сейчас установить трудно. Тютчев, например, не мог не навестить на Театинерштрассе 11 российского посланника Дмитрия Северина, крестного

отца своих младших детей. Северин жил этажем ниже Карла Пфеффеля. (Handels- und Gewerbs-Adreß-Taschenbuch den Königlich-bayerischen Haupt- und Residenz-Stadt München, 1858.) Дом на Театинерштассе находился не более 400-500 м от гостиницы.

На Резиденцштрассе 6, это тоже очень близко, проживала семья барона Сетто, где 25 лет тому назад Тютчев часто встречался с Эрнестиной. В дневниках А. Тургенева имя Сетто часто упоминаемо. С этой семьёй в ближайшие годы (в 1862) Пфеффелям через младшую дочь Каролину предстояло породниться. (Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Frhr., P13) Со многими друзьями и родственниками Тютчев мог увидеться за один день и две ночи, предшествующие его отъезду из Мюнхена. Но вероятна встреча и с одним незнакомцем, будущим переводчиком упомянутой книжки стихов Тютчева, Генрихом Ноё. Судя по восторженному «Предисловию», которым предпосланы переводы, непосредственное воздействие обаяния Фёдора Ивановича на Генриха Ноё, по-видимому, всё же состоялось:

Предисловие

Русский поэт Теодор фон Тютчев (по-русски Федор Иванович Тютчев), лирические стихи которого я перевёл в стройную немецкую метрику, заслужил в течение двух десятилетий жизни в своём отечестве и других славяноязычных странах доброе имя задумчивого и задушевного умного лирика. В отношении его жизни можно сказать немного. Он сын русского дворянина из старинного дворянского рода. Родился в 1803 в Москве. Он учился там же и уже в свои 22 года был принят русским посольством в Мюнхене. Здесь оставался он в качестве атташе (с вынужденными перерывами из-за отпусков) до 1836 года. В том году он оставил Мюнхен в должности секретаря посольства. В Мюнхене в 1827 году он сочетался браком с вдовствующей госпожой фон Петерсон. В Турине Тютчев служил в течение некоторого времени в должности поверенного в делах. Вскоре из-за кончины жены он уехал из Турина. Затем Тютчев жил некоторое время, как частное лицо, в Мюнхене, где женился вторично. Его женой стала вдова, госпожа фон Дёрнберг, рождённая фон Пфеффель. В 1843 году Тютчев переехал в Петербург, где по сей день определён на службу в министерстве иностранных дел. Его отдельные стихи первоначально печатались в журналах «Современник», «Беседа» и др. Собранные вместе они впервые были изданы в Санкт-Петербурге в 1854 году. О характере этой поэзии, которая переведена также на большинство славянских языков, можно сказать, что она преподносит верное отображение современной русской души с её контрастами и противоположностями, с её размахом лирической способности, с её усталостью от суеты.

Образованность и развитие Тютчева - всесторонни. Подобно тому, как его родина с одной стороны близка к Западной Европе, а другой стороной обращена к Востоку, так и его восприятие впитало в себя и отзвуки западноевропейских песен, и параболическое богатство восточной фантазии. Его

вера в параллельное и взаимное проникновение природы и духа, в метафизическое значение творения привели бы нас к выводу о его философском квиетизме (квиетизм - поиск спокойствия души в Боге), если бы не мешал этому свет его изначальной индивидуальности, возникающий то тут, то там. Он - космополит. И сквозь отшлифованные утонченные мелодии его лирики, услышанной во многом у западных народов, звучат и грустные минорные тона, истекающие в бесконечном изобилии в родных напевах его народа. Как все мягкие натуры, он очень чувствителен, живет притягивающими и отталкивающими фантазиями и грёзами, приводящим к метаниям.

В его стихах чувствуется и язвительное, испорченное настроение Гейне, и проникновенность шиллеровского идеализма. Беспокойное мироощущения поэта не воспринимает ничего, кроме красоты. Он - прирожденный лирик, певец настроения. Желая этой книжечке выйти в свет и вставить еще одно, новое, крохотное колечко в большой цепи, соединяющей души, вопреки разделяющим их оболочкам.

Мюнхен, март 1861.

Переводчик.

Стиль изложения и точность оценок предполагают серьезную эрудицию автора, хорошее знание личности и творчества Тютчева. А ведь в июне 1859 года, когда предположительно к переводчику должны были попасть стихи Тютчева (они могли оказаться у него и ранее), Генриху Ноё ещё не исполнилось 24-х лет! И хотя совершенно очевидно, что сведения о Тютчеве изложены Генрихом Ноё не со слов Фёдора Ивановича, важен факт приоритетности появления на Западе краткой биографической и критико-литературоведческой справки о русском поэте задолго до публикаций российских биографов. Санкт-Петербургское издание 1854 года «Стихотворений» Тютчева вышло вообще без предисловия и справки о поэте.

В 1859 году юный Генрих Ноё занимал скромную должность ассистента в королевской библиотеке на Людвигштрассе. (Ноё жил на нижнем этаже в доме, принадлежавшем библиотеке, по Шёнфельдштрассе 17а, небольшой улочке, возле государственного архива, примыкающего к зданию библиотеки). Читателями библиотеки вполне могли быть члены семьи барона Пфедфеля. Дочери барона были ровесницами Генриха Ноё и, хотя их социальное положение с Ноё было неравным (Ноё не был дворянином), но сходство культурных запросов у этих молодых людей вполне могло способствовать их сближению. Несомненно пользователем библиотеки был и сам барон Карл. Поэтому очень вероятно, что при достаточной близости с семьёй барона, Ноё написал «Предисловие» всё-таки со слов маститого журналиста и единственного литератора из тютчевского окружения в Мюнхене, Карла Пфедфеля, который хорошо знал, понимал и ценил творчество русского поэта. Вероятно, идея издания стихотворений Тютчева на немецком языке при участии переводчика Генриха Ноё также принадлежит Карлу Пфедфелю.

Генрих Ноэ (1835-1896), первый переводчик сборника стихотворений Тютчева на немецкий язык.

Книжка переводов тютчевских стихов открывается не упомянутым выше «Предисловием», а другим авторским текстом: сонетом-посвящением, в котором поэт представляет поэта. В отечественной поэзии известно немало обращений к Тютчеву, в зарубежной - одно единственное: от Ноэ. Немецкий юноша-переводчик, восхищенный творчеством Тютчева, сразу, с первой страницы, вводит читателя в атмосферу высокой поэзии. В поэтическом слово-

творчестве у Ноэ рождаются мифологические образы Востока: волшебная страна добрых джинов, в которой обитает душа русского поэта (подстрочник автора):

*Я привёл тебе с Севера певца,
Но он поет не о стране, в которой родился,
Не о бескрайности, им унаследованной,
Не о сумерках, в которых рождается восход.
Он ищет и находит слова своим песням
В трудных звуках, совершенных и удивительных,
В просторе божественно-светлом и ясном,
Где обитают души со всего мира.
Вечный источник полуденной красоты
Разлился на пути его поисков,
И страна добрых джинов манит его.
Его более не окружает мирская мрачность.
Неугасимым самотворящим солнцем
Светит только ему открытое упоение.*

74 тютчевских стихотворения стали читаемы на немецком языке. Одним из первых читателей был кабинет-секретарь короля Людвига II, Франц Сераф фон Пфистермайстер (1820-1912). (Пфистермайстер отказывался фи-

нансировать затраты композитора Рихарда Вагнера, любимца короля, за что в 1866 году строптивный кабинет-секретарь остался без должности. Этот эпизод обыгран в фильме Лукино Висконти «Людвиг»). На шмуцтитуле книги, хранимой сегодня в городской библиотеке Мюнхена, Пфистермайстеру новогодняя дарственная надпись от Ноё: „Herrn Hofrath von Pfistermeister als schwaches Zeichnen seiner Ergebenheit und Dankbarkeit der Verfasser. München, 1 Januar 1862“ („Господину советнику двора фон Пфистермайстеру как слабый знак своей преданности и благодарности сочинителя. Мюнхен, 1 января 1862“). (Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaaßen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich Noe / München, 1861. Stadtbibliothek München, Sign: 27 635. S. 1.)

Читали книжку Ноё любители поэзии и следующих поколений. Тому свидетельством следующий пример. Среди переводов есть стихотворение «Der Schwan», перевод тютчевского стихотворения «Лебедь» („Пускай орел за облаками...“). Немецким поэтом придумана метафора, которой нет в тютчевском оригинале:

*Des Elementes Spiegel wallen,
So rein, wie du, an dich heran.*

Любопытно, что метафору „Des Elementes Spiegel...“, означающую стихию мироздания, позаимствовал позже у Ноё другой переводчик этого же стихотворения Тютчева, Фридрих Фидлер (1905): „Rein dir dein Element geweiht...“. Близкая метафора встречается и у Доротеи Хиллер фон Гаертринген (1934). Желание Ноё осуществилось: его книжка не была забыта и вставила свое крохотное колечко в цепь времён.

В 1828 году Тютчев с первой женой, Элеонорой (урожд. графиней Ботмер), её младшей сестрой Клотильдой и братом Николаем совершил путешествие в Тироль (через Зальцбург). Созерцание красоты Альп возле горы и озера Унтерсберг вдохновило Тютчева на цикл стихотворений, два из которых («Снежные горы» и «Утро в горах») вошли в сборник, оказавшийся у Ноё. (Ныне путешествие от Зальцбурга в район Унтерсберг на пригородном автобусе № 55 составляет 35 минут.) Возможно, что именно эти стихи оказались той последней каплей на весах судьбы молодого Ноё в окончательном выборе им жизненного пути.

Генрих Ноё родился 16 июля 1835 года в семье мюнхенских государственных служащих. Он учился в Мюнхене и Эрлангене естествознанию и языкам и вскоре владел в совершенстве 18(!) языками, в частности, кроме русского, знал южнославянские языки. После шести лет практикантских занятий в королевской библиотеке Ноё стажировался один год в библиотеке Британского музея и в 1864 году после защиты диссертации в Эрлангене получил научную степень доктора философии.

Книжка переводов Тютчева 1861 года была первым печатным трудом Ноё и, увы, единственным опытом его публичной поэзии. Поэтичность яркой и

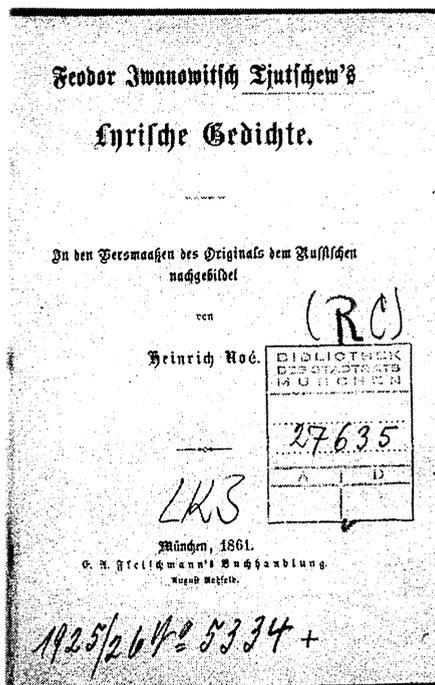
незаурядной личности переводчика Тютчева простирались далеко за пределы стихотворчества. Ноё становится свободным писателем и в качестве такового написал десятки толстых книг, и почти все они посвящены путешествиям. Так Генрих Ноё живёт среди южных славян, путешествуя по Краине, Истрии, Далмации, Боснии. Позже его рассказ об этих странствованиях займет 600 страниц 4-го тома «Немецкой альпийской книги». Поэзии Ноё не оставил. Его стихи вкраплены в многочисленные рассказы о путешествиях, как озёра на картах Альп, воспеваемые им всю оставшуюся жизнь. Путешествовал Ноё также в горах Франции и Испании.

Титульный лист мюнхенского издания 1861 года „Лирических стихотворений“ Фёдора Ивановича Тютчева на немецком языке в переводе Генриха Ноё

Странствовал Генрих сначала с друзьями, к которым позже присоединилась жена Катарина (она была моложе своего супруга на 10 лет), ещё позже - дочери Мария-Вальбурга и Лидия.

В своих увлекательных повествованиях Ноё красочно рассказывал о горной природе, обычаях народов, их фольклоре. Читатель узнавал о климате, геологических структурах и полезных ископаемых, о местной флоре и фауне. Ноё ищет и находит тропы Истории, пути, по которым передвигались народы и войска завоевателей (Ганнибала, Наполеона). Его своеобразные энциклопедии иллюстрировались лучшими художниками альпийских стран - Баварии, Австрии, Швейцарии, Италии: Карлом Шмидом, Томасом Ендером, Теодором Альфонсом, Джузеппе Канелла и многими другими.

Ноё хорошо знал творчество Гейне и многие впечатления Ноё звучны романтическим наблюдениям гейневского «Путешествия по Гарцу» (1826). Пример образного описания Генрихом Ноё Лунного озера, Мондзее, в австрийских Альпах (*Noe, Heinrich. Das Österreichische Seebuch // München. 1867. S. 21.*): „В диких движениях тумана луна то появлялась, то исчезала. Широкая поверхность озера поднималась и опускалась в пузырятом свете. Дрожащий рассвет стоял длинной линией горизонта, где он развивался и

искривлялся в воде и камнях. Но нам казалось, что лучше видеть священное озеро в свете созвездий. Вряд ли есть еще где-нибудь в горах озеро, чьи берега появляются удивительным способом преобразований и превращений от света луны в глади водной поверхностью. Озеро, если хотят его узнать, нужно увидеть только в этом сиянии", - это проза переводчика Тютчева. Но как непохож её язык на стиль автора вышецитированного «Предисловия».

У Ноё есть рассказ об одноимённых горе и озере Унтерсберг. Вот начало этого рассказа: „Как-то шёл я летним утром через холодное ущелье Новых Ворот. Я хотел выйти из болота, над которым возвышался синий Унтерсберг. На фоне неба выделялась только маленькая снежная плоскость, которая блестела своими рёбрами". Поэт Ноё, впечатлительный наблюдатель картин горной природы, не довольствуется повествовательной формой описания. Его проза естественно и как бы помимо воли автора переходит в ритмический нерифмованный стих (перевод автора):

<i>Мрак населяют только духи</i>	<i>В скалах</i>
<i>В оврагах волчьих,</i>	<i>В ночные пропасти</i>
<i> небольших утёсах,</i>	<i> потоки рвутся,</i>
<i>Болотах топких и опасных.</i>	<i>Все островки смывая.</i>

Щедрой палитрой художника Ноё изображает далее картину утра в горах (подстрочник автора, в оригинале текст рифмован 4-х стопным хореем):

<i>Одухотворенному слуху</i>	<i>Он трубит и провозглашает,</i>
<i>Звучит рождение нового дня!</i>	<i>Глаза удивлены, слух изумлён:</i>
<i>С шумом срывается свет,</i>	<i>Слышится неслыханное...</i>

За 39 лет до Ноё в этих же местах путешествовал Тютчев. Торжественная утренняя красота гор возбудила сердце русского поэта:

<i>Лазурь небесная смеётся,</i>	<i>Лишь высих гор до половины</i>
<i>Ночной омытая грозой,</i>	<i>Туманы покрывают скат,</i>
<i>И между гор росисто вьётся</i>	<i>Как бы воздушные руины</i>
<i>Долина светлой полосой.</i>	<i>Волшебством созданных палат.</i>

Этот тютчевский стих «Утро в горах» хорошо знал Ноё еще в 1861 году. Кстати, чёрным мрамором, взятый возле горы Унтерсберг, были облицованы тогда ступени к бронзовому обелиску павшим в России баварцам. И Тютчев, и Ноё знали этот памятник, установленный на Каролиненплац.

В «Bayerisches Seebuch» («Книге о баварских озёрах») есть небольшая глава «Ammersee», в которой Ноё уделяет полстранички религиозным процессиям с игровыми представлениями из жизни Иисуса Христа, Passionsspiele, традиционно разыгрываемые еще с XIII века один раз в 10 лет. Происходят лицедейства в летний сезон и известны далеко за пределами Баварии. В районе селения Обер-Аммергау (в долине реки Аммер, впадающей в Аммерзее, озера

недалеко от Мюнхена) на время религиозных празднеств съезжаются многочисленные туристы со всей Европы. Тютчев хорошо знал эти представления. В августе 1840 года их пыталась увидеть и Эрнестина, вторая жена Фёдора Ивановича. Тютчев ей писал в Тегернзее из Мюнхена: „Я буду очень раздосадован, если из-за этой задержки (встречи с великой княгиней Марией Николаевной, гостившей в Мюнхене) тебе не придётся съездить в Аммергау, но, с другой стороны, сильно сомневаюсь, чтобы эта поездка доставила тебе большое удовольствие. Ещё в прошлый раз, когда туда ездили Мальтицы (в июле того же 1840 года), не было возможности достать комнатку в городке. Придётся ездить ночевать на два перегона дальше и вставать в три часа утра, чтобы попасть к началу представления. Найдётся ли развлечение, которое ты согласишься бы оплатить такою ценою?“.

Летом 1900 года тут путешествовал русский поэт, художник-пейзажист Максимилиан Волошин. В рассказе «В Обер-Аммергау» Волошин живописно и подробно описывает традиционные зрелища-мистерии. (Волошин М. А. Путник по вселенным // М. 1990. С. 19-29.) Поэту показалось, что эти представления, остаток прекрасного средневековья, теряют в угоду любопытствующим праздным туристам свою первобытную свежесть и религиозную наивность. Расстроенный художник „шёл с мешком за плечами по сырой горной тропинке по направлению к белевшим вдали Альпам Тироля. ...А в голове звенели слова Гейне (из «Путешествия по Гарцу», пер. М. Михайлова):

*Ухожу от вас я в горы,
Где живут простые люди,
Где свободный веет воздух
И дышать свободней груди.
В горы, где синеют ели,
Звонки, зелены, могучи,
Воды плещут, птицы свищут
И по воле мчатся тучи... "*

Величие горной природы возвышало и очищало душу, возбуждало поэтический настрой у талантливых лириков - Гейне, Тютчева, Ноэ, Волошина...

Ноэ основывает туристские альпийские общества в Австрии, Швейцарии, Мюнхене. Он переезжает из Мюнхена в Вену и с 1875 года начинает выпускать там «Alpenzeitung», а с 1894 года - «Laibachter Zeitung».

Переводчик Тютчева, Генрих Ноэ, умер 26 августа 1896 года в больнице альпийского городка Боцен, на севере Италии. На боценом лютеранском кладбище ему установлен памятник. Книги Ноэ, признанного классика немецкой литературы о путешествиях, издаются по сей день.

4. ТЮТЧЕВ И ПЕРСОНАЖИ КАРТИНЫ ФИЛИППА ФОЛЬЦА

В дни 16-го Октоберфеста (в 1825 г.) образованнейшим монархом Европы стал король Людвиг I Баварский. Ко времени коронации у него были дипломы двух лучших университетов Германии и длительное обучение искусству в Италии. В Мюнхен были им приглашены талантливые ученые, зодчие, художники. Вторая четверть прошлого столетия ознаменована в Баварии культурным ренессансом. Король сам охотно сочинительствовал литературные произведения: драмы, поэмы. Архитекторы строили замечательные дворцы, музеи, галереи. Лучшие здания сегодняшнего Мюнхена были построены именно при Людвиге I. Путешествующие по Европе россияне были восхищены размахом впечатляющего строительства в столице Баварии. Многие живописцы были личными друзьями короля и всегда загружены августейшими заказами. Король грамотно участвовал в разработке сюжетов, композиций. Деятели искусства искренне уважали вкус короля. В образах картинной живописи Людвиг стремился запечатлеть своих приближенных, современные исторические события, жизнь двора, справедливо считая, что потомки о его времени будут судить не по запыленным архивным документам, а по прекрасным произведениям искусства.

Одним из крупнейших событий европейской жизни 30-х гг. было международное соглашение между Грецией и Баварией при участии России, Англии и Франции об избрании 17-летнего сына Людвиг I, принца Отто, королем Греции. Проект соглашения разрабатывался профессором мюнхенского университета д-ром Тиршем. Последние несколько лет Тирш отработывал детали плана, согласовывая уточнения с заинтересованными сторонами. Существенный нюанс идеи Тирша - необходимость несовершеннолетия иностранного претендента на греческий престол. При этом юноша-король по плану Тирша будет управлять страной с помощью регентского совета, который должен состоять из влиятельных лиц его родины. К моменту достижения совершеннолетия молодой король должен уже получить достаточное греческое воспитание. Со стороны России дипломатическую поддержку обеспечивал Фёдор Иванович Тютчев. 13 февраля 1832 года великие державы в Лондоне согласились с кандидатурой принца Отто Баварского в качестве будущего греческого короля. 8 августа Национальное собрание Греции избрало сына Людвиг на греческий престол. В октябре 1832 года в Мюнхен прибыли посланники Национального собрания: адмирал Андреас Миаулис, генералы Костас Ботцарис и Димитриос Плапоутас, с просьбой к Отто выполнить пожелание Национального собрания.

...6 декабря 1832 года юноша-король отправился на царство в чужую страну. О трогательности расставания молодого человека с родителями и подданными писали все газеты. Оно было истинно волнующим со слезами на глазах у всех провожающих: *„Молодой потомок дома Виттельсбахов, второй королевский сын, восходит на греческий престол. Король Отто сегодня утром в 10 часов последовал в путь к своему славному назначению в Грецию в сопровождении Их Величеств короля и королевы и Его королевского Высочества кронпринца. Улицы столицы, по которым следовало королевское шествие, кишели бесчисленными людьми, желавшими продлить в памяти дорогое лицо всеми любимого королевского сына. Не было глаз без печали и сердца, неохваченного искренней тоской от противоположаемой разлуки. Греция принимает бесценный дар от Баварии, она принимает короля Отто, суверена, который одарен редчайшим добрым сердцем...“*. («Münchener Politische Zeitung», 6 декабря.) Ещё одна цитата: *„Вчера в 10 часов утра из двора королевской резиденции выехал кортеж. Но уже за час до этого собралось большое количество жителей Мюнхена. Его Величество король Отто ехал в карете своих родителей. Сзади ехали кареты свиты. Весь кортеж медленно следовал по главным улицам столицы и выехал из города по мосту через Изар. Их королевские Величества королева и король Отто были искренне во власти тяжелого прощания. Присутствующие были свидетелями захватывающей сердце грустной сцены. Ни у одного из провожающих не было сухих глаз...“*. («Münchener Conversation Blatt, Nr. 342, 7. Dezember 1832.»)

Присутствовал ли Тютчев на проводах Отто? С определенной долей уверенности на этот вопрос можно ответить отрицательно. В опубликованной переписке Тютчева отсутствует какое-либо его мнение по поводу столь неординарного события. Но зато, как впечатлительно он реагировал через 10 лет на приезд в Мюнхен принцессы Марии 11 октября 1842 года. 17-летняя дочь принца Вильгельма Прусского за шесть дней до того обвенчалась в Берлине с кронпринцем Максимилианом Баварским, старшим сыном Людвига, и в качестве кронпринцессы прибыла в Мюнхен на постоянное место жительства. (В браке с Максимилианом Мария-Фридерика-Франциска-Августа (1825-1880) родила в 1845 году будущего короля Людвига II Баварского и в 1848 году принца Отто.) Её приезд совпал с ежегодными осенними празднествами, Oktoberfest, и с предстоящим собственным днем рождения, 15 октября. Тютчев тогда писал: *„Людвигштрассе представляла собой великолепное зрелище: на всем своем протяжении она казалась вымощенной человеческими головами, столь тесно прижатými одна к другой, что они казались неподвижными, а затем, когда по мере приближения экипажа принцессы они приходили в движение - в мерцательном движении толпы было нечто столь мощное и бурное, что его нельзя было наблюдать без некоторого головокружения. Я никогда не видел ничего подобного“*.

...Давно уже в небытие и репортеры, и провожающие. Кто сейчас прочтет газету почти 170-летней давности!

Людвиг I желал, чтобы потомки познали его время и через образы картинной живописи. Король не ошибся: почти все картины, созданные художниками двора, время пощадило. Было создано более десяти иконографических Отто-памятников, в том числе несколько полотен с изображением групповых портретов. Интерес представляет произведение придворного художника Филиппа Фольца (1805-1877), которое живописец назвал «Прощание короля Отто I Греческого с Мюнхеном 6 декабря 1832». Фольц - мастер миниатюры, ученик знаменитого художника Петера Корнелиуса, друг не менее известного скульптора Людвиг Шванталера, вырос в семье художников. Имена его прадеда, отца, брата и племянницы Вы прочтете в современных художественных лексиконах. Свой жизненный путь Филипп Фольц завершит в качестве директора художественного музея «Новая Пинаотека»

Отправьтесь в названный музей, посетите 4-а зал и Вы увидите на небольшой картине художника Филиппа Фольца (размером всего 62,3 x 48,5 см) короля-подростка Отто I Греческого в окружении большой группы лиц. Это цвет баварского дворянства. Персонажи плотно расположены на площадке и ступеньках широкой парадной лестнице королевской резиденции. Вы обзрываете всех, но главных персонажей здесь всё-таки только двое: мальчик и мама. Толпы придворных для них не существует. У мамы тяжелые предчувствия, которые не обманут. На картине изображены все восьмеро её детей, но судьба королевы Терезы - до конца дней своих молить Всевышнего только о своём втором сыне, Отто.

...Людвиг изображён возбужденным и активным. Он повернулся в сторону от сына и выразительно дает напутствие греческой депутации.

Рассматривая полотно, вживаясь в действие, Вас не покидает ощущение, что прощание Отто с баварским двором, как названа картина, не основная её тема. Хотя взгляды всех персонажей устремлены на баварского принца, чувствуется искусственность ситуации. Слишком много людей изображено ради лицемерия расставания двоих. Всмотритесь: Отто прощается только с королевой, а не со всем двором.

Известно, что, выполняя поручение Людвиг, художником были написаны эскизные варианты. На первом эскизе персонажей только двое: королева Тереза и её сын принц Отто. Они прощаются друг с другом в её покоях. Сцена интимная, не для посторонних. Оба опечалены предстоящей разлукой. Художник передал сцену прощания трогательно и через чур прямолинейно. Во втором варианте без изменения поз прощающихся были добавлены свидетели: король и еще 14 придворных. Эскизы не удовлетворили заказчика. Он желал большего: Людвиг хотел, чтобы на полотне был весь или почти весь двор и даже те придворные, кого он не очень жаловал.

И тогда Фольц, великолепный миниатюрист, сохранив композицию интимного прощания первого эскиза, переместил событие из покоев в парадный вестибюль (со стороны Хофгартена), где разместил, соблюдая таблицы о рангах, еще более 50 персон: 12 членов королевской семьи, 8 фрейлин и камергеров, 2-х гуманитариев (профессора Тирша, главного инициатора возведения баварского принца на греческий престол, и архитектора Кленце, единственного простолюдина на картине, дворянскую приставку *фон* ему еще предстоит получить через пол года), 2-х священников, 3-х министров, 10 офицеров всех званий (от обер-лейтенанта князя Турн-унд-Таксиса до фельдмаршала князя Вреде), 3-х членов регентского совета, 3-х депутатов греческого Национального собрания, баварских и греческих адъютантов и других господ. (См. список персонажей в кн.: *Röttgen, Steffi. Erinnerungsmaße an König Ottos Abschied in Bayern*, in: Athen - München. Bayerisches Nationalmuseum, Bildführer 8, München 1980. S. 95-98.)

Фрагмент картины Филиппа Фольца «Прощание короля Отто I Греческого с Мюнхеном 6 декабря 1832». Мюнхенский музей «Новая Пинакотека» (1833).

Перед нами на одной картине портреты главных персон Баварии первой трети прошлого века. На этом групповом портрете нехватает надписи: „*Потомкам на па-*

мять“. (Идея групповых портретов с королём в центре внимания позже была многократно воплощена на полотнах разными художниками двора: «Король наблюдает за строительством колосса «Бавария»», «Король среди стеклодувов», «Король присутствует при строительстве «Walhalla» («Галереи славы»)), «Король в «Обществе мюнхенских художников» и др.) Все изображенные лица выполнены тонкой кистью талантливого мастера и достаточно узнаваемы.

Без сомненья российский дипломат Фёдор Тютчев, завсегдагатай дипломатических раутов, королевских приёмов, балов в высшем свете, знал королевский двор хорошо, со многими лицами, изображёнными Фольцем, был лично знаком. Упомянем коротко лишь о некоторых.

1 König Otto von Griechenland	26 Generalleutnant Karl Graf zu Pappenheim
2 König Ludwig I. von Bayern	27 Innenminister Ludwig Crato Carl Fürst von Oettingen-Wallerstein
3 Generalmajor Carl von Heideck	28 Carl Graf von Rechberg
4 Joseph Ludwig Graf von Armansperg	29 Clemens Graf von Törring-Seefeld
5 Staatsrat Georg Ludwig von Maurer	30 Generalmajor Anton Freiherr von Glimppenberg
Fürst von Oettingen-Wallerstein	31 Staatsrat Bernhard von Grandaur
6 Geheimer Legationsrat Karl August von Abel	32 Generalkommissär Carl Graf von Seinsheim
7 Griechischer Geistlicher	33 Generalleutnant Max Graf von Preysing
8 Oberbaurat Leo von Klenze	34 Oberleutnant Alexander von Hagens
9 Hofrat Professor Dr. Friedrich Thiersch	35 Generalleutnant Franz Graf von Pocci, Obersthofmeister der Königin
10 Hauptmann Josef von Asch, Adjutant des Königs Otto	36 Domprobst Johann Georg von Oetli, Erzieher des Königs Otto
11 Hauptmann Friedrich Graf von Saporta, Adjutant des Königs Otto	37 Carl Ludwig Philipp Freiherr von Keßling, Oberststallmeister
12 Oberst Franz Graf von Paumgarten	38 Friedrich August Freiherr von Gise, Staatsminister des königlichen Hauses und des Äußeren
13 General Costa Bozaris	39 Generalfeldmarschall und Generalinspekteur Carl Philipp Fürst von Wrede
14 Admiral Andreas Miaulis	40 Generalfeldmarschall Prinz Karl, Bruder König Ludwigs
15 General Dimitri Koliopulos Plaputas	41 Kronprinz Maximilian, der spätere König Max
16 Prinz Luitpold, der spätere Prinzregent	42 Antonia Freiin von Täuffenbach mit dem Prinzen Adalbert und den Prinzessinnen: Adelgunde, Hildegard und Alexandra
17 Prinzessin Mathilde	
18 Königin Therese, Gemahlin König Ludwigs	
19 Amalie Freiin von Rottenhoff	
20 Maximiliane Freiin von Mandl	
21 Prinz Max von Leuchtenberg	
22 Sophie Gräfin von Gravenreuth	
23 Maria Theresia Gräfin von Deroz	
24 Generalmajor Constantin Fürst von Löwenstein-Wertheim	
25 Oberstleutnant Joseph Fürst von Thurn und Taxis	

BILD 18 auf Seite 98. Abschied des Königs Otto von seiner Familie von Philipp Foltz.

Список персонажей картины Филиппа Фольца из путеводителя Штеффен Рёттген «Афины - Мюнхен. Баварский национальный музей».

Член регентского совета генерал КАРЛ ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ХАЙДЕК, он же Хайдеггер (1787-1861), - персонаж № 3. В регентстве Хайдек должен был заниматься военными вопросами Греции, но гены предков, художников по шёлку, оказались сильнее и генерал оставил потомкам много удачных зарисовок современной ему Греции. В последние годы жизни Хайдек целиком посвятил себя живописи, традиционному увлечению своей фамилии. Хайдек явно симпатичен Фольцу и королю. На картине он изображён стоящим ближе к Людвигу, чем к Арманспергу, председателю регентского совета. Женился Хайдек только в 46-летнем возрасте (20 марта 1833 года) на Каролине Биндер, а 11 июня того же года в семье Хайдеков родилась дочь, тоже Каролина, или по домашнему Лина. Лина была ровесницей детей Тютчева. Известно её письмо (с неустановленной датой) к старшей дочери Фёдора Ивановича, Анне Аксаковой.

Принц МАКСИМИЛИАН ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ, точнее Максимилиан Евгений-Иосиф-Август-Наполеон, младший сын Евгения Богарнэ, пасынка Наполеона, и принцессы Августы, сестры Людвиг I, - персонаж № 21. В 1835 году Максимилиану предстоит стать герцогом (после смерти старшего брата Карла-Августа-Евгения-Наполеона). Так как в списке персонажей Максимилиан указан уже с герцогским титулом, то, очевидно, цитируемый список составлен после получения им титула.

Имя Максимилиана Лейхтенбергского в тютчевской переписке встречается в нейтральных тонах. В 1837 году герцог вступил в брак с великой княгиней Марией Николаевной (1819-1876), дочерью Николая I. Анна Тютчева, старшая дочь Фёдора Ивановича, фрейлина двора, ярко описывая Марию Николаевну, более определенно характеризует её мужа: „*К несчастью, она (Мария Николаевна), была выдана замуж в возрасте 17 лет за принца Лейхтенбергского, сына Евгения Богарнэ, красивого малого, кутилу и ищрока*“. Однако герцог был не только кутила. Максимилиан интересовался электричеством, горным делом, был президентом российской Академии художеств, основал бесплатную лечебницу, построил недалеко от Петербурга паровозный завод. От брака Марии Николаевны и Максимилиана родились семеро детей. Род герцогов Лейхтенбергских не угас: последний известный Константин-Александр-Петр герцог Лейхтенбергский родился в 1965 году. (Дворянские роды российской империи. СПб. 1993. Т. I, с. 14.) После смерти герцога Лейхтенбергского (в 1852 году) Мария Николаевна тайно, против воли императора, венчалась со шталмейстером двора графом Г. А. Строгановым (1824-1879). Их дочь Елена (1861-1908) в первом браке была за В. А. Шереметьевым, родственником тютчевской семьи.

Баварский дипломат генерал-майор князь КОНСТАНТИН ЛЁВЕНШТЕЙН-ВЕРТХАЙМ - персонаж № 24. Знакомство Лёвенштейн-Вертхайма с Тютчевым состоялось задолго до событий декабря 1832 года. В

феврале 1826 года князь и Фёдор Иванович вместе возвращались в Мюнхен из Петербурга. Оба были свидетелями декабрьских волнений 1825 года в северной столице России. Их рассказы в кругу дипломатов передавались по дипломатическим каналам иностранным правительствам. Сохранилось донесение вюртембургского посланника своему королю с содержанием этих сообщений. (Тютчев о восстании декабристов / Сообщение А. Глассе (США) // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2, с. 435.) В июле 1826 года декабристам были вынесены судебные приговоры, на которые последовала эмоциональная поэтическая реакция Тютчева «14-ое декабря 1825». Считая выступления декабристов безрассудными, Тютчев называет царизм *вековой громадой льдов, зимой железной*.

В апрельских 1834 года дневниковых записях Александра Тургенева князь Лёвенштейн-Вертхайм и его жена Агнес, урожд. принцесса Гогенлоз-Лангенбург, упоминаются в неровной тональности. 25 апреля: *„...Вечер, обошед дома, провел у гр. Сетто. ...говорил с принцессой Лёвенштейн“*. 27 апреля до полудня: *„...Гулял с (Амалией) Криденер и с (принцессой) Лёвенштейн“*. 27 апреля после полудня: *„...мы разговорились (с Карлом Пфедфелем) о притворстве Лёвенштейна и жены его“*. В этой реплике скрыто какое-то неприятие семьи князя не только Тургеневым, но и мюнхенским обществом, в том числе, вероятно, и королем, главным сценаристом картины, поставившего князя спиной к зрителю. Оригинальная манера - писать портрет со спины! Чем насолил князь королю? Жена князя, *притворица* Агнес, родовитая принцесса, на картину и вовсе не попала. Может быть всё дело в жене!! Психологи учат: если Вас демонстративно не замечают, значит Вы в центре внимание...

Генерал-лейтенант граф КАРЛ ЦУ ПАППЕНХАЙМ - персонаж № 26. В дневнике 1834 года Александр Тургенев упоминает: *"26 апреля. ...Заходил к Тютчевым. Обедал у графа Папенгейма, командира здешних войск"*. Тургенев заходил к Тютчевым на Каролиненплац и к Паппенхайму на Бриеннерштрассе 19. А по соседству, на Бриеннерштрассе 18, с 6 сентября 1839 года до 24 февраля 1840 года жил Тютчев (во втором доме Кирхмайера). В отличие от Тютчева, проживавшего в доме, снятом внаём, граф цу Паппенхайм жил в собственном небольшом дворце, построенном по проекту архитектора Лео фон Кленце.

Обер-гофмейстер короля граф КАРЛ ФОН РЕХБЕРГ, персонаж № 28, причастен к жизни Тютчева через свое окружение. Жена графа, Ипполита, художница-дилетантка, 9 марта 1836 года в Женеве писала портрет Тютчева. Рядом с Фёдором Ивановичем была тогда его будущая жена Эрнестина. Позже, когда в феврале 1840 года Тютчев переедет на Оттоштрассе 6, его соседом в этом же доме, но выше этажом, будет родственник графа Рехберга, Август, государственный советник, генерал-комиссар, президент высшего апелляционного суда. Рехбергам принадлежал большой дом, Рехбергский

дворец, на Хундсгугель 7 (сейчас Хакенштрассе 7), в котором в 1828 году (с января до августа) проживал Генрих Гейне, а в августе 1844 года перед выездом в Россию в квартире Карла Пфедфеля ненадолго останавливалась семья Тютчевых.

Фрагмент литографии с портрета Грандаура (1776-1838). Мюнхенский городской музей

Любопытная история произошла с персонажем № 31 по списку Рёттген, кабинет-секретарем БЕРНХАРДОМ ФОН ГРАНДАУРОМ (1776-1838). Появление на картине Фольца этого лица объясняется его несомненным влиянием при дворе, т. к. Грандаур занимал в правительстве значительный пост кабинет-секретаря и вёл финансовые дела королевской семьи. Проследить знакомство Грандаура с Тютчевым не удаётся. Но истории было угодно связать эти два имени уже в наше время. Дело в том, что миниатюрный портрет в профиль без достаточно четкой детализировки внешности 58-летнего Грандаура на картине Фольца несколько схож с известными портретами молодого Тютчева. Это сходство ввело в заблуждение современного английского слависта-литературоведа Рональда Лэйна. Лэйну не удалось разыскать список портретов картины Фольца и круг узнаваемых им лиц был невелик. Лэйн предположил, что единственный персонаж в очках, изображенный в профиле в четвертом ряду левой части картины, очень похож на Тютчева. В блестящей статье «Кто изображен на картине Филиппа Фольца?» («Литературное наследство». Т. 97. Кн. 2, с. 441) Лэйн провел почти криминалистическую экспертизу в пользу своей гипотезы. Доказательства Лэйна были столь убедительны, что редакция «Литературного наследства» сочла избыточным предупреждение Лэйна о неполной достоверности идентификации изображений Тютчева и портрета неизвестного Лэйну лица и ссылалась в других материалах на статью английского исследователя, как на факт безусловно доказанный.

В своей публикации Лэйн благодарит мюнхенского искусствоведа доктора Барбару Эшенбург за оказанную, но, увы, нерезультативную помощь в поиске списка персонажей картины Фольца. Между тем, в библиографии упомянутой книги о короле Отто Греческом, соавтором которой являлась также госпожа Эшенбург, указана книга Штеффи Рёттген с вышеприведенным списком портретов картины Фольца. В запасниках музея, где работала тогда госпожа Эшенбург, находилась литография портрета Грандаура, выполненная Готлибом Бодмером в 1834 году с картины неизвестного мастера. (Münchner Stadtmuseum, Inventar-Nr.: MIV.899.) На литографии изображен в анфас моложавый не по возрасту Грандаур, который, действительно, несколько

напоминает Тютчева... Главная причина ложных выводов английского слависта заключалась в принятии сомнительной гипотезы о фотографической документальности художественного произведения, каким является картина Фольца.

В администрации двора самым удивительным человеком был обер-гофмейстер королевы Терезы, граф ФРАНЦ ФОН ПОЧЧИ. Франц Поччи (1807-1876) - известный баварский литератор (персонаж № 35). Король Людвиг I приблизил его ко двору. Однако в историю баварской культуры Франц Поччи вошёл не как обер-церемониймейстер двора, а как детский поэт и писатель, лирик, иллюстратор книг, переводчик, композитор, драматург, один

из создателей театра марионеток (театра «Папы Шмида»), который существует по сей день. Сын Франца, Фридрих, женился на старшей дочери Карла Пфэффеля, Марии (1838-1927), племяннице Эрнестины Тютчевой. (Bayer. Hauptstaatsarchiv, Adelsmatrikel, Frhr., P13) В 1887 году мюнхенцы увековечили имя графа Поччи в названии одной из улиц.

Франц фон Поччи

С принцем КАРЛОМ, братом Людвиг I, персонажем № 40, Фёдор Иванович знаком был хорошо, часто встречался в неофициальной обстановке. В июле 1840 года Тютчев общался с родителями из Тегернзее: *„Эти дни мы всюду предавались празднествам благодаря госпоже Крюденер; она приехала сюда месяц тому назад, и намедни мы справляли ее именины. Заботу обо всем взяла на себя принц Карл, брат короля“*.

Король ЛЮДВИГ I БАВАРСКИЙ указан в списке действующих лиц картины Фольца под № 2. В тютчевской переписке король упоминается многократно. Имя Тютчева встречается и в королевских письмах.

Монарх картину придворного живописца одобрил. Однако историчность события, по его мнению, была запечатлена недостаточно полно. И тогда другому художнику, Петеру фон Хессу, была заказана картина, на которой зритель мог бы увидеть ликующих греков при встрече с их молодым королем. Хесс выполнил желание Людвиг I и написал картину: «Въезд короля Отто Греческого в Навплию 6-го февраля 1833 года». Навплия - морской порт, временная столица Греции. Хесс превзошел себя: на колоссальном пространстве полотна 273 x 416 см изображены сотни людей. Гарцующий юноша в сопровождении свиты адъютантов, регентского совета, греческой депутации, отряда конной охраны торжественно сходит на берег. Среди сопровождающих российский контр-адмирал барон Риккорд и командир фрегата «Анна» капитан Селиванов(?!). Стоящие на рейде эскадры флотов России, Англии и Франции салютуют королю Греции. Восторженные греки, наконец, освободились от долгого турецкого правления.

Картина прекрасная, но, с точки зрения Людвиг, необходимо запечатлеть также, как управляет новый король своим королевством. И Хесс пишет еще одно полотно, тоже большое, 248 x 410 см: «Приём короля Отто Греческого в Афинах 12-го января 1835». Возле ворот Акрополя Отто общается с народом. К этому времени на мюнхенской площади Кёнигсплац ещё не были выстроены Пропилеи, аналог афинских ворот, и мюнхенцы могли увидеть на картине Хесса прообраз будущего архитектурного украшения города.

Короли, президенты, диктаторы, главы обществ стимулирует мифотворчество, хорошо зная его живучесть. Миф - красивая сказка, поддерживает веру в благополучие, а значит и могущество мифотворца. Не исключение Людвиг и названные картины. Всё, что изобразили придворные живописцы Фольц и Хесс - фантазия короля и художников. Действительность была иная. Газетные репортажи 1832-33 гг. несколько корректируют версию Людвиг I. Они сообщают, что в день отъезда торжественного прощания Отто с двором **не было**. «Münchener-Conversation Blatt», среда, 5 декабря 1832 года: „Шестого утром в 9 часов состоится отъезд Его Величества короля Отто. Прощальная аудиенция уже **позади**(!)“. За три дня до отъезда королевской семьёй был дан обед в честь греческой делегации. Депутатам и их адъютантам вручили ценные подарки. Тирш, Кленце и многие другие, изображенные на картине Фольца, на обед приглашены не были. За два дня до отъезда состоялся прощальный концерт в Одеонзале. В день отъезда расставание родителей с Отто произошло не в королевской резиденции, а в 12-ти километрах южнее, между поселками Перлах и Хегенкирхен в районе нынешней Розенхаймер-Ландштрассе. Греческая депутация и регентский совет не были спутниками короля Отто, а выехали и позже. Вместе с королем они в Навплию **не прибыли**. Не сопровождали греческого короля и военные союзные эскадры. Отто был доставлен в Грецию на английском крейсере «Мадагаскар».

Обе картины Хесса понравились королю, но они всё же имели один недостаток: на них не был изображен сам баварский сюзерен. И тогда Хесс пишет третью картину: «Людвиг I, король Баварии, в кругу семьи рассматривает картину Хесса «Въезд короля Отто Греческого в Навплию 6-го февраля 1833 года»». Пожалуй, эта картина единственная, которая соответствует реалиям: король действительно часто рассматривал полюбившееся ему творение Хесса. Две первые работы Хесса демонстрируются сегодня в 4-м зале «Новой Пинакотеки», последняя - сохраняется в музейных запасниках...

Завершим рассказ историей финала идеи Тирша. Отношение Тютчева к проекту от первоначально нейтрального позже сменилось явно негативным. Фёдор Иванович считал, что кандидатура графа Йозефа Людвиг Армансперга (1787-1853) на пост председателя регентского совета в помощь греческому королю, выбрана неудачно. Этот факт оказался в конце концов решающим в провале плана Тирша. Регентский совет сразу начал ориентировать короля в

сторону Запада, в ущерб России. Армансперг изолировал короля не только от российских, но и баварских дипломатов.

Картина Петера фон Хесса «Людвиг I, король Баварии, в кругу семьи рассматривает картину Хесса «Въезд короля Отто Греческого в Навплию 6-го февраля 1833 года»».

Командирование Фёдора Ивановича в Грецию для восстановления связи с Отто было безуспешным. Греческим журналистом Константином Котсовилисом выяснено (в докторской диссертации «Греческая церковь в Мюнхене как храм Спасителю и эллинистская община»), что Россия выделила большие субсидии Греции и что Тютчев обсуждал с молодым королём

условия его женитьбы на дочери Николая I, Марии Николаевне. Брак с великой княгиней должен был усилить влияние России. Но у Армансперга зрел замысел сделать одну из своих дочерей королевой Греции. По настойчивому требованию российской дипломатии Людвиг в конце-концов отозвал Армансперга и назначил председателем Игнаца фон Рудхардта, но время было упущено. Повзрослевший Отто, оставшись без регентства, особых государственных способностей не проявил. Тютчев и вовсе утратил интерес к судьбе греческого короля. В сентябре 1843 года в Афинах вспыхнуло восстание, после чего король Отто вынужден был созвать Национальное собрание, которое приняло новую конституцию. Тютчев писал родителям в октябре: „Здесь (в Мюнхене) я нашел всех весьма озабоченными событиями, только что происшедшими в Греции. Опасаются не только за особу короля Оттона, сколько за его авторитет, за его королевскую власть, и, что до меня, я считаю эти опасения вполне основательными. Но что интересовало бы меня гораздо более, нежели события, совершающиеся в Афинах, это то, что делается в Овстуге". Овстуг - имение Тютчевых в Брянщине.

На греческом престоле король Отто удерживался 30 лет. 23 октября 1862 года Отто вернулся в Баварию. Без греческой короны.

Финал идеи Тирша возведения на греческий престол иностранца был трагичен. После свержения Отто его место занял 17-летний фаворит Англии, принц Вильгельм Георг Датский, который нарек себя королем Георгом I

Греческим. Новый король, желая показать благорасположенность к России, выразил благодарность русской печати и наградил орденом Спасителя писателя и издателя Ивана Аксакова, зятя Тютчева. Выбор кандидата на орден с точки зрения российских властей был не очень удачным и Аксаков сначала даже растерялся от такой неожиданной чести, но Фёдор Иванович рекомендовал орден принять. (Письма к московским публицистам / Публикация К. В. Пигарева // «Литературное наследство». Т. 97. Кн. 1, с. 313.) Георгу удалось царствовать целое полувековье, но в отличие от Отто, умершего вдали от Греции, Георг I был убит в 1913 году в Салониках.

Простим Людвигу его миф. Он любил Баварию и своих детей, 4-х принцев и 4-х принцесс. Ни один из них не был им столь обильно увековечен в памятниках культуры как Отто, судьба которого завершилась грустно. (Как и судьба самого Людвига...)

Людвиг I с присущей ему фантазией и королевским размахом стремился мемориально увековечить восхождение своего второго сына на иностранный престол. На 12-м километре южнее Мюнхена, где состоялось трогательное расставание короля-юноши с родителями, пункте начала отсчета самостоятельной жизни юного монарха, следующего в неведомую ему страну, Людвиг приказал установить памятную колонну. 20 октября 1833 года католический священник и греческий архимандрит осветили закладку, а 13 февраля 1834 года торжественно открыли Отто-колонну, сооруженную в дорическом стиле знаменитым мастером по камню Антоном Рипфелем. Высота колонны 8,75 м, венчает её бюст короля Отто в стилизованной греческой одежде. Были установлены еще два памятника: в 1835 году часовня «Монумент Терезы» в Бад Айблинге (недалеко от города Розенхайм в Баварии) по проекту Фридриха фон Цибланда, где изображена королева Тереза в момент прощания с Отто, и через год - «Отто-часовня» в Киферсфельдене (недалеко от Зальцбурга, городке, в котором родился Отто). Все памятные сооружения запечатлены на отчеканенных коллекционных монетах, серебряных талерах. (Всего при Людвиге I с октября 1825 года по ноябрь 1841 года отчеканено по различным поводам 29 памятных монет: 24 медных монеты номиналом от 2 до 24 крейцеров и 5 серебряных монет номиналом в 3 гульдена.)

В Отто-часовнях мама-Тереза молила Господа о благополучии её сына. Эти молитвы были услышаны и Отто оставался на чужеземном троне. Не стало мамы и у вечно занятого Всевышнего оказался недосуг для внимания к королю Греческому: Отто был изгнан из Греции и через 5 лет, 26 июля 1867 года, умер от дифтерита бездетным и ещё нестарым (52-летним) в баварском городе Бамберге...

5. FJODOR TJUTSCHEW DIE MÜNCHNER JAHRE

Zur Vita: Der berühmte russische Dichter Fjodor Iwanowitsch Tjutschew (geboren am 5. Dezember 1803 in Owstug, Kreis Brjansk, Gouvernement Orjol, gestorben am 27. Juli 1873 in Zarskoje Selo, Petersburg) absolvierte 1821 die Moskauer Universität als Kandidat der philologischen Wissenschaften. Er stand von 1822 bis 1837 im diplomatischen Dienst der Gesandtschaft Rußlands am Hof des Königreichs Bayern in München, danach für zwei Jahre in Turin, Königreich Sardinien. Ab 1839 lebte er in München als Privatperson. 1844 kehrte er nach Rußland zurück und diente dann hauptsächlich als hoher Beamter des Innenministeriums. Tjutschew verfaßte vierhundert Gedichte, einige publizistische Artikel und rund fünfzig Briefe. Mit Ausnahme der Briefe ist sein gesamtes Werk vollständig veröffentlicht worden. Er ging zweimal - 1826 und 1839 - eine Ehe ein.

„Ungeachtet der wenigen Aufgaben, die dieser Beamte in der ersten Zeit seines hiesigen Aufenthalts zu erfüllen hat, bin ich dennoch darum bemüht, daß er die Tage, die in seinem Alter so wertvoll sind, nicht nutzlos verbringt“, schrieb der russische Gesandte, Graf Woronzow-Daschkow, in seinem dezent abgefaßten Bericht vom Juli 1822 an Rußlands Außenminister Nesselrode nach der Ankunft des achtzehnjährigen, außerplanmäßigen Attaches in München - Fjodor Tjutschew. Der junge Mann trat ja seinen Dienst unter der Protektion seines Onkels an, des einflußreichen Grafen Osterman-Tolstoi. Die Ostermanns stammten aus Westfalen und wirkten seit langem als Diplomaten Rußlands.

Das Gebäude der rußländischen Mission, das Tjutschew 1822 aufnahm, lag in der Herzogspitalstraße No. 1139; nach weiteren zehn Jahren - unter No. 18, heute ist es die Hausnummer 12.

Fjodor Iwanowitsch Tjutschew hatte erst vor kurzem die Moskauer Universität mit Auszeichnung abgeschlossen und seinen Freundeskreis - debütierende Literaten - verlassen. Er war in ein München gekommen, das seinerzeit zu den geistigen Zentren Deutschlands gehörte. Bayerns Hauptstadt rühmte sich eines reichen, intellektuellen und künstlerischen Lebens. Die Begegnungen des jungen Tjutschew mit Schelling führten den russischen Poeten an die deutsche Philosophie der Zeit heran. Goethe verstärkte in ihm die positiven Einflüsse, die Deutschlands Kultur ausstrahlte. In München begann auch Tjutschews Freundschaft mit Heinrich Heine, auf dessen Dichtung er bis zu seinem Lebensende immer wieder mit Übersetzungen, freien Variationen und Zitaten eingehen sollte. Dank der Übersetzungen Tjutschews gewann die russische Kultur einen Einblick in die philosophische Dichtung Goethes, die Balladen Schillers, die Lyrik Heines und die Romantik Uhlands und Lenaus.

Amalie

Der gebildete und geistreiche junge Mann aus Rußland wurde alsbald ein Favorit der Münchner Salons. Tjutschew verkehrte hauptsächlich im Milieu der Diplomatenfamilien. Das brachte ihn auch in die Nähe des 27jährigen bayerischen Diplomaten, Maximilian Graf Lerchenfeld d. J.

Maximilians Halbschwester - sie war noch ein Mädchen - hieß Amalie. Der Vater der Geschwister, Maximilian Graf Lerchenfeld d. Ä., stammte aus dem nieder-bayerischen Köfering, und Amalie war das ungeliebte Kind aus seiner Verbindung mit Theresa, Fürstin von Thurm-und-Taxis, ihrerseits einer Tante der rußländischen Kaiserin Alexandra, Gemahlin des Zaren Nikolai I. Zu Amaliens Unglück war ihr leiblicher Vater 1809, ein Jahr nach ihrer Geburt, gestorben, so daß das Mädchen - ungeachtet der stolzen Ahnentafel faktisch ohne Familie zurückblieb. So hieß sie zunächst *Sternfeld aus Darmstadt*, später *Stargard aus Regensburg*. Dank einer Entscheidung des hessischen Großherzogs Ludwig I. durfte Amalie ab 1. August 1823 den Namen einer Gräfin Lerchenfeld tragen, allerdings ohne das Recht auf Wappen und Genealogie. So hoch lag der Preis für die illegitime Geburt.

Doch die Frucht der sündigen Liebe - Amalie - war eine strahlende Schönheit. Tjutschew verliebte sich leidenschaftlich in die Schwester Maximilians d. J. Die Verliebten - verbunden durch zarte romantische Bande des Jünglings und seines Mädchens - trafen häufig zusammen und tauschten Halsketten aus. Amalie besaß keine teuren Schmuckstücke. Ihr Kettchen war eine schlichte Schnur aus Seide. Der alte Diener Nikolai Chlopow war darüber erzürnt und berichtete den Eltern in Petersburg, Fjodor habe Seide für Gold erhalten. Amalie versagte Tjutschew nicht ihre Gefühle, doch mit der Zeit zog sie dem jungen außerplanmäßigen Attaché dessen solide ausgestatteten Kollegen vor - den Ersten Sekretär der Gesandtschaft Rußlands in München, Alexander Freiherr von Krüdener, Ritter vieler russischer Orden.

Der Freiherr war 22 Jahre älter als Amalie. Sie brauchte aber einen Namen von vornehmer Herkunft. Und Krüdener entstammte einem alten Geschlecht von Baltendeutschen, die seit langem Untertanen des Zaren waren. Unter den Verwandten des Freiherrn war Barbara-Juliane Freifrau von Krüdener, eine geborene Wittinghoff, eine baltische Schriftstellerin, die für ihren Einfluß auf drei europäische Monarchen bekannt war - auf den rußländischen Zaren Alexander I., auf den preußischen König Friedrich-Wilhelm III. und den österreichischen Kaiser Franz I. Man sagt ihr nach, sie hätte diese Monarchen dazu überredet, im Jahr 1815 die Heilige Allianz zu schließen. Zur Verwandtschaft der Krüdeners gehörten auch die Wrangels, die Struves, die Bülows und der russische Kunstmaler Wassili Perow.

Amalie hat in Tjutschew den künftigen Stolz Rußlands nicht erkennen können. Der Gesandte Woronzow-Daschkow verstand den Kummer des verschmähten Jünglings und gestattete Fjodor einen halbjährigen Urlaub, so daß er zu einem Besuch der Eltern heimfahren konnte.

Einige Jahre später widmete der dann schon verheiratete Tjutschew der vermählten Amalie eine lyrische Hymne über die Vergänglichkeit des Glücks und des Daseins - Verse der Erinnerung, die mit als die besten Strophen der Liebe in der russischen Poesie gelten.

*Der goldenen Zeit noch gedenk ich,
Des Lands, mir von Herzen vertraut,
Da wir - der Tag ging zur Neige -
Hinab auf die Donau geschaut.
Du standst, wo des Schlosses Ruine
Weiß blinkt in der Dämmerung,
Auf moosüberwachsenen Felsen
Als Fee, so schön und so jung.
Dein zierlicher Fuß berührte
Den Schuttberg aus uralter Zeit;
Von dir und dem Schlosse zu scheiden,
Wie tat es der Sonne so leid!*

*Ein Wind wehte flüchtig vorüber
Und spielte mit deinem Kleid,
Vom wilden Apfelbaum: Auf dich
Ist Blüte um Blüte geschneit.
Und unbesorgt sahst du ins Ferne ...
Der Tag grau am Himmelsrand schied;
Und zwischen verschwimmenden Ufern
Sang heller die Donau ihr Lied.
Dein Blick folgte spielend und heiter
Dem Glückstag; und über uns zog
So süß eines Lebens Schatten,
Das rasch, viel zu rasch schon verflog.*

Übertragen von Uwe Grüning (1988)

Im Jahr 1840 schreibt Tjutschew den Eltern über die Begegnung mit Amalie am Tegemsee: „Ihr wißt von meiner Anhänglichkeit zu Frau Krüdener und könnt euch leicht vorstellen, welche Freude mir das Wiedersehen mit ihr bescherte. Nach Rußland ist sie meine älteste Liebe. Sie war vierzehn, als ich sie zum ersten Mal sah. Heute, am 2./14. Juli, feierte ihr ältester Sohn seinen vierzehnten Geburtstag. Sie ist noch immer schön“. Die halbverliebte Aufmerksamkeit, die Amalie und Fjodor einander entgebrachten, sollte ein ganzes Leben lang anhalten.

Amalies Rolle im Schicksal Tjutschews ist von großer Bedeutung. Sie war es, die im Jahr 1836 ein paar Dutzend von Tjutschews Gedichten nach Petersburg mitnahm - ein Teil dieser Gedichte wurde unverzüglich von Alexander Puschkin in der Literaturzeitschrift «Sowremennik» («Der Zeitgenosse») veröffentlicht. Die Überschrift lautete schlicht: „Aus Deutschland geschickte Gedichte“. Sie haben Tjutschew dem lesenden Rußland erschlossen.

Viele Jahre später - am 1. April 1873 - schrieb Tjutschew von seinem Sterbebett aus an Tochter Darja: „Gestern verspürte ich eine Minute brennender Erregung infolge meines Wiedersehens mit Gräfin Adlerberg (Amalies Name in zweiter Ehe. Anm. d. Verf.), meiner guten Amalie Krüdener, die den Wunsch hatte, mich ein letztes Mal auf dieser Welt zu sehen; sie war gekommen, sich von mir zu verabschieden. In ihrer Person erschien die Vergangenheit meiner besten Jahre, mir den Abschiedskuß zu geben“.

Im Auftrag von König Ludwig I. hat Joseph Karl Stieler, seit 1820 der Hofmaler des Wittelsbacher, im Jahr 1828 ein Porträt der zwanzigjährigen Amalie geschaffen - es hängt in der Münchner Schönheitsgalerie in Schloß Nymphenburg.

Nelly

Zur Vita: Eleonore Sophie Luise Christine Gräfin von Bothmer (geboren am 19. Oktober 1800 in Kassel, gestorben am 9. September 1838 in Turin) wuchs in der Familie eines einflußreichen Aristokraten auf. Eleonores Vater - Karl Friedrich Heinrich Ernst Graf von Bothmer (1770 - 1845) - war zwischen 1804 und 1808 der Gesandte des Königreichs Württemberg in München. Die Mutter Antoinette (1777 bis 1826) entstammt dem Geschlecht der Barone Hanstein. Eleonore war die älteste Tochter in einer Familie mit zwölf Kindern. Am 15. Dezember 1815 ehelichte Eleonore den rußländischen Diplomaten Alexander Peterson. Sie brachte drei Söhne zur Welt: Karl (1818 bis 1875), Otto (1820 bis 1883) und Alfred (1825 bis 1860). Sie wurde Witwe am 6. Oktober 1825 und heiratete Tjutschew am 27 Januar/8 Februar 1829. Ihrer Ehe entstammen drei Töchter: Anna (1829 bis 1889), Darja (1834 bis 1903) und Katherina (1835 bis 1882).

Das halbe Jahr Beurlaubung ist um, und Tjutschew kehrt am 17. Februar 1826 aus Rußland nach München zurück. Während seiner Abwesenheit war aus Amalie Gräfin Lerchenfeld, seiner schönen romantischen Liebe, die Baronesse von Krüdener geworden. Der sonst so mondäne Sprößling Tjutschew verspürte plötzlich die Leere und Trödelei seines Junggesellendaseins. Bei einer privaten Einladung oder einem Empfang kam er in die Nähe der jungen Witwe Eleonore Peterson, einer Mutter von drei Kindern, die drei Jahre älter war als er. Für die beiden war es ebenso unerwartet wie für die Umgebung rätselhaft schnell, daß sie - nach Tjutschews Rückkehr - gleich zwei durcheinander geratenen Schicksalen aufeinander zuflogen und sich in die Arme fielen. In Tjutschews Charakter lag ein Zug, der ihm stets viel Mühen bereitete - er traf Entscheidungen unter dem emotionalen Eindruck des Augenblicks. Hier war es die Einsamkeit, die beide so urplötzlich zu lösen glaubten.

Am 1. April 1828 schrieb Heinrich Heine, der in München Tjutschews Gast gewesen war, an den gemeinsamen Bekannten Varnhagen von Ense: *„Kennen Sie die Töchter des Grafen Bothmer? Die eine ist schon nicht mehr sehr jung, aber unendlich bezaubernd, sie hat mit dem jungen russischen Diplomaten und meinem besten Freund Tjutschew eine geheime Ehe geschlossen, und da ist noch ihre sehr junge schöne Schwester, zwei Damen, mit denen ich in den besten und angenehmsten Beziehungen stehe“*.

Die junge Schönheit ist Klothilde, die neunzehnjährige Schwester Eleonores. Die *besten Beziehungen* vollendeten sich für Heine und die deutsche Dichtung in Gedichten, die im Zyklus *„Neuer Frühling“* miteingeschlossen sind. Klothilde, das

achte Kind in der Familie des Grafen von Bothmer, war am 22. Mai 1809 auf die Welt gekommen. Die Schicksale beider Schwestern werden später eng mit Rußland verknüpft sein.

Natürlich war die Zusammenleben von Fjodor Iwanowitsch und Eleonore nicht geheim. Im Milieu der höchsten Gesellschaftskreise München - da wußten alle über alles Bescheid - ließ sich eine Eheschließung unmöglich über zwei Jahre geheimhalten. Außerdem lebten unter dem Dach von Fjodor und Eleonore die drei Kinder aus erster Ehe und Schwester Klothilde. Ein Geheimnis hat es dennoch gegeben. Fjodor Iwanowitsch und Eleonore haben es nur nicht an die große Glocke gehängt. Nach orthodoxem Ritus galten sie als noch nicht getrautes Paar. Tjutschew pflegte seine eigenen Beziehungen zu Gott - er hatte die kirchliche Trauung so lange verschieben lassen, bis ein orthodoxer Gottesdienst in München abgehalten werden konnte. Nur am 27 Januar/8 Februar 1829 - nach zweieinhalb Jahren gemeinsamen Lebens in der Familie - tauchte in den Registern der Salvatorkirche der Eintrag über die Vermählung der Tjutschews auf. Die alte katholische Kirche des Heiligen Salvators, erbaut im Jahr 1494, nahm ab 30. September 1828 orthodoxe Gemeindeglieder auf. Getraut wurden die Tjutschews vom Metropoliten Kalinikas Kampanis. Alle Kinder Tjutschews, die in München auf die Welt kamen, sind in der orthodoxen Salvatorkirche getauft worden.

Vor kurzem hat man in der Salvatorkirche eine Gedenktafel mit Namen von prominenten Besuchern angebracht. Unter den Namen bayerischer Könige, russischer Zaren und Gesandter sowie bekannter Griechen wurde in Kupfer eingraviert: „Tjutschew Fjodor, russ. Diplomat u. Dichter“

Fjodor Iwanowitsch mußte es nicht bedauern, Eleonore war eine ideale Hausfrau: Sein Leben kam in geordnete Bahnen.

Am 1. Oktober 1828 entbot Heine seine Grüße aus Florenz und versicherte Tjutschew seiner Sympathie: *„Meine besten Wünsche gehören Madame Tjutschew. Sie ist eine großartige Frau. Ich habe sie sehr gern...“* Eleonores frauliches Wesen beeindruckte Heine. Ein Aquarell von 1827 bestätigt, daß er Madame Tjutschew nicht nur schmeichelte. In einem anderen Brief bezeichnete Heine das Haus der Tjutschews als eine *„herrliche Oase“*.

Tjutschew hatte also seinen voreiligen Entschluß nicht zu bedauern. Es erschloß sich ihm nun der Kreis des Hochadels von Bayern - 72 Jahre später werden die Münchner eine ihrer Straßen im Stadtteil Neuhausen nach Eleonores jüngstem Bruder, Generalleutnant Maximilian Graf von Bothmer, benennen; weitere 20 Jahre vergehen, und der Name von Eleonore Tjutschews Neffen - Generaloberst Felix Graf von Bothmer - wird auf der Gedenktafel in der Galerie der bedeutenden bayerischen Feldherrn am Odeonsplatz eingeprägt sein.

Obgleich Eleonore für ein geordnetes Familienleben sorgte, waren die Tjutschews von materiellen Sorgen belastet, dem Gehalt des Mannes blieb so klein wie zuvor. Alle Bemühungen der Vorgesetzten, der Gesandten Rußlands in München, Iwan Potemkin und Grigori Gagarin, das unzureichende Salär des Attachés durch

Minister Nesselrode anheben zu lassen, blieben erfolglos. Tjutschews Eltern sprangen ein und kamen den Neuvermählten zu Hilfe. Erst nach seiner Beförderung in den Rang eines Kollegienassessors im Sommer 1833, wurde sein Gehalt auf 200 Rubel angehoben. In praktischen, existentiellen Fragen war Fjodor Iwanowitsch ohnehin völlig hilflos. Eleonore mußte sich um ihn wie um ein kleines Kind kümmern. Bei der Planung ihrer Reise nach Rußland schrieb sie Fjodors Mutter am 4./16. Februar 1837: „*Ich muß gestehen, daß seine Anwesenheit die Beschwerlichkeiten der Reise ganz und gar nicht erleichtert. Ich ziehe es vor, mit drei Säuglingen zu reisen als mit einem Theodor*“.

Am 21. April 1828 wurde ihre erste Tochter geboren - Anna Tjutschew wird die künftige Frau des russischen Schriftstellers und Slawophilen Iwan Aksakow sein.

Tjutschew ist unterdessen ein respektabler Familienvater und gewöhnt sich im Alltag an ein Leben behäbiger Ruhe. Eleonore beklagt sich immer wieder über diese Seite seines Wesens. In Wirklichkeit war Tjutschews Trägheit nur die eine, die äußere Seite seiner tiefen Reflexionen über die Natur, die Schönheit und die Freude, sie zu betrachten und zu verstehen, ja über den Platz des Menschen im Weltall.

Heinrich Heine pflegte zu behaupten, daß die Muße des Poeten der normale Zustand seiner Seele sei. In einem Brief an Tjutschew legt er seine Ansichten über den Dichter Schenke dar: „*Es mag ja tausend Gründe dafür geben, warum er schweigt. Da er aber ein Dichter ist, nehme ich an, daß Faulheit die Ursache der geistigen Muße abgibt, die uns so mächtig überkommt, wenn wir an unsere Freunde schreiben müssen...*“

In der Nacht verschmolz der Dichter am vollkommensten mit dem Universum:

<i>In stiller, dunkler Nacht,</i>	<i>Und finster wird's und öd,</i>
<i>wenn auf dem Erdenrunde</i>	<i>wie's war im Weltenraum,</i>
<i>Rings alles schweigt, wenn längst</i>	<i>Bevor das Chaos wich vor Gottes</i>
<i>erlosch des Tages Schein,</i>	<i>Machtbefehle,</i>
<i>Dann rollt das All der Welt</i>	<i>Und nur der Muse jungfräuliche Seele</i>
<i>in heiliger Geisterstunde</i>	<i>Wird von den Göttern heimgesucht</i>
<i>Ein lebendes Gefährt -</i>	<i>im Traum!</i>
<i>ins Himmelstor hinein.</i>	

Übertragen von Ludolf Müller (April 1982)

Die leichte, mit Brüchen frei versehene Architektur des Gedichts ist wie „Haos über Meeresräumen“ - die ewige Bewegung des „Weltenbaus“. Das Gedicht „*Widenie*“ („*Vision*“) wurde 1829 geschrieben.

Mit dem Gedicht „*Bessoniza*“ („*Schlaflosigkeit*“) erreicht der 26jährige Tjutschew einen poetischen Gipfel. Die Kürze des Lebens steht der Unendlichkeit der Welt gegenüber - der Mensch und die Zeit, seine Konfrontation mit dem Schicksal:

*Eintönig schlägt die Uhr bei Nacht.
Was ist die Botschaft dieser Stunde?
Ob niemand sie begreifen mag,
Vernimmt doch jeder ihre Kunde.
Wer hätte voller Trauer nicht,
Wenn keine andren Stimmen tönen,
Vernommen, was die Zeit mit Stöhnen
Prophetisch-abschiednehmend spricht?
Uns scheint die Welt verwaist, verlassen,
Vom Schicksalsschlag berührt zu sein,
Und die Natur scheint uns zu hassen,
Und wir im Schicksalskampf allein.*

*Und bleich verdämmert unser Leben -
Ein Trugbild, weit - unendlich weit -
Mit unsrem Tun und unsrem Streben,
Mit unsren Freunden, unsrer Zeit.
Erfüllt von frischen Lebenstrieben
Steht neue Jugend schon bereit,
Und wir und alles, was wir lieben,
Versinken in Vergessenheit!
Nur wenn dann mit metallnem Schläge
Das Uhrwerk tönt um Mitternacht,
So ist es uns wie Totenklage -
Ein Requiem, uns dargebracht!*

Übertragen von Ludolf Müller (April 1982)

Die natürliche Reinheit der Ausdrucksweise Tjutschews ist in das lexikalische Maß der russischen Sprache organisch eingedrungen. Obgleich solch eine Verschmelzung in anderen Sprachen schwer gelingt, gehören die Verse des russischen Poeten über die Natur in Bayern zum Bestand vieler Lesebücher der Weltliteratur (außer deutschen. Anm. d. Übers.). 1828 schuf Tjutschew die Hymne an den Frühling, die Lieblingszeit des Dichters. „*Wessennaja grosa*“ („Frühlingsgewitter“) wurde erstmals vor über hundert Jahren ins Deutsche übertragen, die Versuche einer adäquaten Nachdichtung der subtilen, philosophisch reflektierten Naturbetrachtung halten bis heute an. Deshalb sollen hier zwei deutsche Varianten stehen, die im Abstand von mehr als einem Jahrhundert entstanden sind:

*Wie schön, wann im Beginn des Maien
Das erste Ungewitter grollt,
Und durch des Himmels zarte Bläuen
Muthwillig seine Donner rollt!
Die jugendlichen Stürm' erklangen,
Es fliegt der Staub, der Regen fällt,
Die reinen Perlentropfen hangen,
Und Sonnengold durchwebt die Welt.
Vom Berge rauschen Ströme nieder,
Doch schweigt der Vogel nicht im Hain,
Rein, jubelnder erwachen Lieder,
Und stimmen in den Donner ein.
Es ist, als ob im Göttersaale
Die Göttin, die den Adler nährt,
Verschüttend, ihre Nektarschale
Auf uns, die Sterblichen, geleert.*

*Ich liebe das Gewitter Anfang Mai,
Da erster Frühlingssonner
Im Spiel gelöst sich freut,
Im blauen Himmel grollt.
Es dröhnt das junge Donnerrollen,
Ein Schauer sprüht, der Staub verfliegt,
Der Regen hängt in Perlenketten,
Aus Tropfen macht die Sonne Gold.
Flink rauscht der Bach ins Tal hinab,
Kein Vogel will im Wald verstummen,
Die Zweige nicken, Felsen murmeln
Und donnern mit im Frühlingssrollen.
Du kennst den Wind der Herbe,
Der Göttin, die den Adler nährt,
Da gießt es über alle Erde,
Der Himmel lachend sich entleert.*

Übertragen von A. von Maltitz (1858)

Übertragen von F. Hitzer (1985/1997)

Das Gedicht „*Ossenny wetscher*“ („*Herbstabend*“), die Romanze einer einsamen Seele, entsteht 1830 - der Komponist Pantschenko hat es vertont. Die innere, verhaltene Rhythmik wird durch Satzzeichen - Kommata - angedeutet.

<i>Das Licht der Abende im Herbst</i>	<i>Man spürt die nahen Stürme,</i>
<i>Birgt das Geheimnis milder Anmut,</i>	<i>Ein kalter Windstoß da und dort,</i>
<i>Den unheilvollen Glanz,</i>	<i>Erschöpft, ermattet alles,</i>
<i>die Pracht der Bäume,</i>	<i>Doch auch so zart</i>
<i>Die Glut der Blätter,</i>	<i>im Lächeln des Verwelkens,</i>
<i>ihr dunkel leichtes Rauschen,</i>	<i>Umarmt von göttlicher Vernunft,</i>
<i>Still das Lasur des Nebels,</i>	<i>Durch Scham im Leiden.</i>
<i>In Schwermut schon verwaist die Erde,</i>	

Übertragen von Friedrich Hitzer (1985/1997)

Das Gedicht wurde zehn Jahre nach seiner Entstehung gedruckt. Die einprägsame Reaktion des russischen Dichters Nikolai Nekrassow lautete: „*Jeder Gedanke geht ans Herz wie auch die regellosen, plötzlich aufkommenden Stöße des Herbstwindes zu einer bestimmten Zeit das Herz erfassen. Es tut weh, sie zu hören, wie es einem auch leid tut, sie nicht mehr zu hören... Nur starken und ursprünglichen Begabungen ist es gegeben, solche Saiten im Herzen des Menschen anzuschlagen*“.

Die rußländische Kolonie in München bestand aus Aristokraten, die es bevorzugten, in westeuropäischen Sprachen zu kommunizieren - zumeist auf Französisch oder auch Deutsch. In Tjutschews Familie kannte man kein Russisch. Als die bekannten Slawophilen, die Gebrüder Kirejewski, in München eintrafen, versuchten sie, Eleonore die Muttersprache ihres Mannes beizubringen - ohne Erfolg, wie sich zeigte.

Der Dichter Tjutschew hatte nur seine innere Welt als Gesprächspartner - mit allen anderen Menschen verständigte er sich auf Französisch oder in der Landessprache. Das Gefühl der Einsamkeit in der Menge drängte sich auf.

<i>Seele, mein Elysium, Schattenland,</i>	<i>Seele, mein Elysium, Schattenland!</i>
<i>Wo stumme, lichte,</i>	<i>Die stumpfe Menge läßt sich</i>
<i>schöne Schatten schweben!</i>	<i>leicht verleiten -</i>
<i>Du Land, zu dem noch</i>	<i>Du bleib dir treu, die höhres Leben fand,</i>
<i>keinen Zugang fand,</i>	<i>Im Bild vergangner, besser Zeiten...</i>
<i>Wonach die Menschen heute</i>	
<i>hastend streben!</i>	

Übertragen von Ludolf Müller (April 1982)

In jenen Jahren entstand auch das berühmte Gedicht „*Silentium!*“ - der Schrei der Seele über die Schwierigkeit, sich auszudrücken und gegenseitig zu verstehen, über die Unmöglichkeit, in Worten die eigene Geistesverfassung widerzugeben, über die Einsamkeit - die Zuflucht des Schaffens. Es wird angenommen, daß das

Gedicht eine poetische Umschreibung von Goethes Spruch sei: „*Sobald man spricht, beginnt man sich zu irren*“. Die deutsche Kultur, wahrgenommen durch russisches Bewußtsein von sich selbst, hat reichhaltige Saat auf dem Boden des phänomenalen Intellekts und der allseitigen Begabung Tjutschews sprießen lassen. Der tiefe Sinn des Gedichts von Tjutschew hat Iwan Turgenjew und Lew Tolstoi enorm beeindruckt.

*Schweig und verbirg im Herzen Tief,
Was darin fühlte, träumte, schlief.
Laß es dort auf - und untergehn,
Wie Sterne nachts in Himmelshöhen
Stumm ziehn die Bahn, wie Gott es will:
Du freu dich ihrer - und schweig still.
Wie schwer spricht doch ein Herz von sich!
Und spricht's:*

*Wie schwer versteht man dich!
Zur Lüge wird, was du gedacht,*

*Hast du in Worte es gebracht
Wer aus der Quelle trinken will,
Rühr' sie nicht auf - er schweige still!
Du leb in deinem Innern nur.
Das weit ist wie die Allnatur,
Des dunkler Zauber dich beglückt,
Wenn Tageslärm ihn nicht erstickt.
Hör, was dein Innres sagen will:
Lausch seinem Sang -
und schweige still.*

Übertragen von Ludolf Müller (Dezember 1982)

An wen richtete der russische Dichter in nichtrussischer Umgebung diese in Verse gefaßten Perlen? Wer hörte die klangvollen Gedanken? Etwa die seltenen Gäste aus Rußland?

Tjutschews Tragödie lag darin, daß es ihn nach einem Ausdruck seines seelischen Befindens verlangte, und er ihn nur sich selbst mitteilen konnte. Er suchte niemanden, der ihn hörte - außer sich selbst: die Einsamkeit der dichterischen Persönlichkeit angesichts der seelischen Unstimmigkeit seines schöpferischen Genius: „*Wie kann das Herz sich zu erkennen geben? Versteht ein anderer dein Streben?*“ Die komplizierte Innenwelt Fjodors lag außerhalb der Reichweite Eleonores. Sie konnte Tjutschew nicht helfen. Tjutschews Gedichte blieben ihr unzugänglich. Die Genialität seines poetischen Denkens lag jenseits von Eleonores Bewußtsein.

„*Ernsthafte geistige Bedürfnisse waren ihr fremd!*“ schrieb Kirill Pigarew, der Biograph und späte Nachfahre Tjutschews. Eleonore mußte sich ja ausschließlich mit dem „*praktischen Haushalt des Familienlebens*“ befassen. Alle wirtschaftlichen Sorgen lasteten auf ihren Schuhern. Und da kamen noch zwei weitere Kinder hinzu - Darja wurde am 24. April 1834, Katherina gleich ein Jahr später - am 27. Oktober 1835- geboren. Eleonore war ihrem Theodor grenzenlos ergeben. Im Brief vom 15. April 1837 schrieb Tjutschew an die Eltern: „*...in ihrem Leben gab es keinen Tag, an dem sie nicht wegen meines Wohlergehens, ohne auch nur einen Augenblick zu schwanken, nicht eingewilligt hätte, meiner wegen zu sterben. Solch eine Fähigkeit ist sehr selten und erhaben, wenn sie nicht als Phrase gemeint ist. Was ich ausspreche, müßte Euch merkwürdig vorkommen. Aber ich wiederhole, ich habe dafür meine Gründe. Und dieses Geschenk, das Ihr durch mich zuteil wurde, ist nur eine äußerst schwache Entschädigung*“.

Eleonore hatte ja auf ihre Kinder aus der ersten Ehe mit Peterson wegen Tjutschew verzichtet - die Petersons wurden fern von ihr in Petersburg aufgezogen. Eleonore korrespondierte mit ihnen, schickte ihnen ihre Porträts und reiste zweimal nach Rußland, um sie zu sehen - erstmals 1830 und dann sieben Jahre später, im Winterhalbjahr 1837/38.

Eleonore dürfte den intellektuellen Abstand zwischen ihr und Tjutschew begriffen und sich gerade deshalb darum bemüht haben, ihn in der Weise zu kompensieren, daß sie sich noch intensiver um ihren Theodor kümmerte. Ihre Ehe war von Anfang an zu Familiendramen verurteilt.

Der Schriftsteller Fjodor Fjodorowitsch Tjutschew, Sohn des Dichters, dürfte mit seiner Behauptung schwerlich recht gehabt haben, daß der Vater „aus leidenschaftlicher Liebe“ heiratete. In der Zeit war ihm Eleonore kein Quell dichterischer Inspiration. Seine großartigen poetischen und epistolarischen Zeichen der Aufmerksamkeit hat er erst zu ihrem Gedenken verfaßt. Es bedurfte seiner Zeit, ja viel Zeit, bis die Gestalt der ersten Frau von den Bagatellen des Alltags befreit war und in heller Reinheit, nunmehr leider als unerreichter Stern erstrahlte.

Wie rührend und zärtlich gedachte er immer wieder in den Briefen an die Töchter Anna, Darja und Katherina seiner Eleonore und ihrer Sorgen: „*Sie war für mich das Leben ...Ich habe sie für meine Existenz in einem Maß gebraucht, daß es mir unmöglich schien, ohne sie zu leben - ich wäre wie einer ohne Kopf auf den Schultern gewesen ...Sie steht immer vor mir - deine unglückliche Mutter!*“. Diese Worte entstammen einem Brief an Anna aus dem Jahr 1846, als Eleonore schon nicht mehr da war...

Vor der Reise der Tjutschews nach Petersburg im Jahr 1837 hatte Fjodor Iwanowitsch den Eltern geschrieben: „*Ich wünsche mir, daß Ihr, die mich Liebenden, wißt - noch nie hat ein Mensch mich so geliebt wie sie*“. Es war die reine Wahrheit. Zur Wahrheit seines damaligen Lebens gehörte aber auch eine andere Frau, von der Eleonore wußte. Ursprünglich vermutete sie dabei eine der gewohnten leichtsinnigen Affären, denen ihr Theodor - das kannte sie aus Erfahrung nur zu gut - gar nicht abhold war.

In ihrer Intuition als Frau witterte Eleonore zwar unangenehme Komplikationen, aber keine unmittelbare Bedrohung ihrer Ehe. Eleonore kannte die Rivalin persönlich. Sie begriff jedoch erst allmählich, daß Tjutschew durch die Begegnungen mit Ernestine Freifrau von Dörnberg, einer 23jährigen Schönheit, in einen „unvernünftigen“ Zustand versetzt worden war.

Tjutschew lebte ein Doppelleben. Zuhause irritierte ihn alles, er sah sich durch eine äußerlich grundlose Schwermut bedrückt. Und genau diese Stimmung Tjutschews war es, die Eleonore beunruhigte. Mit dem erstaunlichen Spürsinn der liebenden Frau ist sie bereit dazu, ihm zu helfen, weiß aber noch nicht, wie sie es anstellen soll.

Ernestines Mann, der Diplomat Friedrich Freiherr von Dörnberg, war an Typhus erkrankt und im Frühjahr 1833 verstorben. Ernestine ging den Begegnungen

mit Fjodor Iwanowitsch für lange Zeit aus dem Weg, und seine Beziehung zu ihr entwickelten sich ungleichmäßig. Doch das, was kommen mußte, war schließlich nicht zu vermeiden.

Eleonore hatte begriffen, worauf die jähren Veränderungen im Verhalten ihres Theodors zurückzuführen waren. Seine sich häufenden Abwesenheiten versetzten sie in Rage. Die Untreue des Mannes erschütterte sie. Es folgten Skandale, die aber zu keiner Versöhnung führten. Ihr gespanntes Privatleben schwappte aus den Räumen der Wohnung und wurde zum Gegenstand des Klatsches in den Münchner Salons. Schließlich weiß man in den höchsten Kreisen der Gesellschaft stets alles und gar noch viel mehr als das, was in Wirklichkeit geschieht. Aus welchen Gründen auch immer ergriff die Münchner Gesellschaft die Partei Tjutschews.

Fürst Grigori Gagarm, Rußlands Gesandter in Bayern, flehte seinen Minister Karl Nesseirode um Beistand an: *„Bei seinen außerordentlichen Fähigkeiten und dem hervorragenden, im höchsten Maß aufgeklärten Verstand, ist Herr Tjutschew derzeit nicht instand, den Verpflichtungen eines Gesandtschaftssekretärs nachzukommen. Das liegt an der unheilvoll trügerischen Lage, in die er durch seine schicksalhafte Ehe geraten ist. Ich flehe Ew. Exzellenz um der christlichen Barmherzigkeit willen an, ihn von hier zu entfernen“*.

Man muß den Mut und die Selbstverleugnung des Gesandten gebührend würdigen: Er war immerhin ein schwerkranker Mann - Gagarin starb ein Jahr später - und hatte damals nur noch einen Mitarbeiter in der Gesandtschaft - Fjodor Iwanowitsch Tjutschew. Und in dieser Lage zeigte er sich dennoch bereit, auf seinen Sekretär zu verzichten und alle zusätzliche Arbeit zu Lasten der eigenen Gesundheit auf sich zu nehmen.

Am 2. Mai 1836, als Eleonore ihren Mann eines weiteren Rendesvouz mit Ernestine verdächtigte, brachte sie sich voller Verzweiflung mit einem Maskendolch einige Stiche bei und rannte danach auf die Straße, wo sie das Bewußtsein verlor...

Der Unglücksfall wurde in Petersburg bekannt.

Am Tag nach dem Selbstmordversuch Eleonores schrieb der Diplomat Tjutschew dem Freund und einstigen Kollegen in der Münchner Gesandtschaft (zwischen 1833 und 1835), dem Fürsten Iwan Gagarin (Neffe des Fürsten Grigori Gagarm), einen Brief, in dem er Ruhe vortäuschte und das Geschehene gleichsam nur nebenbei als die Folge physiologischer Vorgänge im Organismus einer stillenden Mutter zu erläutern versuchte (Eleonore hatte am 27. Oktober 1835 Katharina, die dritte Tochter, zur Welt gebracht, die sie bis zum Mai 1836 stillte): *„Hier ist die echte Wahrheit über diesen Vorfall - seine Ursache ist rein physischer Natur: der Andrang des Blutes zum Kopf“*. Im weiteren bittet Tjutschew den Freund Iwan Gagarin um die Gefälligkeit, die „*törichtesten Gerüchte*“ zurückzuweisen und stattdessen seine Version über den Zwischenfall zu verbreiten. Tjutschews Erklärungsversuche klangen dermaßen unglauwbüdig, daß sie den gegenteiligen Effekt auslösten.

Der willenlose Tjutschew war zu entschiedenem Handeln unfähig - er konnte den Familienkonflikt von sich aus nicht lösen. Fjodor Iwanowitsch befand

sich zwischen zwei starken Frauen, die ihn beide liebten. Er schätzte die eine wie die andere auf seine Weise. Er traf sich noch eine gewisse Zeit immer wieder mit Ernestine. In seiner verwirrten Stimmung drängte es ihn zur Flucht. Nesselrode griff aber damals nicht ein und erhörte die Bitte Grigori Gagarins, Tjutschew aus München zu "entfernen", noch nicht.

Die allesverzeihende Eleonore schrieb am 4. Februar 1837 der Mutter des Dichters und sprach dabei nur die halbe Wahrheit über die Gründe ihres bevorstehenden Umzugs nach Rußland aus: *„Wenn Sie ihn nur sehen könnten, wie er sich seit einem Jahr zeigt - bedrückt, hoffnungslos, krank und belastet von tausend beschwerlichen und unangenehmen Beziehungen, von einer gewissen moralischen Niedergeschlagenheit ...ihn willentlich oder unwillentlich(!) von hier zu entfernen, würde sein Leben retten ...durch wieviel Bande dieser seltsamen Freundschaft ich mich auch verbunden sehe, bin ich genötigt zu sagen, daß für mich der Aufenthalt hier unerträglich geworden ist; urteilen Sie selbst, was das erst für ihn bedeuten mag, der in der Gegenwart hier keinen Boden und nichts in der Zukunft hat“*.

Tjutschew kam allerdings nicht in den Genuß einer unverzüglichen Beurlaubung. Gagarin war unterdessen ernsthaft erkrankt. Tjutschew hatte die Verpflichtungen des Gesandten vom 28. Juli bis zum 22. August 1836 wahrzunehmen. So wurde die Abreise nach Rußland auf das folgende Jahr verschoben.

Wie so oft war es auch hier der Tod, der alle oder fast alle menschlichen Probleme löste. Der Gesandte Grigori Gagarin starb am 24. Februar 1837. Es erfolgten neue Ernennungen für die Besetzung der Münchner Gesandtschaft. In diesem Zusammenhang wurde Tjutschew befördert: er erhielt den Posten des Gesandten in Turin und damit das Recht auf einen dreimonatigen Jahresurlaub. Sein Nachfolger in München wurde Appolonius Freiherr von Maltitz.

Gefühle der Nostalgie für München kamen damals noch nicht auf, er hatte vielmehr den Wunsch, die Stadt möglich rasch zu verlassen und schrieb darüber den Eltern: *„Ich brenne darauf, von hier abzureisen“*. Mit dem Brief vom 9. Mai 1837 erführen sie, daß die ganze Familie die Reise nach Petersburg angetreten habe. Doch kaum war Tjutschew in Rußlands Hauptstadt eingetroffen, empfand er alles andere als Freude: *„Ich verspüre kein Heimweh, sondern Herausweh“*. Als sich Tjutschews Urlaub dem Ende näherte und die neue Dienststelle endgültig bestätigt worden war, hatte es Fjodor Iwanowitsch sehr eilig, nach Turin, seinem neuen Bestimmungsort, zu gelangen.

Eleonore blieb mit den Kindern in Petersburg, wo auch die jungen Petersons, ihre Söhne aus erster Ehe, lebten. Die Tjutschews hatten vereinbart, daß Eleonore bis zum Herbst des Jahres bleiben würde. Doch der Aufenthalt dauerte noch über den ganzen Winter und das Frühjahr 1838. Eleonore machte sich mit den Töchtern erst am 14. Mai 1838 auf den Weg zu ihrem Mann. Bei der Schiffsreise von Petersburg nach Lübeck brach in der Nacht des 19. Mai auf dem russischen Dampfer „Nikolai“ ein Großbrand aus. Die meisten Passagiere konnten zwar gerettet werden, dennoch kostete das Feuer nicht wenigen Menschen das Leben. *„Sie werden*

sich diese Nacht voller Schrecken und den Kampf mit dem Tod nie vorstellen können!" schrieb Eleonore in einem Brief an Tjutschews Schwester Darja. Die Nachricht über das Großfeuer gelangte zu Tjutschew über einen Zeitungsbericht: *„Am 11. des Monats (Juni) saß ich ruhig in meinem Zimmer in Turin, als jemand hereintrat, um mir schlicht und einfach mitzuteilen, daß der Dampfer „Nikolai“, der Petersburg am 14./26. Mai verlassen hatte, auf See verbrannt sei“*.

Tjutschew reiste auf der Stelle nach München ab. Eleonore war dort mit den Kindern schon eingetroffen und in der Pension ihrer Tante, Baronesse Hanstein, an der Brienner Straße 4, abgestiegen. Auch Klothilde hielt sich dort auf.

Am 16. Juni schrieb Eleonore in einem Brief aus München nach Petersburg: *„Für einige Tage erkrankte ich ziemlich heftig - die Folgen des durchlebten Schreckens und der Aufregungen wie auch der tausend Mühen, die danach kamen, haben mich in eine Art Nervenfieber versetzt“*. Auch Fjodor Iwanowitsch teilte sich den Eltern in Petersburg mit: *„Außer Gotte verdanke ich es der Beherztheit und dem Mut Nellys, daß sie und die Kinder am Leben geblieben sind... Soeben in München eingetroffen, habe ich erfahren, wie das alles war. Erst eine Woche danach konnte ich mich wieder beruhigen, als ich mich davon überzeugte, daß Nelly nicht so erschöpft und zerbrochen ist, wie ich das befürchtet hatte“*.

Gottlob hatte sich Eleonore erholt und konnte sich wieder ganz um die Familie kümmern. Die Töchter blieben vorübergehend bei der Tante in der Münchner Brienner Straße.

In einem der bekannten Briefe, den Eleonore am 4. August 1838 in Turin schrieb und von dort abschickte, können wir lesen, als ob alles beim Alten geblieben sei: *„Ich kann mich nicht dazu entschließen, mit Theodor über meine materiellen Sorgen zu reden, er kommt mir so niedergeschlagen vor, und ich kenne nicht den Grund dafür: Ist es das Klima? Oder die einsame Lebensweise, die er hier fahren muß? Ich glaube aber, das eine wie das andere rufen die reizbare und melancholische Stimmung in ihm hervor, die Euch so vertraut ist... Ich finde auch, daß Theodors Gesundheit eher besser als schlechter geworden ist - seit den hydropathischen Behandlungen ist bei ihm eine deutliche Verbesserung eingetreten“*. Eleonore denkt nur an Tjutschew. Über den eigenen Zustand klagt sie überhaupt nicht... Nach dem gregorianischen Kalender war es der 9. September 1838 - nach dem russischen, dem julianischen Kalender, der 28. August, daß der Tod in Tjutschews Haus kam und Eleonore abholte... Eleonore hatte sich von Tjutschew ebenso urplötzlich verabschiedet, wie sie in seinem Leben aufgetaucht war. Sie wurde auf dem Friedhof eines Vororts von Turin beerdigt. Auf der Marmorplatte des Grabes finden wir die Worte:

Hier ruht Eleonore Tjutschew, geb. Bothner, die im September 1838 verschied.

Und unter dieser Zeile steht:

Sie kommt nicht mehr zu mir, doch ich geh zu ihr.

Fjodor Iwanowitsch war wie in Nichts aufgelöst - Menschen, die ihm nahestanden, berichteten, der Tod seiner Eleonore habe Tjutschew dermaßen aufgewühlt, daß er bei Nacht Stunden an ihrem Grab verbrachte.

Die schreckliche Erschütterung dieses Todes, die den Menschen Tjutschew fast den Verstand kostete, offenbarte er in einem Brief an Minister Nesselrode: *„Euer Exzellenz, ich habe alles verloren... Worte, das fühle ich, können nichts ausdrücken... Doch der Mensch hat ja nichts anderes als Worte, um auszusprechen, wie verwundet sein Herz ist“*.

In der Familie der Tjutschews wurde immer des Trauerdatums gedacht, des Tages, an dem Eleonore starb: *„Du hast gut daran getan, am Tag des 9. September an mich zu denken“*, schrieb Tjutschew seiner Tochter Anna 1846.

Im September 1849 - am zehnten Todestag Eleonores - widmete ihr der Dichter, der inzwischen im neunten Jahr neu vermählt war, ein poetisches Juwel:

*Noch drängt's mich zu dir mit Verlangen, Dein liebes Bild, mir unverlierbar,
Noch ist die Sehnsucht nicht gestillt, Steht vor mir hier und immerdar,
Vom Dämmer der Erinnerung umfassen, Steht unerreichbar, unversehrbar -
Lieb ich immer noch dein Bild, Wie in der Nacht ein Stern so klar...*

Übertragen von Siegfried von Nostitz (1992)

Der schlichte Rhythmus und der seelische Schmerz des Gedichts über sein unheilbares Trauma haben acht(!) russische Komponisten zur Vertonung inspiriert.

Zum großen Leid in Tjutschews Leben gehört nicht nur der Tod Eleonores. Von seinen neun Kindern sollte Fjodor Iwanowitsch vier überleben. Und er überlebte auch Jelena Denissjewa, seine letzte Liebe ...

Eleonores Worte über den geliebten Mann, die Eleonore einmal dem Bruder von Fjodor Iwanowitsch schrieb, enthielten etwas Prophetisches: *„Die Vorsehung hat sich unseres Kindes angenommen - wo immer er war, sollte es dazu kommen, daß er sein Haupt senken mußte“*.

Ab Dezember 1838 war die zweite Frau bereits an Tjutschews Seite: Ernestine und Fjodor Iwanowitsch vermählten sich im Sommer 1839.

— „DAS GLÜCK, DAS LÄNGST MIR HINGESCHWUNDEN...“

Klothilde

Auch sie, die Schwester Eleonores, sah sich zutiefst erschüttert.

Klothilde hat den Dichter, seine Kinder und Frauen ein Leben lang ergeben geliebt. Sie war Patentante der Kinder von Eleonore und Ernestine. Nach Eleonores Tod haben ihre Töchter lange Zeit bei Tante Klothilde gelebt. Klothildes Porträt, das ein unbekannter Meister anfertigte, schmückte die bayerische Nationalgalerie.

Noch zu Lebzeiten Eleonores hat Freiherr von Maltitz, Tjutschews Kollege von Rußlands Gesandtschaft am Hof der Wittelsbacher, wiederholt um die Hand Klothildens angehalten - immer wieder vergeblich! Erst als Ernestine in das Leben von Fjodor Iwanowitsch trat, gab Klothilde ihre stille Hoffnung auf eine Familie mit Tjutschew auf. Im Alter von dreißig Jahren vermählte sie sich am 19 März 1839 mit Franz Friedrich Appolonius Freiherr von Maltitz, dem rußländischen Diplomaten (*mit dem Pferdekopf im Wappen*) und deutschen Dichter. Freiherr von Maltitz übersetzte Gedichte von Puschkin, Tjutschew und Lermontow ins Deutsche. Klothilde wird keine Kinder gebären. Sie wohnte für einige Zeit in der Ottostraße 4 - gleich daneben, im Haus mit der Nummer 6, wohnten Tjutschew und Ernestine. Maltitz umhegte Klothilde liebevoll und umsichtig. In seinem Sonett *Rückblick von einer fernen Kugel*, erfüllt von Demut und Zufriedenheit über ein verbrachtes Leben und die eigene Seelenruhe, wird in den letzten Strophen Klothildes gedacht:

<i>Die goldne Kette ist entzwei gesprungen,</i>	<i>sich das Herz geweidet,</i>
<i>Als Friedland sich</i>	<i>Doch kommt die Zeit,</i>
<i>zum letzten Schlaf entkleidet,</i>	<i>wo Jeder sich bescheidet,</i>
<i>Mir, wie mein Fuß</i>	<i>Wenn mancher Jugendschwanenruf</i>
<i>von diesen Fluren scheidet,</i>	<i>verklungen.</i>
<i>Reißt nicht die Kette der Erinnerungen.</i>	<i>...Der Zukunft heller Stern</i>
<i>Hier, des Wiedersehns Begeisterungen</i>	<i>ist Dein Geleite,</i>
<i>Hat, fromm und dankbar,</i>	<i>Du Lieblichste der Treuen, mir zur Seite.</i>

Die Vergötterung, die Maltitz seiner Frau entgegenbrachte, irritierte Tjutschew und rief sogar ein Gefühl des Neides hervor: „*In ihrer beider Gesellschaft will ich mir gar nicht gefallen*“, ließ er einmal Ernestine unzufrieden wissen.

Die Familie Maltitz übersiedelte nach Weimar, wo Appolonius ab Mai 1841 als Bevollmächtigter Rußlands wirkte. Diesen Posten in Weimar hatte übrigens Jahre zuvor Alexander Peterson eingenommen - Eleonores erster Mann. Tjutschew korrespondierte mit Appolonius und Klothilde, er besuchte sie in der ersten Zeit nach dem Wegzug aus München ziemlich häufig und danach immer weniger. Nach Tjutschews Begegnung mit Klothilde in Weimar am 7. Juli 1847 sollten sie erst 23 Jahre später wieder zusammentreffen, als sie bereits Witwe war und am 2. März 1870 von Weimar nach Bad Kosen bei Naumburg übersiedelte, das rund 120 Kilometer von Karls-

bad entfernt lag, wohin Tjutschew im Juli zu einer Kur gereist war. Sie müssen sich dort zwischen dem 21. und 26. Juli zum letzten Mal getroffen haben. Klothilde war bereits 61 Jahre alt und Fjodor Tjutschew 67... Noch im selben Jahr - am 26. Juli 1870 - erschien ein Liebesgedicht, eines seiner letzten Meisterstücke, mit den rätselhaften Initialen „K. B.“ Die Nachfahren und Freunde der Familie Tjutschews haben den wahren Namen der Adressatin für lange Zeit verborgen gehalten und die Version in die Welt gesetzt, das Gedicht sei Amalie Freifrau von Krüdener gewidmet, „K. B.“ in Wahrheit ein Kryptonum für „B. K.“ - *Baronesse Krüdener*.

Schon zur letzten Jahrhundertwende zweifelte Valeri Brjussow, bekannter russischer Dichter und poetischer Nachfolger Tjutschews, diese Entschlüsselung an. Das Geheimnis von Tjutschews letzter Leidenschaft ließ sich aber damals noch nicht eindeutig lüften. Heute ist es nachzuweisen, daß dieses Gedicht „K. B.“ zweifelsfrei Klothilde, geborene Gräfin von Bothmer, gewidmet war. Es wurde im Dezember 1870 veröffentlicht und schon im darauffolgenden Jahr hat es offenbar die Aufmerksamkeit der Komponisten erregt. Geradezu berühmt wurde die Romanze „*Ja wstretil was...*“ („*Ich traf Sie einst...*“) - sie hauchte dem Gedicht „K. B.“ ein neues Leben ein. In Früheren Musikeditionen hatte es immer geheißen, der Komponist der beliebten Romanze sei unbekannt. Einer der bekanntesten Interpreten des Stücks - Iwan Moskwina - beeindruckte durch seine Interpretation den Sänger Iwan Koslowski und veranlaßte ihn dazu, die Noten aufzuschreiben. Auf dermaßen verschlungenen Wegen war es dann nach Jahrzehnten vergeblicher Nachforschungen gelungen, daß Tjutschewforscher den Komponisten einer Romanze, die zur Volksweise geworden war, eindeutig identifizieren konnten - die berühmte russische Romanze nach Tjutschews Gedicht K.B. hatte L. J. Malaschkin, beflügelt von der Musikalität der Verse, ihrer subtilen Erhabenheit und intelligenten Empfindsamkeit, im Jahr 1880 äußerst einfühlsam vertont:

*Das Glück, das längst
mir hingeschwunden*

Lebt auf in meiner toten Brust;

Ich seh die fernern goldnen Stunden

Und ohne wieder Himmelsluft.

Wie spätern Herbstes Tage kommen,

Wo plötzlich rinnt ein Lenzeshauch

Und warmen Zuges, unbesorgt,

Den Atem führt der Busen auch -

So, ganz von Frühlingswehn durchdrungen

Des Einst voll Duft und Klang und Licht,

*Seh ich, vom Wonnerauch bezwungen,
Dir in das holde Angesicht.*

Nach langer Trennung voller Tränen

Blick traumhaft ich ins Auge dir

Und höre laut die Klänge tönen,

Die nimmermehr verstummt in mir.

Nicht der Erinnerung sanfter Schimmer-

Des Lebens Glanz erstrahlt mir neu! ...

Und blieb dir treu

die Schönheit immer -

Blieb immer mir die Liebe treu!

Übertragen von Friedrich Fiedler (1905)

Die Adressatin des Gedichts „K. B.“, Klothilde Freifrau von Maltitz, geborene Gräfin von Bothmer, verstarb am 5. September 1882 in Georgenthal, Thüringen.

— „DU, DU BIST MEINE VORSEHUNG AUF ERDEN!..“

Nesti

Zur Vita: Ernestine Henriette Karoline Maximiliane Wilhelmine Freifrau von Pfeffel (geboren am 20. April 1810 in Dresden, gestorben am 17. April 1894 in Petersburg) kam in einer bayerisch-französischen Familie zur Welt. Ihr Vater - Christian Hubert Freiherr von Pfeffel (1765-1834), gebürtiger Elsässer, war bayerischer Diplomat in Holland, Dresden, London und Paris. Die Mutter Karoline (1789-1811) war die bayerische Baroness von Tettelborn. Christian Pfeffel war der Neffe zweier prominenter Brüder - des bekannten Fabeldichters Gottlieb Konrad Pfeffel (1736-1809) und des Diplomaten und Historikers Bayerns, Christian Friedrich Pfeffel (1726-807). Ernestine wurde in Pensionaten von Paris und Straßburg erzogen. Am 28. September 1830 heiratete sie in Paris den bayerischen Diplomat Friedrich Karl Freiherr von Dörnberg (1796 bis 1833). Verwitwet am 21. Februar 1833 wurde sie im Sommer 1839 als zweite Frau Tjutschews getraut. Aus der Ehe mit Fjodor Iwanowitsch entstammten drei Kinder: Maria (1840-1872), Dmitri (1841-1870) und Iwan (1846-1909). Ihr Bruder Karl (1811-1890), bekannt als Journalist und Publizist, war mit Tjutschew befreundet.

Im Januar 1833 traf das Paar Dörnberg, aus Regensburg kommend, in München ein, um sich beim traditionsreichen bayrischen Fasching zu amüsieren.

„Es geschah im Februar bei einem Ball. Mammachen tanzte, und ihr Mann, der sich unwohl fühlte, beschloß, das Fest zu verlassen. Er wollte seine Frau nicht dabei stören, sich zu vergnügen. Als er zu ihr trat, unterhielt sie sich gerade mit einem jungen Russen. Er sagte seiner Frau, sie solle dableiben, er würde allein weggehen, dann wandte er sich an den Russen mit den Worten: 'Ich vertraue Ihnen meine Frau an'. Dieser junge Russe war Papa. Zuhause angelangt, legte sich Herr Dörnberg ins Bett. Er war an Typhus erkrankt und kam danach nicht mehr auf die Beine. Mammachen erzählte, daß sie nach ihrer Rückkehr ihren Mann ganz krank antraf... Als er starb, konnte sie vor Schrecken und Zweifel lange nicht mehr zu sich kommen“. Darja, die Tochter von Fjodor Iwanowitsch und Eleonore, notierte diese Zeilen im Juni 1857.

Tjutschews Hang zum Spiritualismus ließ ihn die Worte des verstorbenen Freiherrn von Dörnberg - *ich vertraue Ihnen meine Frau an* - in einem mystischen Licht erscheinen. Ernestine verbrachte den ganzen Sommer 1834 im Ausland. Der Bruder teilte ihr nach Paris und in die Schweiz mit: *„Herr Tjutschew besucht mich jeden zweiten, dritten Tag, um sich nach Ihnen zu erkundigen“.*

Fürst Iwan Gagarin erwähnte einmal Tjutschews Passion fürs Theater: *„Es*

soll Leute geben, die das Theater so leidenschaftlich lieben, daß sie dafür vieles entbehren und sogar aufs Mittagessen verzichten, damit sie ins Theater gehen können. Tjutschew war teilweise von der Art". Am 21. April 1834 gab der berühmte deutsche Cellist, Dirigent und Komponist, Bernhard Romberg, ein Konzert in München. Tjutschew hörte ihn norwegische Weisen interpretieren und ließ sich zu einer Melodie von Wörtern inspirieren:

<i>O Skaldenharfe, lang hast du geruht</i>	<i>Welch Leben hat es rasch</i>
<i>In des vergessnen Winkels dunkler Huth;</i>	<i>dir zugehaucht?</i>
<i>Doch drang vom Mond,</i>	<i>Ist deine alte Zeit dir aufgetaucht</i>
<i>dem Nebelzauber, kaum</i>	<i>Als wollustvoller Mädchen nächtig Lieb,</i>
<i>Ein bläulich Licht</i>	<i>Was, längstvergessen, jetzt</i>
<i>in deinen stillen Raum,</i>	<i>dich schnell durchzieht?</i>
<i>Flog durch die Saiten seltsam</i>	<i>Ist's Gegenwart, wo unsichtbar ihr Gang</i>
<i>hin ein Klang,</i>	<i>Jetzt draußen schwebt</i>
<i>Wie Seelen stammeln,</i>	<i>der Blüthenhain entlang?</i>
<i>wenn der Traum zu bang.</i>	

Übertragen von Heinrich Noé (1861)

Ernestine kannte die russische Sprache noch nicht und konnte den melodischen Klang der „Skaldenharfe“ Tjutschews nicht würdigen. Aber die Resonanz ihrer zauberhaften Töne in der Seele von Fjodor Iwanowitsch mußte auch ihr empfängliches Herz rühren.

Christian Hubert Freiherr von Pfeffel, Ernestines Vater, starb am 11. Dezember 1834 in Paris. Kurz vor seinem Tod gab er noch ein Porträt seiner Tochter bei Joseph Karl Stieler, dem Hofmaler König Ludwigs I., in Auftrag. Gottlieb Bodmer fertigte eine Lithographie des Gemäldes an. Das Porträt selbst gilt leider als verschollen. Zwei Exemplare der Lithographie Bodmers blieben indes erhalten: Eines davon hängt im Tjutschew-Museum *Muranowo*, dem ehemaligen Adelsnest der Familie in der idyllischen Landschaft nördlich von Moskau, das andere im Münchner Stadtmuseum.

Die Beziehungen zwischen Fjodor Iwanowitsch und Ernestine entflamten regelrecht im Sommer 1835. In Ernestines Album und Herbarium findet sich die Notiz vom Juni des Jahres „über die glücklichen Tage, verbracht in Eglofsheim“. Auch Tjutschew erwähnt diese Jahreszeit im Lied auf die Jungfer. In Bayern ist Hochsommer. Die Schönheit der Natur ergreift die Seele im Vorgefühl eines Gewitters und der Liebe:

<i>Stehn vor des Gewitters Tosen</i>	<i>Mädchen, Mädchen, welch ein Sehnen</i>
<i>Still die Lüfte, ahnungsbang -</i>	<i>Bebt in deiner jungen Brust,</i>
<i>Stärker duften dann die Rosen,</i>	<i>Lockt aus deinen Augen Tränen?</i>
<i>Lauter tönt Libellenklang...</i>	<i>Ist es Leiden? Ist es Lust?</i>
<i>Horch - in schwüler Mittagshitze</i>	<i>Warum werden deine Wangen</i>
<i>Eines dumpfen Donners Hall;</i>	<i>Einmal rot und einmal blaß?</i>

*Durch den Himmel zucken Blitze -
Rechts und links und überall... .
Ist's ein Übermaß an Leben,
Das im Äther sich ergießt,
So, wie wenn die Kraft der Reben
Brennend durch die Adern fließt?*

*Was erfüllt dein Herz mit Bangen?
Was macht deine Augen naß?
Eine Träne seh ich fließen:
Sag - was kündet sie mir an?
Wird ein Regen sich ergießen,
Ein Gewittersturm sich nahn?..*

Übertragen von Ludolf Müller (1996)

Tränen, Regen- und Feuertropfen sind Symbole der Gefühlsquellen im Leben. Zu jener Zeit schuf Tjutschew auch das Gedicht „*Wostok belet...*“ („*Der Osten hellt sich...*“) - ganze drei Strophen zu je vier Zeilen! Doch Welch gewaltiger Raum verbirgt sich hier in der Darstellung der Leidenschaft. Der Osten ist Aufgang und Morgendämmerung, der Anfang des Tages und der Liebe:

*Weiß war der Osten überm Meere.
Der Wind blies in des Segels Breite.
Und wie ein umgedrehter Himmel
Lag unter uns des Wassers Weite...
Rot ward der Osten überm Meere.
Sie stand, tief im Gebet versunken,*

*Den Schleier von der Stirn geworfen,
Ihr Blick - von Himmelswonne trunken...
Der Osten flammte überm Meere.
Sie neigte sich in scheuem Bangen,
Und feuerfarbne Tropfen flossen
Über die jugendfrischen Wangen.*

Übertragen von Ludolf Müller (1996)

Tjutschews Herz zerspringt vor Gefühlen, und gedanklich nimmt er die Welt mit verschärfter Sensibilität wahr. Der seelische Auftrieb läßt ihn just zu dieser Zeit zwei seiner besten Kreationen über die Verbundenheit des Menschen mit dem Universum verfassen: „*Teni sisye smesilis...*“ („*Schon mischen sich die grauen Schatten...*“) und „*Sishu sadumtschiw ja odin...*“ („*Ich sitze sinnend und allein...*“).

Lew Tolstojs Lieblingsgedicht - „*Schon mischen sich die grauen Schatten*“ - wurde von sieben Komponisten vertont! Tjutschews lebhaftere Einbildungskraft vermittelt den Sinn, daß sich das Leben im Element des nächtlichen Weltalls auflöst - das Universum der Seele ist von der des Kosmos nicht zu trennen:

*Schon mischen sich die grauen Schatten,
Das Licht verbleicht, der Lärm verhallt -
Des Lebens Regungen ermatten,
Verklingen, wenn der Dämmer wallt.
Es fliegt die Motte ungesehen,
Doch hörbar in der Nacht Revier.
O Stunde unsagbarer Wehen!
Ich bin in allem, alles ist in mir.*

*Du stilles Dunkel, schlafumwoben
Ach ströme meiner Seele zu!
Du stiller Dämmer, duftdurchzogen,
Ergieße in mich deine Ruh!
Mit deinem Schleier mich verhülle,
Auf daß Vergessen mich befällt.
Gib, daß ich Selbstvernichtung fühle,
Versinke in der Träume Welt!*

Übertragen von Siegfried von Nostitz (1992)

Der Pianist und Komponist Alexander Goldenweiser notierte sich 1899 sei-

nen Eindruck von einer Begegnung mit Tolstoi: „*Lew Nikolajewitsch hob an, mit stockender Stimme zu zitieren - schon mischen sich die grauen Schatten -, doch als er das Ende der ersten Strophe aussprach - ich bin in allem, alles ist in mir -, da brach die Stimme ab*“. In der Natur ist alles zyklisch - die Zukunft wird Vergangenheit, der Mensch hat keine Macht, den Gang der Zeit zu ändern. Das Bewußtsein von der Vergänglichkeit des Daseins ist zwar ausweglos, aber nicht tragisch - das Leben selbst währt ewig:

*Ich sitze sinnend und allein
Vor des Kamines letztem Schein,
Die Träne rinnt...
Ich denke der Vergangenheit,
Ohn daß ich für mein Herzeleid
Die Worte find.
Vergangenheit - gab es sie - wann?
Und Gegenwart - hält sie denn an?
Nicht immerdar!
Sie sinkt dahin, wie alles sinkt,
Der dunkle Abgrund sie verschlingt,
Jahr über Jahr.
Jahr über Jahr, und Zeit auf Zeit ...
Was klagt der Mensch darum sein Leid,
Das schwanke Rohr!*

*Wie rasch, wie rasch welkt er dahin,
Doch neuer Lenz treibt neues Grün,
Und neues Blätterwerk hervor.
Erneut wird alles sein, was lebt,
Das Stöcklein wieder Rosen trägt
Und Dornen auch...
Du arme, blasse Blume mein,
Dir wird kein Auferstehen sein,
Sein wird Frühlingshauch.
Von meiner Hand warst du gepflückt,
Mit solcher Sehnsucht, solchem Glück -
Gott weiß darum!..
So bleibt in meinem Herzen auch,
Bis meiner Liebe letzter Hauch
Verweht und stumm.*

Übertragen von Siegfried von Nostitz (1992)

Tjutschew lebte im Einklang mit der Natur und verschmolz mit ihr. Die Schönheit von Bayerns Natur im Frühling findet in der inneren Erregung einen hellen Widerhall. Es entstehen die heiteren Gedichte wie „*Sima ne darom slitsja...*“ („*Der Winter zürnt nicht grundlos...*“) über den rotwangigen lachenden Frühling, der die böse Hexe Winter verjagt:

*Der Winter zürnt nicht grundlos,
Denn seine Zeit ist aus -
Der Frühling klopft ans Fenster,
Treibt ihn zum Hofhinaus.
Nun dringt nach langem Schweigen
Das Leben neu hervor -
Die ersten Lerchen steigen
Zum Himmelszelt empor.
Der Winter schilt den Frühling
Und läßt sein Treiben nicht.*

*Der Frühling jubelt lauter
Und höhnt ihm ins Gesicht.
Den Schnee rafft eine Hexe,
Vor hellem Zorn halb blind,
Und fliehend hinterläßt sie
Ein wunderschönes Kind ...
Der Frühling wusch im Schnee sich,
Und purpurn wurde er,
Kennt, seinem Feind zum Trotze,
Fast keinen Kummer mehr.*

Übertragen von Uwe Grüning (1988)

darüber schreiben - im Brief aus Moskau vom 8. August 1846 an Ernestine erinnerte er sie an den Aufenthalt in Genf: „Geneve. Hotel Bergow. Rona - du und ich, vor acht Jahren“. Und im Herbarium Ernestines befindet sich ein Zweig aus Voltaires Garten im Alterssitz Ferney bei Genf, neben dem der Eintrag steht: „12. März 1838“. Von Ernestines Hand stammt auch die Datierung „9. März 1838“ auf dem Porträt, das die junge Sonntagsmalerin Hippolyte von Rechberg in Genf aufgefertigt hat, die Frau des Oberhofmeisters am bayerischen Hof, Karl Graf von Rechberg.

Tjutschews poetisches Kleinod - „*Kak ne gnetjot ruka sudbiny...*“ („*Drückt schwer nicht Schicksals Hand das Leben...*“) - entstand womöglich schon in Genf, in jedem Fall aber kurz danach und auf Grund der Genfer Begegnung mit Ernestine. Grundmotiv der Stimmung Tjutschews im Frühling 1838 sind die Verwicklungen des Lebens zwischen Kummer und Zuversicht Sein Innenleben ist vielfältigen, widerspruchsvollen Emotionen unterworfen. Moralische Beklemmungen liegen im Streit mit der Freude am neuen Frühlingserwachen, Kümernisse wechseln ab mit Hoffnungen. Mit den vergangenen Wunden des Herzens, ja der Furcht vor einem künftigen Ende seiner Erwartung will er aber nicht mehr leben, sondern in den lebensspendenden Ozean der Gegenwart eintauchen:

*Drückt schwer nicht Schicksals Hand das Leben,
Plagt nicht die Menschen Lug und Trug,
Furcht unsre Stirn mit seinen Gräben,
Trägt Wunden nicht das Herz genug?
Doch mag's uns noch so schlimm ergehen,
Sei noch so strenge das Geschick -
Was kann vor seinem Hauch bestehen,
Vor Frühlings erstem Augenblick?
Der Frühling ... Unsre Widrigkeiten
Und unsre Schmerzen ahnt er nicht,
Sein Blick erglänzt in Ewigkeiten
Und ungefurcht ist sein Gesicht.
Zur rechten Zeit uns zugesendet,
Hat sein Gesetz ihn hergeführt,
Gleichmütig er den Segen spendet,
Strahlend, wie's einem Gotte gebührt.
Und Blumen streut er aus im Tale,
Frisch wie am ersten Tag des Lichts,
Vor ihm gab's Frühling viele Male,*

*Jedoch von frühen weiß er nichts.
Am Himmel hin die Wolken gleiten,
Und sie gehören ihm allein,
Er achtet nicht vergangner Zeiten,
Verblüht ist früherer Lenze Schein.
Der Vorwelt keine Rosen duften,
Singen die Nachtigallen nicht,
Glänzt nicht die Träne in den Lüften,
Die aus dem Aug Auroras bricht.
Aus Furcht vorm Ende, unabwendlich,
Kein Blatt von einem Baume fällt:
Ihr Leben, wie das Meer unendlich,
Gehört der gegenwärtigen Welt.
Du Spielball deines eignen Lebens!
Fort mit der Sinne Trug und Wahn,
Stürz dich getrost, mit allen Streben,
In den belebten Ozean!
In seine Ätherfluten senke
Die arme, leidgeprüfte Brust!
Stiche, wenn auch nur Augenblicke,
Im All des Lebens deine Lust!*

Übertragen von Siegfried von Nostitz (1992)

Einen Monat nach Eleonores Tod teilte Ernestine dem Bruder im Brief vom 9. Dezember 1838 mit, sie werde unverzüglich zu Tjutschew nach Genua reisen.

Nach Turin, an den Ort des diplomatischen Dienstes, kehrten Fjodor Iwanowitsch und Ernestine gemeinsam zurück. Fünf Jahr später wird Tjutschew seiner Frau Ernestine folgende Worte schreiben: *„Mein liebes Kätzchen ...der heutige Tag - der 9. September - ist für mich ein trauriges Datum. Es war der schrecklichste Tag meines Lebens, und wärest nicht Du gewesen, hätte es wohl auch mein letzter Tag sein können. Gott behüte Dich!“*.

Tjutschew bereitete seinen Dienstherrn, Minister Nesselrode, auf die Möglichkeit einer zweiten Ehe mit einer gewissen Umständlichkeit vor. Der für ihn so charakteristischen mondänen Geschliffenheit des Ausdrucks und der häufigen Benutzung von Konjunktiven folgte ein weitläufiges Ersuchen, das geradezu abrupt endet und alles auf den Punkt bringt: *„Der Gegenstand meiner Bitte meint die Erlaubnis zur Ehe“*.

Graf Nesselrode gewährte ihm die Bitte am 15. April 1839. Da Fjodor Iwanowitsch dem orthodoxen und Ernestine dem lutherischen Glaubensbekenntnis anhängen, vermählten sie sich gleich zweimal - am 17. Juli 1839 in der orthodoxen Kirche bei der rußländischen Gesandtschaft zu Bern und am 29. Juli in der evangelischen Kirche zu Konstanz am Bodensee.

Die Ehe mit Ernestine führte Tjutschew in den Kreis der kulturellen Elite Bayerns ein. Maria von Pfeffel, Ernestines Nichte, heiratete 1869 Friedrich Graf Poggi, dessen Vater -Franz Poggi (1807 bis 1876) ein bekannter Literat im Königreich Bayern war. Ludwig I. hatte ihn zu sich an den Hofgeholt. In die Geschichte der bayerischen Kultur ging Franz Poggi allerdings nicht als Oberzeremonienmeister des Hofes ein, sondern als Schriftsteller und Verfasser von Kinderversen, als Lyriker und Buchillustrator, Übersetzer, Komponist und Dramatiker, als einer der Schöpfer des Marionettentheaters („Papa Schmidt-Theater“), das bis heute besteht. 1887 verewigten die Münchner den Namen Franz Poggis - Ernestine Tjutschews Schwager - durch die Benennung einer ihrer Straße in der Innenstadt.

Mit Eleonores Tod war für Tjutschew auch der diplomatische Dienst zu Ende - der frisch vermählte Fjodor Iwanowitsch übersiedelte mit seiner zweiten Frau Ernestine am 6. September 1839 von Turin nach München. Schon am 1. Oktober ließ sich Tjutschew auf eigenen Wunsch von seinem Posten in Turin befreien. Die Behörde des Außenministeriums genehmigte zwar den ihm zustehenden Urlaub, verfügte aber zugleich am 30. Juni 1841, daß Tjutschew aus der Beamtenliste des Ministeriums gestrichen und der Rang eines Kammerherrn aberkannt wurde - *„wegen eines langzeitigen Nichteintreffens aus dem Urlaub“*. Seine Wiederaufnahme in die Beamtenliste des Ministeriums erfolgte erst am 16. März 1845. Zu diesem Zeitpunkt hatte er sich schon in Petersburg niedergelassen.

Vorerst bleibt München noch für einige Jahre der Ankerplatz der Tjutschews. Die Familie zog häufig um. Mit neue Nachwuchs vergrößerte jeder Umzug die Wohnfläche. Die Anschriften aus dieser Zeit sind bekannt: Vom 6. September 1839 an wohnten sie in der Brienner Straße 18, im Haus des Künstlers Kirchmayer; ab 24. Februar 1840 in der Ottostraße 6, im Haus des Weinhändlers Otto, wo Maria,

das erste Kind aus ihrer Ehe, zur Welt kam; vom 15. Oktober 1840 wohnten sie im Haus des Tischlers Wichant in der Karlstraße 54 - dort wurde am 26. Juli 1841 Dmitri, Tjutschews erster Sohn, geboren; und nach dem 27. Oktober 1842 wohnten sie in der Ludwigstraße 7/3, im Haus des Mehlhändlers Kopp. Während ihrer halbjährigen Besuche Münchens wohnte Ernestine im Hotel „Maulik“ - zuvor *Schwarzer Adler* - in der Kaufingerstraße 23. Als Tjutschew im Sommer 1859 München für einen kurzen Aufenthalt besuchte, war er im Hotel „Vier Jahreszeiten“ abgestiegen, damals Hausnummer 4, heute Nummer 17 in der Maximilianstraße. Ernestine wußte bei der Übernahme des Stabes aus Eleonores Hand sehr wohl, welchen Mann sie geheiratet hatte. Nun stand es ihnen bevor, das Buch des Lebens zu schreiben, in dem es Dramatisches und Tragisches, aber auch viel Freudvolles geben wird. Fjodor Iwanowitsch hat Ernestine all die Jahre - in den hellen und den verwirrten - Gedichte gewidmet, über zwei Jahrzehnte hatte es Ernestine versäumt, ihr Album - das Herbarium denkwürdiger Daten - mit neuen Einträgen über angenehme Erinnerungen zu versehen. Wie erstaunt und erregt muß sie gewesen sein, als sie im Mai 1875, das heißt fast zwei Jahre nach dem Tod des Mannes, in ihrem Herbarium ein Gedicht von Fjodor Iwanowitsch mit dem Datum „April 1851“ entdeckte. Das waren keine Verse, sondern verzweifelte Wehklagen und die Angst vor dem Verlust der einzigen Lebensstütze - das inständige Flehen um Verzeihung in der Zukunft:

Ich weiß nicht, wird die Gnade

noch einmal

*Die krankhaft-sünd'ge Seele mir berühren
Und meinen Geist aus diesem finstren Tal
Zum Licht der Auferstehung führen.*

Doch könnte mir der Seele Ruh

In diesem Leben noch gegeben werden,

So wärest meine Gnade du -

Du, du bist meine Vorsehung

auf Erden!..

Übertragen von Lüdolf Müller (1996)

Ernestine Tjutschewa. Fotografie von H. Robillard. Petersburg, 1862.

Das Gebet aus dem Jenseits wurde erhört und angenommen: Ernestine hat den Rest ihres Lebens - die letzten 19 Jahre - der Vorbereitung der vollständigsten Sammlung von Tjutschews Werken gewidmet, die im Jahr 1900 - sechs Jahre nach Ernestines Tod - erschienen sind. Im Vorwort zu dieser Sammlung äußerten sich die Kinder von Fjodor Iwanowitsch, Darja und Iwan, nunmehr schon Menschen fortgeschrittenen Alters, voller Begeisterung über Ernestines Einsatz und Leistung:

„Der Herkunft nach eine Ausländerin, der Rußland zum Zeitpunkt der Vermählung mit Fjodor Iwanowitsch völlig fremd war, hat Ernestine Fjodo-

abendländischer Lieder mit dem parabolischen Reichthum östlicher Phantasie. Sein überall durchblickender Glaube an den Parallelismus und die gegenseitige Durchdringung von Natur und Geist, an die übersinnliche Bedeutung der Schöpfung, ließen uns auf eine Art von philosophischem Quietismus schließen, wenn nicht die Lichter ureigenster Subjectivität hie und dort hervorblitzend, uns daran daran irre machten. Er ist Kosmopolit. Doch zittern durch die abgeschliffen, verfeinerten Melodien seiner vielfach den westlichen Völkern abgelauschten Lyrik überall jene wehmüthigen Molltöne hervor, wie sie in unendlicher Fülle seinen vaterländischen Volksliedern entquellen.

Wie alle etwas weichlich angelegten Natur ist seine sensible, leicht anzieh- und abstoßbare Phantasie zu Sprüngen und Extremen geneigt. Bald starrt uns aus einem Gedichte die höhnische, zersetzende Laune eines Heine entgegen, bald werden seine Verse von Schillerschen Idealismus getragen. So ist seine Weltanschauung noch nicht fest, als das Schöne, er ist ein geborner Lyriker, der Sängler der Stimmung".

Begeistert von Tjutschews Talent widmete der deutsche Dichter dem russischen Poeten ein Sonett:

*Ich bringe einen Sänger dir vom Norden;
Doch singt er nicht vom Land, das ihn gebar,
Nicht von der Ode, die ihm Erbtheil war,
Nicht von der Trübe, die ihm Sonne worden:
Es ringt und sucht in seines Sanges Worten
In Sehnsuchtsstönen voll und wunderbar
Nach einem Himmel, götterhell und klar,
Mach einer Seelenheimath aller Orten.
Des Südens und der Schönheit ew'ge Bronnen
Umthauten ihn auf seines Forschens Bahn,
Und winken ihm zu jenem Dschinistan,
Wo unauslöschbar selbstgeschaffne Sonnen,
Von keiner ird'sehen Trübung mehr umseh'n,
Ihm leuchten bei nur ihm erschlossen Wonnen.*

Übertragen aus dem Russischen von Friedrich Hitzer
Wolftratshausen, Januar 1997

Zentrum russischer Kultur in München

«MIR e. V., das Zentrum russischer Kultur in München», (*MIR* auf Russisch *Frieden* und *Universum*) ist ein gemeinnütziger Kulturverein, der auf Initiative in München lebender russischer und deutscher Künstler und Intellektueller 1991 von Tatjana Lukina, gegründet wurde.

Seine Hauptaufgabe besteht darin, eine Brücke zu schlagen, die die Kultur des einen Volkes mit der des anderen verbindet, von Künstler zu Künstler, von Mensch zu Mensch, oder, wie man in Rußland sagt: von Seele zu Seele.

Neben den - meist zweisprachigen - kulturellen Veranstaltungen (Vorträgen, Lesungen, Konzerten, Bilderausstellungen), führt MIR regelmäßig Konversations- und Begegnungstunden

durch, macht bekannt mit russischer Folklore, Tanz, Musik und Malerei, dient als Informations- und Beratungsquelle, unterstützt Austauschprogramme für Studenten und Fachleute, (z. B. Fortbildungskurse für russische Ärzte) macht Übersetzungen, organisiert Kulturreisen nach Rußland, und ist als Künstlerdienst tätig.

Seit seiner Gründung ist der Verein auch im sozialen Bereich aktiv: veranstaltet Benefiz-Konzerte zugunsten von Kindern und bedürftigen Künstlern in den GUS-Staaten, sammelt Medikamente und Sachspenden, kümmert sich um ältere Exilrussen und unterstützt die Jüngeren. Die Tätigkeit von MIR wird gemeinsam gefördert vom Bayerischen Staatsministerium für Wissenschaft, Forschung und Kunst, vom Kulturreferat der Landeshauptstadt München und dem Auswärtigen Amt in Bonn.

Der Jahresmitgliedsbeitrag beträgt DM 70, für Studenten DM 50.-
Spenden sind von der Steuer absetzbar.

MIR-Konto Nr.6410659121 BLZ 70020001, Hypo Vereinbank München

MIR-Postadresse: Schellingstraße 117, D-80798 München,

Tel.: 0049/89/529 673, Fax: 0049/89/523 63 40,

E-mail: mir-ev.de

Sprechzeiten: Montag 15 -17 Uhr, Nikolaiplatz 1b (Seidlvilla), U-Bahn Linien U3, U6 „Giselastraße“.

7. «MIR» - ЦЕНТР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В МЮНХЕНЕ

«MIR» - общество, созданное в Мюнхене в 1991 году по инициативе актрисы и журналистки Татьяны Евгеньевны ЛУКИНОЙ (на фото). Главная задача общества - укрепление традиционных связей между немецкой и русской культурами и дальнейшее их развитие.

«MIR» содействует развитию гуманитарного общения между Германией и странами, входящими в состав бывшего СССР.

«MIR» - это духовное убежище для лиц, носителей русской культуры, постоянно проживающих в Германии.

«MIR» - независимая внепартийная благотворительная организация, поддерживаемая муниципальными властями Мюнхена и правительством свободной земли Бавария.

«MIR» объединил почти 200 единомышленников.

Общее собрание членов «MIR'a» каждые четыре года избирает президиум. Во главе президиума - президент. Многолетний президент и художественный руководитель «MIR'a» - магистр философии Т. Е. ЛУКИНА.

Мероприятия «MIR'a»:

- литературно-музыкальные вечера на немецком и русском языках;
- концерты, творческие встречи, доклады, лекции;
- экскурсии по городу и музеям на русском языке;
- воскресные беседы у самовара, *от сердца к сердцу*;
- уроки русского языка для детей и взрослых;
- уроки танцев, музыки, пения, рисования;
- группы здоровья, лечебная гимнастика для всех.

С 1996 года при Центре существует одноимённое издательство, выпускающее литературу в соответствии с главной задачей «MIR'a».

Первой крупной публикацией была в мае 1996 года книга мюнхенского искусствоведа Лады Ростиславовны Николенко (урожд. фон Воинофф) «Die schönen Russinnen» («Русские красавицы»). ISBN 3-9805300-0-0. К 850-летию Москвы, в сентябре 1997 года, вышел в свет сборник статей 30-ти авторов под общим названием «Russische Spuren in Bayern» («Российские следы в Баварии»). ISBN 3-9805300-2-7.

В 1998 году к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина издан юбилейный календарь «Puschkins Frauen» («Женщины в жизни Пушкина»). ISBN 3-9805300-3-5.

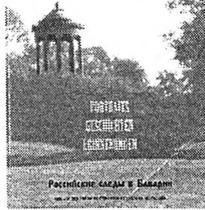
Lada Nikolenko

Die schönen Russinnen

Illustrierte Biographien
berühmter russischer Schönheiten
aus dem 18. und 19. Jahrhundert

Russische Spuren in Bayern

PROFILS
GESCHICHTEN
LEBENSSTIMMEN

Российские следы в Баварии

История и культура

Kalender 1999

Puschkins Frauen

Alexander Puschkin 1799-1837

100 Jahre der Dichtung

В 1997 году члены «MIR'a», увлечённые поэзией Ф. И. Тютчева, историей его 20-летней жизни в Мюнхене, организовали при Центре литературно-просветительское Общество имени великого русского поэта. Активисты Общества публикуют в русско-немецкой прессе архивные исследования, организуют экскурсии по тютчевскому Мюнхену. Творчество Тютчева - многократная тема литературно-музыкальных концертов в «MIR'е». Благодаря длительным усилиям Общества впервые на Западе появилось имя русского поэта на мемориальной доске в Сальваторкирхе к 125-летию его кончины. Настоящая книга издана благодаря активному содействию Общества.

ПРОГРАММА

ТОРЖЕСТВЕННОГО ОТКРЫТИЯ ЗАПИСИ ИМЕНИ Ф. И. ТЮТЧЕВА НА МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКЕ В САЛЬВАТОРКИРХЕ (МЮНХЕН)

22 ИЮЛЯ 1998 ГОДА В 16.00

- Открытие Г-жа Татьяна ЛУКИНА, президент Центра русской культуры «MIR» и г-н Константин КОТСОВИЛИС, церковный староста Сальваторкирхи
- Панихида и освящение мемориальной доски Протоиерей Кафедрального собора Русской православной церкви за рубежом о. Николай АРТЕМОВ
- Приветственное слово Г-н Михаил ЛОГВИНОВ, Генеральный консул Российской Федерации
Г-н Аркадий ПОЛОНСКИЙ, журналист
- Сообщение о роли Сальваторкирхи в жизни семьи Тютчевых
- Презентация книги Аркадия Полонского «Прогулки с Тютчевым по Мюнхену» (1-е издание)

Центр «MIR»

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

- „Люблю грозу в начале мая...“ Дарьяна ДУДАНОВА, 12 лет
- „Зима не даром злится...“ - „ -
- „Песок сыпучий по колени...“ Аня ЕРОШЕНКО, 10 лет, ученица Русской школы (педагог г-жа Наталья Генина)
- „С поляны коршун поднялся...“ - „ -
- „О как убийственно мы любим...“. Двухязычно, перевод Зигфрида фон Ностица г-н Артур ГАЛИАНДИН, артист театра и кино
- „Silentium!“. Двухязычно, перевод. д-ра Людвига Мюллера - „ -
- Романс Рахманинова „Весенние воды“ исп. г-жа Лилия ПРАВДИНА, нар. арт. Российской Федерации, засл. арт. Украины; концертмейстер г-н Игорь БРУСКИН
- Романс Чайковского „Песнь Миньоны“ - „ -
- Романс Глиера „Слёзы людские“ - „ -
- Романс Елизаветы Кочубей „Я очи знал...“ - „ -
- Романс Малашкина „Я встретил вас и все былое...“ - „ -
- Романс Рахманинова „Все отнял у меня казнящий Бог...“ - „ -